

О

ФИЗИЧЕСКОМЪ и НРАВСТВЕННОМЪ

ВОСПИТАНІИ,

СЪ ПРИСОВОКУПЛЕНІЕМЪ

СЛОВАРЯ ДОБРОДѢТЕЛЕЙ и ПОРОКОВЪ.

Княземъ

Парфеѣемъ Енгальцевымъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ КАРЛА КРАЙЯ.

1824.

нихъ важно. Также: чѣмъ они прогуливались ежедневно на чистомъ воздухѣ, какова бы погода ни была. Въ жаркихъ комнатахъ не должно держать дѣтей.

Никогда не должно пугать ихъ неожиданнымъ шумомъ или крикомъ. Особенно вредны для нихъ сказки о домовыхъ, о чертяхъ, о мертвецахъ, о медвѣдяхъ; родители должны имѣть о семъ великое попеченіе.

Надобно приучать пятилѣтнихъ дѣтей къ холоду; но только должно имъ убѣгать сырости.

Не должно дѣтямъ много спречь волюсь. Надобно, чѣмъ они держали плеча назадъ, а грудь впередъ.

Не должно давать имъ ѣсть горячихъ ищей или супу; не давать имъ грызть орѣховъ, — ибо отъ сего зубы могутъ испортиться и въ совершенныхъ лѣтахъ.

Приучить дѣтей каждое утро полощать ротъ холодною водою, и по рюмкѣ оной давать имъ пить напѣтцакъ.

Ненадобно, чѣмъ они были знобки или чувствительны къ стужѣ, и не приучать ихъ грѣться у огня передъ каминомъ, или у печки, или на лежанкѣ; чрезъ это они избѣгутъ отъ насморковъ, флюсовъ и простудъ.

Сырыхъ плодовъ и ягодъ никогда не должно давать ѣсть дѣтямъ.

Замѣчено вообще, что и въ частности, кои болѣе выславлены бывающъ на холодъ, дѣлающа къ оному нечувствительными. Никто не жалуется, что лице и глаза много зябнутъ. Женщины, привыкшія открывать грудь, никакого вреда отъ сего не чувствуютъ. Философъ *Скифъ*, который ходилъ нагой среди зимы, опивчалъ шѣмъ, кои ему удивлялись: *я весь голъ* (je suis tout visage).

Никогда не должно бить дѣтей: наказаніе ихъ должно состоять въ томъ, чѣмъ лишаютъ ихъ того, что имъ болѣе всего нравилося, и возбуждаютъ

дѣтели, слѣдственно чрезмѣрно богатые не могутъ быть очень счастливы.

Можно завидовать богатымъ только въ одномъ отношеніи — что они могутъ ежедневно благовоинить бѣднымъ.

Но, богатый безъ щедрости есть дерево безъ плода.

Жадный всегда бѣденъ — но довольный всегда богатъ, сказалъ Философъ Біасъ.

Мы все были бы довольно богаты, если бы хотѣли шокмо нужнаго. — Безъ сомнѣнія, богатый человекъ наслаждается непрерывнымъ счастьемъ, — плаваешь въ удовольствіяхъ и, по волѣ своей, располагаешь всѣмъ, что составляетъ предметъ нашихъ желаній здѣсь на землѣ. Народъ върини сему; но народъ вообще есть самый худой судья въ истинѣ! Если спокойствіе души зависить отъ шитины спрасей, то — богатый человекъ долженъ быть несчастливъ! Подверженный болѣзнямъ тѣлеснымъ,

а еще болѣе душевнымъ, шистно думаетъ онъ наипи спокойствіе на шитной постелѣ, гдѣ скрываются разслабленные его члены, и онъ часшо лишень бываетъ сна, сего сокровища бѣднаго и добраго человека.

Мудрецъ, наученный примѣромъ богача, никогда не пожелаетъ приобрести великихъ богатствъ; онъ знаетъ, что си обманчивыя блага болѣе обманываютъ, нежели доставляютъ; ибо исканіе ихъ сопряжено съ безпокойствомъ, обладаніе — не насыщаетъ желаній, — потеря — повергаетъ въ опечаленіе. Впрочемъ, онъ не принуждаетъ себя презирать ихъ; пошому что если они не суть счастье, то могутъ служить къ нему. Истинная мудрость не состоитъ въ пренебреженіи ими, но въ томъ, чтобы охранить сердце свое отъ ихъ зависимости, и не на словахъ, а на самомъ дѣлѣ. Они должны казаться почтенными и драгоценными по ихъ употребленію. Имѣющій, небольшой

доспашокъ, часто бываетъ столько же богатъ, какъ и шопъ, который имѣетъ большой, только бы онъ зналъ сдѣлать изъ него хорошее употребленіе. — Кто можетъ довольствоваться малымъ, шопъ богатъ.

Деньги не только доставляютъ все наслажденія въ жизни, но и окружаютъ человека какимъ-то очаровательнымъ сіяніемъ, скрывающимъ, въ глазахъ ближнихъ, его пороки и недоснажки, возвышающимъ его достоинства и придающимъ ему свойства, которыхъ онъ вовсе не имѣетъ и имѣть не можетъ. —

Деньгамъ, такъ какъ и здоровью, тогда только знаешь цѣну, когда ихъ нѣтъ.

Доспашокъ имѣетъ довольное, богатый излишнее, убогой имѣетъ нужное, или нѣтъ ничего: но ни одинъ изъ нихъ не говоритъ, что ему довольно.

Любовь къ богатству, свойственный даже и дѣтямъ, пинается и укряпается въ нихъ всѣмъ, что они

видятъ и слышатъ. Серебро и золото составляютъ единственный предметъ удивленія людей, ихъ желаній и трудовъ; они думаютъ, что въ нихъ состоитъ вся пріятность и слава жизни, а въ бѣдности — стыдъ и несчастье.

Древніе Римляне сначала благородно мыслили: поставляя честолюбіе свое больше въ пріобрѣтеніи славы, нежели имущества. Они старались обогащать не себя, но отечество свое; и лучше любили быть бѣдными въ богатой Республикѣ, нежели богатыми въ бѣдной. Извѣстно, что *Камиллы*, *Фабриціи*, *Куріи* образовались въ школѣ бѣдности, и у нихъ знаменитѣйшіе мужи обыкновенно, умирая, ничего не оставляли, чѣмъ бы можно было похоронить ихъ и выдать дочерей ихъ въ замужество. Сіи великіе люди, бывъ увѣрены, что ничто такъ не означаетъ малости и низости ума, какъ страсть къ богатству, и что напро-

тивъ пѣтъ ничего возвышеннѣе и бла-
городнѣе, какъ презирать оное, по-
спавляли высочайшую добродѣтель въ
великодушномъ перенесеніи бѣдности,
и почитали ее преимуществомъ, а не
несчастьемъ. По ихъ мнѣнію, вторая
степень добродѣтели состояла въ хо-
рошемъ употребленіи обладаемаго бо-
гатства; и они думали, что упо-
требленіе оного на благо обществен-
ное — есть самое сообразное съ назна-
ченіемъ его и такое, посредствомъ
какого богатые всего удобнѣе могутъ
пріобрѣсти почтеніе и любовь другихъ.
Однимъ словомъ: они почитали истин-
нымъ достоинствомъ своимъ то, что
давали сами. *Кимонъ*, Афинскій
вождь, полагалъ, что онъ обладалъ
великимъ имѣніемъ только для того,
чтобъ снабжать имъ своихъ согра-
жданъ: однихъ одѣвать, а другимъ по-
могать въ бѣдности. *Филопемонъ* все,
пріобрѣщенное онъ изпріятеля, упо-
треблялъ на пособіе немущимъ ло-

шадей и оружія, и на выкупъ воено-
плѣнныхъ. *Аратъ*, полководецъ Ахай-
скій, снискалъ себѣ всеобщую любовь,
и спасъ свое отечество тѣмъ, что
получаемые имъ отъ Царей дары упо-
треблялъ на укрощеніе происходив-
шихъ между согражданами его смеше-
ній, уплачивая за однихъ долги, а дру-
гимъ помогая въ нуждахъ, и выкупая
плѣнныхъ. Младшій *Плиній* испрашивалъ
значительныя суммы для своихъ дру-
зей: одному давалъ деньги на уплату
долговъ его; а долги другаго, въ кон-
вошелъ онъ по необходимости или ува-
жительнымъ причинамъ, принималъ
на себя; дочери одного умножалъ онъ
приданое, дабы она могла поддерживать
достоинство будущаго своего супру-
га; а другому, вмѣсто подарка, про-
давалъ землю гораздо дешевле, нежели
сколько она стоила; — иному давалъ
деньги на возвращеніе въ свою родину,
дабы тамъ спокойно провести онъ оста-
шокъ своей жизни; — кормилецъ своей

дарить онъ участокъ земли, могущій доставлять ей пропитаніе; — опредѣлять жалованье учинителямъ для наснавленія юношества, учреждаетъ заведеніе для воспитанія сиротъ и бѣдныхъ дѣтей; и все сіе дѣлаетъ при посредствѣ своемъ имѣніи. Но его бережливость, какъ самъ онъ говорилъ о томъ, составляла богатое имѣніе, которое дополняло его доходы и коего достаточно было на все сіи щедрости, столь удивительныя въ частномъ человѣкѣ.

Пусть спросятъ у молодыхъ людей: что они думаютъ о такомъ примѣрѣ, заставля ихъ сравнивать сіе благородное и пріятное употребленіе богатства съ тѣмъ употребленіемъ, которое изъ него дѣлаютъ люди безчеловѣчные, живущіе какъ бы для однихъ себя, починающіе богатство не по чему-либо другому, какъ поному только, что оно служить орудіемъ ихъ спраснямъ: къ поддержанію ихъ роскоши,

любви къ мнимымъ удовольствіямъ, суетнаго тщеславія и безпокойнаго любопытства; неподатліе никакого пособія ни ближнимъ, ни друзьямъ, ни вѣрнымъ служителямъ своимъ, и думающіе, что они ничѣмъ не обязаны ни родству, ни дружбѣ, ни признательности, ни заслугамъ, ни человѣчеству, ни обществу своему?

Поступокъ великаго *Сципіона* въ Испаніи, когда къ приданому одной взятой имъ въ плѣтъ Принцессы вѣдать онъ присоединилъ присвоенныя родственниками для ся выкупа деньги, не менѣе дѣлаетъ ему чести, какъ и знаменитыя его побѣды. Подобный поступокъ и рыцаря *Баярда* заслуживаетъ похвалы не менѣе. Когда у Венеціанъ взятъ былъ приступомъ городъ Бресція, то онъ спасъ онъ грабежа пошъ домъ, въ коемъ перевязывали ему рану, полученную при осадѣ, и сохранилъ хозяйку онаго и двухъ юныхъ дочерей ея. При отъѣздѣ

его, сія госпожа, для изъясненія ему признательности своей, предложила ему ларчикъ съ 2500 червонцевъ, конхъ онъ никакъ не хотѣлъ принять; но, вида, что откажъ его чувствительно огорчалъ ее, и не желая османивъ свою хозяйку въ неудовольствіи на себя, согласился взять ся подарокъ, и, прощаясь съ ея дочерьми, онъ далъ каждой изъ нихъ по тысячѣ червонцевъ на приданое, а остальные плъ сохъ османивалъ у себя, что бы раздать ихъ разореннымъ жителямъ деревень.

При чтеніи таковыхъ повѣствованій всякъ почувствуетъ дѣйствіе оныхъ на сердце; и ни-то пусть на-учаются молодые люди презирать богатство и быть безкорыстными.

Бѣдность, нужда.

Нуждою называется все то, чего не достаеиъ для сохраненія человека: пища, одежда, пристойное жилище и жена, это самыя естественныя нужды у всѣхъ народовъ. Но сколько нуждъ пошомъ умножилось у человека просвѣщеннаго, посредствомъ его воображенія, изобилія, привычки и предразсудковъ: многіе почитаютъ себя несчастными, когда не могутъ удовлетворить свои мнимыя нужды; — они не почли бы себя несчастными, еслибы удостоветрились, что большая часть сихъ мнимыхъ нуждъ только разсириваетъ здоровье и благосостояніе.

Чтобы жить въ довольствіи, надо бы умышъ распоряжать свои нужды.

Мы всѣ были бы довольно богаты, еслибы хотѣли шокмо нужнаго.

Несчастны тѣ бѣдные, кои стараются жить не по своему состоянію.

Бѣдный безъ шерстянаго есмь лампада безъ масла.

Душевное спокойствіе и равнодушіе или безпристрастіе бѣднаго человека къ своимъ приключеніямъ въ продолженіе жизни, вознаграждаютъ его бѣдность и побуждаютъ пренебрегать пышность богача, изнуряемаго безпокойствами и огорченіями.

Богатство и почести дѣлаютъ насъ *Цицеронами*, а бѣдность и униженіе опшимають языкъ у самаго краснорѣчія.

Смѣлъ онъ бѣдности заставляешь тщеславнаго человека разоряться на бесполезныя издержки, великолѣпныя пиры, чѣмъ казаться богатымъ.

Спрахъ бѣдности дѣлаешь, что мудрый или благоразумный человекъ соглашается имѣть только самонужнѣйшее, и соразмѣрять свой расходъ съ доходомъ. Роскошный большими шагами приближается къ бѣдности, а умеренный ежедневно отъ оной удаленъ.

Бѣдность находитъ иногда благодѣтелей, а рѣдко друзей.

Не онъ насъ зависить — не бытъ намъ бѣдными; но всегда зависить онъ насъ заставивъ починашь и уважать нашу бѣдность.

Никогда не должно насмѣхаться надъ бѣдными; ибо кто можетъ бытъ увѣренъ во всегдашнемъ своемъ счастьи?

Сократъ, привыкши съ малолѣтства къ воздержной и трудолюбивой жизни, безъ коей почти нельзя выполнять обязанности добраго гражданина, оказывалъ всегда презрѣніе къ богатству и любовь къ бѣдности. Онъ починалъ великимъ совершенствомъ — не имѣть нужды ни въ чемъ, и думать, что люди тѣмъ подходятъ ближе къ Боже-ству, когда довольствуются малымъ. Увидѣвъ однажды пышную церемонію и великое количество золота и серебра: сколько есть вещей, сказалъ онъ, въ конхѣ я не имѣю нужды!

Аристидъ, Афинскій полководецъ,

сказать, что поэт человек, который искореняет всякое желание к излишеству вещей и содержит в границах нужды, необходимая в жизни, кроме того, что освобождается от тысячи беспокойств и дает себе совершенную свободу упражняться государственными делами, подходит еще, в кошорым образом, даже к Божеству; ибо Бог не имеет беспокойств и нужды. Он почитал богачество беспокойным и опасным; и хотя сей великий человек, увенчанный победами во многих битвах, управлял первыми, важными должностями в Республике, и был совершенно уполномочен в распоряжении финансов всей Греции, но умер в бедности, и не оставил даже — чем себя похоронить! Сей правдивый, чуждый обмана и лести, враг любостыжания — погребен был общественным изданием.

Эпаминонда, Фивейский полководец,

молчаливый, кроткий, правдолюбивый, милосливый, щедрый, великодушный, ученый, имел одну только спанчу, и ту замаранную, и часто, за неимением другой лучшей, сидел дома. Однако, при всей этой скудости, он не принял присланного ему однажды немалого количества золота от Персидского Царя.

Лизандр, Спартанский военачальник, жил всегда бедно, не смотря на то, что обогащал Спарту.

Гомер, исполненный гения, первый из Поэтов и образец для потомства, был очень беден, и будучи нищий и слепой, чинил на перекрестках стихи свои, за что награждали его — кусками хлеба.

Диоген находил излишком чашу, потому что мог пить из горсти. Нынче же жинселям восточных стран чаша сделанная из одного оникса или жемчужины, не кажется излишком.

Шекспиръ жилъ и умеръ въ убожествѣ.

Томсонъ умеръ въ ужаснѣйшей бѣдѣ.

Камозисъ умеръ въ нищетѣ.

Монтескье сказалъ: человекъ не по-тому бываетъ бѣденъ, что ничего не имѣетъ, а потому что не шрудился.

СЛОВАРЬ ДОБРОДѢТЕЛЕЙ и ПОРОКОВЪ.

Личность къ корысти.

Личность хочеть захватить болѣе, нежели сколько пожранъ можетъ. Есть люди, которые не знаютъ предѣловъ своимъ желаніямъ. Они переходя отъ однихъ прѣбываній къ другимъ; и чѣмъ болѣе умножаются ихъ пріобрѣтенія, тѣмъ большихъ они жаждутъ. Таковое состояніе ихъ можетъ почесаться великимъ наказаніемъ Божиимъ. Алчный человекъ окруженъ заботами, досадами; ему не извѣстна сладость спокойствія: новыя желанія приносятъ въ сердце его новое томленіе, а неудачи повергають его иногда въ отчаяніе. Должно стараться умѣрять свои желанія и довольствоваться немногимъ; тогда малое имущество наше доставитъ намъ великое насла-

женіе. Привыкну желать новыхъ благовъ, мы можемъ дойти до ослѣпленія — желать ихъ съ обидою ближне-му. Можемъ ли мы быть истинно счастливыми, когда счастье наше будетъ основано на бѣдствіи многихъ собратій нашихъ?

Б е з б о ж і е.

Тварь не хотѣющая признавать Творца своего, есть скотина въ образѣ человѣческомъ; потому что она отвергаетъ бытіе такого Бога, котораго всякое умное существо признаетъ. *Плутархъ* сказалъ: „Лучше жить безъ солнца, нежели безъ Бога и закона. Хотѣлъ бы я, чинѣ безбожникъ исполковалъ мнѣ: почему душа въ разныхъ приключеніяхъ спремится къ Существу высшему, и откуда рождаются въ насъ мысли благодарности за какое-нибудь непредвидимое благополучіе? Чинѣ судить онъ объ ощуще-

ній любви и воспоорга, коими мы восхищаемся, когда разумаприваемъ совершенства Божественныя? и что можетъ онъ противопоставить единодушію всего рода человѣческаго, касательно важнаго дѣла о поклоненіи Существу Высшему? — *Цицеронъ* говоритъ: „Нѣтъ такого дикаго народа, который бы не зналъ, что должно имѣть Бога, — хотя и не знаетъ, како-го ему имѣть прилично.“

Не ожидать онъ Бога ни муки, ни награды, значить — быть явнымъ безбожникомъ.

Положимъ, что вся Европа отвергла вѣрованіе въ Бога и наполнилась атеистами: я согласенъ въ томъ, что могутъ найтись многіе граждане, которые, будучи онъ природы крошечки, спокойны, исполнены чести и внимательны въ своемъ поведеніи, а при томъ и столь дослѣдочны; чинѣ не бытъ несправедливыми, могутъ жить спокойно вмѣстѣ, могутъ упра-

жияться въ свободныхъ Наукахъ, смѣчающихъ нравы; могутъ наслаждаться миромъ среди невинныхъ и приличныхъ честнымъ людямъ забавъ; но истребить убогий и дерзкій, который не чаетъ себя по смерти возмездія, былъ бы слишкомъ глупъ, если бы не зарѣзалъ васъ для похищенія вашихъ денегъ. Въ такомъ случаѣ весь союзъ общества былъ бы варушень, пороки наводнили бы землю, подобно саранчѣ, опустошающей поля; простой народъ составилъ бы шайку разбойниковъ и хищниковъ, которые провождали бы пагубную жизнь въ пьянствѣ и неистовствѣ, бились бы ежечасно, дрались; потомъ наустро простирали бы опять кровавыя и жадныя свои руки на грабежъ и убійства, и такимъ образомъ каждый день производили кругъ своихъ неистовствъ. Что бы остановило тогда Царей и владыкъ земныхъ богоошступныхъ, готовыхъ

жертвовать всѣмъ мщенію и щеславію своему?

И такъ върваніе въ Бога, награждающаго добрыхъ дѣла, мстящаго за беззаконія и прощающаго малыя прегрѣшенія, есть върваніе преползѣвшее для рода человеческого. Сіе одно можетъ послужить обузданіемъ сильныхъ, совершающихъ безвозбранно явные преступленія, и коварныхъ, могущихъ шантаж свои злодѣянія.

Бонапарте въ счастіи былъ безбожникомъ, говорилъ только о судьбѣ; въ несчастіи жъ върилъ Провидѣнію. Бывъ Первымъ Консуломъ, велѣлъ онъ внести имя свое въ Словарь безбожниковъ, сочиненный Астрономомъ Лаламдомъ.

Извѣстно до какихъ злодѣяній доводилъ безбожіе, соединенное вмѣстѣ съ невѣжествомъ. Европа съ прискорбіемъ видѣла, въ осмнадцатомъ вѣкѣ, какъ безбожіе у Французовъ обращено было въ правило ошъ называвшихъ

въ нихъ самолюбіе, стыдя ихъ при другихъ людяхъ.

Начинашь учить ихъ должно не прежде 7-ми лѣтъ.

Послѣ ученія, непременно нужно для дѣтей пѣлодвиженіе.

Поутру, когда они вспаютъ, засна-
вляешь ходишь ихъ босикомъ.

Кровати ихъ должна быть безъ за-
навѣсокъ, шюфакъ ровный и гладкій
спеганой, набитый сѣномъ или соло-
мой, и чѣмъ комната была сухая и
освѣщаемая солнцемъ; чѣмъ подушки
на кровати не были высоки и чѣмъ
голова дѣтяни не очень высоко лежала
во время сна; также не надобно очень
тепло имъ одѣваться въ постель. При-
учишь ихъ рано ложиться спать и ра-
но поутру вспавать.

Непременно нужно, чѣмъ дѣти
упражнялись въ разныхъ пѣлодвиже-
ніяхъ, но только безъ большой усталости,
и чѣмъ бѣгали болѣе съ оп-
крышою головой и грудью; не надобно

для нихъ ни перчатокъ, ни муфты,
ни просни.

Медленными и тихими стопами, го-
воришь *Руссо*, можно довести совер-
шеннаго человѣка и ребенка до не-
успрашиваемости во всемъ. Чѣмъ пред-
охранить пиюмца отъ сираха, про-
изводимаго пиюмошою, пушечны-
ми выстрѣлами, громовыми удара-
ми и прочими предметами, паводящи-
ми ужасъ: надобно заблаговременно
и нечувствительно познакомить его
со всемъ пѣмъ, чѣмъ паводишь сирахъ;
на примѣръ: ежели я хочу приучить
его къ огнесирильному оружію, по-
сначала спущу курокъ у пиешолена,
кошорый еще не заряженъ; сверькаю-
щее и скоро исчезающее пламя послужитъ
ему забавою; попомъ новпо-
рю сіе, положу пороху; мало по-малу
буду присоединять къ сему небольшіе
заряды; послѣ того увеличу ихъ, и
продолжу это до пѣхъ поръ, пока онъ
привыкнетъ къ ружейному выстрѣлу,

себя представившими народа; они ошреклись опъ имъ истиннаго первоначальнаго Бога; они ограбили церкви и превратили ихъ въ языческія капища. Обуяшіе умы Французовъ не только пренебрегли Религію Христіанскую, но и, по подобію древнихъ язычниковъ, воздвигнули на нее гоненіе. Фанатизмъ суетѣря никогда, ни въ одномъ столѣтіи, не пролилъ столько пошеровъ крови, какъ Французскій фанатизмъ безбожія. Грубое невѣжество древѣйшихъ временъ никогда не было столь зѣрско и кровожадно, какъ ажеумствованіе просвѣщеннаго вѣка.

Къ несчастію для свѣта, сіи Французскія политическія мечны во многихъ головахъ произвели круженіе, которое у испорченныхъ самолюбцевъ, пылкихъ и легкихъ умовъ и у обмануемыхъ послѣдователей ихъ не такъ легко могло пройти. Опъ сего у Французовъ разливалась *зараза дер-*

зости, которую истребилъ одинъ только мечъ ихъ противниковъ.

Ужасная мысль о самоубійствѣ легко можетъ родиться въ душѣ несчастнаго, который не имѣетъ Религіи и не вѣритъ продолженію жизни за гробомъ. Одна только Религія показывается намъ нѣчто большее, нежели презрѣніе смерти: она научаетъ насъ переносить бѣдствія земной жизни!

Безкорыстіе.

Вотъ разговоръ Эпирскаго Царя, Пирра съ Посланникомъ Римскимъ, *Фабриціемъ*.

Пирр. Слыша о твоихъ, Фабрицій, великихъ качествахъ, я крайне желаю имѣть тебя другомъ своимъ. Мнѣ извѣстно, что ты славный полководецъ, что справедливосшь и умѣренность составляютъ явной характеръ, что ты во всѣхъ добродѣтеляхъ совершенный; но знаю и то, что ты, при

всемъ внутреннемъ достоинствѣ, перпини недостатокъ въ имуществѣ, и счастье, какъ бы уснранясь, повергло тебя въ состояніе бѣднѣйшихъ Сенаторовъ; а посему, къ замѣненію такого недостатка, я готовъ доставить тебѣ столько золота и серебра, сколько нужно къ превыщенію самыхъ богатѣйшихъ Римскихъ гражданъ. Не думай, чинобъ я чрезъ сіе хотѣлъ оказать тебѣ милость; я самъ надѣюсь получить ее отъ тебя, коль скоро ты благоволишь приять предлагаемое мною. „Я увѣренъ, что Государь тогда шокмо честно и благоразумно распочаетъ свое богатство, когда оно служить наградою великихъ людей, скудостию имущества своего несоотвѣтствующахъ внутреннимъ своимъ достоинствамъ.“ Впрочемъ, въ благодарности за сіе одолженіе, я не требую отъ тебя никакихъ несправедливыхъ услугъ, могущихъ тебя обезчестить; лапринишь, требуемое мною можешь

доставить тебѣ честь и возвысить тебя въ опечестіи. Во-первыхъ, прошу тебя: помоги мнѣ, по возможности, преклонишь Сенатъ къ нѣмъ намъ реніямъ, въ коихъ я нахожу правду и основательность: представь ему, что я далъ слово вспомошествовать Таренинцамъ и другимъ Грекамъ, живущимъ на семъ берегу Италіи, и что я, имѣя сильную армію, уже одержавшую одну побѣду, не могу безъ нарушенія чести оставить ихъ; между нѣмъ, какъ съ одной стороны предлагать мнѣ такіа дѣла, которыя невольно призываютъ меня въ мои владѣнія и болѣе побуждаютъ меня желанію мира; съ другой стороны — я все еще весьма не желаю пребыть въ неспокоенствѣ видѣ и имѣть своимъ неприятелемъ шокъ народъ, который достоинъ искренней любви и уваженія; ежели онъ изъ недруга превратится въ друга, то во мнѣ найдетъ вѣрнаго для себя союзника; если же Царское

мое званіе дѣлаетъ меня подозрительнымъ предъ Сенатомъ, послѣку многие изъ Царей не усомнились нарушать явно вѣрность договоровъ и союзовъ; но будь ты самъ за меня поручителемъ, сойдишь со мною, подавай мнѣ совѣты во всѣхъ моихъ предпріятіяхъ и даже предводительствуй всѣми военными силами моиими. Я имѣю нужду въ челоуѣкѣ добродѣтельнымъ, а ты въ Государѣ, который бы щедротой своею могъ привести тебя въ наилучшее состояніе и взаимно могъ бы имѣть въ благодѣтельной швоей приверженности великое для себя пособіе. И такъ, да не опречемся помогать другъ другу и подавать взаимныя услуги.

Фабріцій. Такъ какъ вы уже извѣстны о моихъ качествахъ и о служебни моемъ при общенародныхъ дѣлахъ, то бесполезно болѣе о семъ вамъ доносить; чтожъ касается до моей бѣдственности, вижу, что вы и о ней довольно

знаете; и потому также не нахожу нужнымъ объявить, что нѣтъ у меня ни денегъ, даваемыхъ въ лѣху, ни рабовъ, доставляющихъ прибытки, и все мое имѣніе состоитъ въ домѣ незавидномъ, и особенно въ небольшой виллѣ, дающей мнѣ пропитаніе. Но послѣку вы думаете, что скудное содержаніе мое ниже состоянія всякаго другаго Римлянина, и что, отправляя должность честнаго гражданина, я въ меньшемъ нахожусь почтеніи, нежели бѣ сколько имѣть онаго, бывъ въ числѣ богачей; то позвольте сказать вамъ, что: мысль ваша, протесншая или опъ собиственнаго вашего разума, или опъ внушенія другихъ, несправедлива и обманчива. Я не спараясь о сплжачивіи богатства, совѣмъ никогда не думаю, чтобъ убожество служило мнѣ какою нибудь преповою, какъ въ отправленіи должностей общественныхъ, такъ и въ провозженіи частной моей

жизни. Отечество мое никогда не опечуждало меня, за бедность, отъ тѣхъ славныхъ почестей, кои возрождаютъ благородное рвеніе во всѣхъ великихъ душахъ; я возведенъ на высокія степени достоинства; меня всегда назначаютъ главою знаменитыхъ посольствъ; мнѣ поручаются святейшія оппавленія въ богослуженія; и когда надобно совѣщаться о важнѣйшихъ дѣлахъ, то я и въ сіе время имѣю свое мѣсто въ совѣтѣ и подаю шамъ въ очередь свое мнѣніе; такимъ образомъ, наравнѣ почитаемый съ богатыйшими и вельможами, я не пишу нахожу причину къ ропшанію, какъ развѣ только шу, что меня излишно похваляютъ и уважаютъ. Впрочемъ, хотя и оппавляю въ оппечествѣ своемъ многія службы, но ничего къ исполненію ихъ изъ своего имущества не шрачу. Римъ, возводя своихъ гражданъ на сшепеніи градоначалія, не приво-
дитъ ихъ чрезъ сіе въ разорительный

убытокъ; всѣ потребныя подавая по-
собія чиновникамъ, онъ щедро и при-
лично ихъ снабжаетъ; ибо у насъ не
такъ шекупъ дѣла, какъ въ другихъ
земляхъ, гдѣ общество бедно, а про-
сные люди роскошны и безмѣрно бо-
гаты; напрошивъ, мы всѣ богаты, ко-
ль скоро Республика изобильна; по-
елику избытокъ ея естъ общій каждо-
го изъ насъ достатокъ; производи въ
чины равно богатаго и убогаго, по-
мѣръ заслугъ и достоинства, она шѣмъ
самымъ равняетъ гражданъ между со-
бою и не признаетъ въ нихъ ниаго
различія, какъ состоящаго во вну-
шреннемъ достоинствѣ и добродѣте-
ли. Что жъ касается до собственныхъ
моихъ дѣлъ, я не только не ропшу на
свою участь, но еще, примѣняя себя
къ богатымъ, починаю себя благо-
получіемъ многихъ, и чувствую въ
себѣ состояніи иъкоторой родъ само-
довольства и величія. Нива моя, при
всей своей скудости, приноситъ и

будеть приносить все для меня нужное, только бы я съ своей стороны старался о воздѣлываніи и сохраненіи плодовъ ея. И такъ, чего болѣе ожидаешь и желаешь мнѣ, когда всякая пища, приправленная позывомъ, для меня вкусна, и всякое, при чувствованіи жажды, питье для меня сладостно. Упружденный, получаю пріятнѣйшее облегченіе во время сна; довольствуюсь одеждою, служащею мнѣ противъ жестокостей холода, и между всѣми одѣяніями пріятнѣйшимъ наиболѣе предпочитаю то, которое, при грубости своей, больше можетъ охранять меня отъ спужи. Я бы вовсе былъ несмысленъ и неблагороденъ, когда бы при такихъ благодѣяніяхъ обвинялъ форту; она, по моему же чувству, лишивъ меня всего излишняго, сообщаетъ мнѣ все, чего только пребудетъ моя природа; и я, чрезъ то освобожденный отъ большихъ заботъ и нуждъ, великое въ семъ нахожу для себя богатство. Посему

самому имѣю ли я право на что-нибудь жаловаться? Правда, не имѣя излишества, я не въ состояніи помогать нуждающимся, и въ семъ отношеніи могу завидовать богатымъ. Но когда я, при маломъ моемъ снѣжаніи, дѣлюсь съ Республикою и пріятелями, когда гражданамъ оказываю всевозможныя услуги, и когда наконецъ дѣлаю все то, что съ силами моими согласу; то въ чемъ могу укорить себя? Мысль къ обогащенію никогда меня не занимала. Съ давняго времени опредѣленный къ дѣламъ общенароднымъ, я много имѣлъ случаевъ къ собранію денегъ безъ всякихъ упрековъ и внушеній ихъ укоризнѣ. Никто, думаю, не пожелаетъ бы лучшаго случая, за нѣскольکو лѣтъ прежде сего со мною повспрѣчавшагося къ обогащенію добычею: будучи Консуломъ, я, сдѣланный вождемъ многочисленнаго воинства, и посланный противъ Самниціанъ, Луканійцевъ и Бруціанцевъ, разгромилъ ве-

ликое пространство земли, побѣдилъ непріятель во многихъ битвахъ, взявъ силою множество богатыхъ городовъ, обогатилъ опилкою добычею всю армию, вознаградилъ за убытки, понесенные гражданами во время войны, и, по принятии торжественной чести, положилъ еще четыре-ста талантовъ въ общественную казну: пренебрегши столь великія корысти, изъ коихъ могъ я взять то, что хотѣлъ; презрѣвъ столь праведно пріобрѣтенное богатство; принесши, по примѣру *Валерія Публиколы* и многихъ другихъ, (великодушнымъ своимъ безкорыстіемъ вознесшихъ могущество Рима,) все опилкое у непріятеля — въ жертву незабвенной славы, могу ли безъ стыда принимать предлагаемое вами золото и серебро? да и какъ о мнѣ будешь думать? какой чрезъ это подамъ примѣръ своимъ согражданамъ? съ какимъ видомъ, возвращаясь въ Римъ, перенесу ихъ укоризненные взоры, а нече ихъ пеню-

неніе? Припомъ, Цензоры наши, сіи блюстители благочинія, не принудили ли меня данъ предъ всемъ народомъ отчесть въ полученіи твоихъ даровъ, кои вы мнѣ предлагаете, и за кои потребуеши отъ меня возмездія? Нѣтъ, я долженъ сохранить убожество свое и славу; а вы, Государь, соблюсти свое богатство у себя!

Безполезность роптаній.

Роптанія суть печалія печали, которыя, кажется, облегчаютъ сердце, однакожь не приносятъ намъ ни малой отрады. Не знаю, отъ нечувствительности ли нашего вѣка происходятъ то, что всемъ наскутило слышать жалобы другихъ? Не помню, чтобы я когда-либо, въ мой вѣкъ, проводилъ целый день съ человекомъ, не слышавъ отъ него ропота. Иной жалуется на свое убожество, другой на какую-либо немощь; одинъ — что онъ очень преста-

рѣлъ; другой, что не достигъ совершеннаго возраста; иной на суровость своей любовницы, другой на злость жены своей; иной пужитъ, что много у него дѣтей; другой, что совѣтъ ихъ не имѣетъ; иной жалуется на гониміе непріятелей, другой на невѣрность друзей своихъ; одинъ соблазняется, что лишился родителей; другой, что его родители долговѣчны. Но какая польза жаловаться на приключенія неизбежныя? Сожалѣніе, возбужденное въ другихъ, подаетъ ли утѣшеніе, соразмѣрное внутреннему шезанію, какое чувствуютъ, рассказывая свои бѣствія?

Благодарность.

Это есть обязанность наша — не только къ родителямъ, какъ къ первымъ, послѣ Бога, нашимъ благодѣтелямъ, — но и ко всѣмъ, сдѣлавшимъ намъ какое-либо добро. Тотъ достоинъ всякаго поношенія, кто не имѣетъ ся.

Въ первый разъ, какъ Папа Сикстъ V пришелъ въ Римъ, (говорить де Ту,) онъ былъ такъ бѣденъ, что принужденъ былъ просить милостыни. Набравши нѣсколько денегъ, онъ разсуждалъ, на что ихъ употребить: употребить ли голодъ, который чувствовалъ, или купить себѣ башмаки, потому что онъ былъ босой. Во время сей внутренней борьбы, лице его выразительно изображало душевные движенія. Одинъ купецъ, примѣтивъ его смущеніе, спросилъ о причинѣ. Сикстъ открылся ему, но съ такимъ пріятнымъ чистосердечіемъ, что купецъ, проникнувшись его умомъ, тотчасъ пригласилъ къ себѣ, накормилъ его и тѣмъ избавилъ его недоуміе. Сикстъ V, въ послѣдствіи сдѣлавшись Папою, не забыть сего купца, призвалъ его въ свои чертоги и — наградилъ, какъ прилично Гоеударю, за оказанную имъ услугу. Вотъ черта благодарности, достойная подражанія!

Б л а г о д ѣ л н і я .

Если вы богаты, то какое лучшее и благороднейшее употребленіе вашихъ богатствъ, какъ не привлеченіе чрезъ нихъ къ себѣ сердець? Соспращающій богачъ, сказать одинъ знаменитый Ораторъ, не просто человѣкъ: это само Провидѣніе, лившееся видимымъ и чувствительнымъ образомъ для счастья міра. — Обнаружимъ предъ несчастными всю чувствительность сердець нашихъ; уладимъ по крайней мѣрѣ нашимъ человеколюбіемъ нищету, если состояніе наше не дозволяетъ проспираться дальнейшей благотворительности.

Если бѣ мы хорошо знали, что шерпають бѣдные, то, при видѣ ихъ спращающихъ, устыдились бы нашей расточительности, нашего невниманія; мы бы упрекнули себя въ нашихъ напрасныхъ наслажденіяхъ — тогда, какъ бѣдные наши собрались пребываютъ ошъ насъ

лучшихъ и благороднѣйшихъ поступковъ.

Удовольствіе ошъ тщеславія сравиннпся ли когда съ сладостію благотворенія!

Однажды изъявили удивленіе Эвелийону, знаменитому Прелату въ Анжерѣ, что у него нѣтъ обоевъ ни въ одной комнатѣ; онъ отвѣчалъ: „когда я зимой вхожу въ мою комнату, то спѣны не говорятъ, что имъ холодно; но бѣдные, трясаля у дверей моихъ, кричають, что у нихъ нѣтъ одежды.“

Съ другой стороны, сін богатства, должествующія умножанію наше обиліе и довольство, умножаютъ только одѣ забобы и безпокойства. Въ самомъ дѣлѣ, берегутъ ихъ, скопляютъ, боясь ихъ потерн. Вотъ пошнѣдная и жалкая жизнь сребролюбцевъ! Они отказываютъ себѣ въ необходимомъ, шерзаются алчнымъ желаніемъ пошыхъ сокровищъ, коими не наслаждаются, — для чего жъ? для того,

чтобы собрать большее богатство, которое останется при ихъ смерти предметомъ ихъ перзанія, а по смерти предметомъ радости наследниковъ.

Благошворительность есть добродѣтель, побуждающая насъ любить подобныхъ себѣ и дѣлать имъ добро.

Не стыдно ли намъ — не подражать Тому, Коего писаніе говоритъ: Онъ даетъ пищу малѣйшимъ ищущимъ, и благость Его изливается на всю тварь.

Внутренній глазъ безпрестанно вопіетъ намъ, что благотѣлительность должна быть снѣдкомъ нашему сществу. Исторія съ восторгомъ предаетъ безсмертію нѣхъ Царей, которые принесли съ собою на тронъ сіе прекрасное, но слишкомъ рѣдкое качество; между нѣхъ — она проклинаетъ чудовищъ, коихъ существованіе было бичемъ для человѣчества. Мы всегда съ нѣкоторымъ благоговѣніемъ слышимъ имена Тиша, Траяна, Марка-Аврелія; какой Русской не восхи-

нится при имени Петра Великаго, Елисаветы, Екатерины, Павла, АЛЕКСАНДРА! Мы съ особенною тщательностію собираемъ изреченія и дѣланія добрыхъ Государей: не есть ли это убѣдительное доказательство, что мы чувствуемъ всю цѣну той добродѣтели, которую рѣдкіе изъ насъ можемъ исполнять.

Кротость и благотѣлительность principales наиболее прелестному полу, который украшаетъ существованіе наше и помогаетъ намъ сносить тяготы жизни. При сихъ драгоценныхъ качествахъ, самое безобразіе намъ не кажется отвратительнымъ; но безъ нихъ и прекраснѣйшая женщина безобразна.

Будемъ дѣлать всегда добро, чего бы намъ это ни стоило. Самыя малѣйшія наши дѣйствія да будутъ успешны къ сей цѣли, благороднѣйшей изъ всѣхъ. Да будемъ мы изчислять дни наши по числу благодѣяній своихъ, и когда достигнемъ послѣдняго часа нашего,

но да окружаютъ насъ одни только благословенія несчастныхъ, въ кошторныхъ обрѣтемъ себѣ сугубое утѣшеніе!

Слова Евангельскія: *Блаженны милостивые, яко тѣи помилованы будутъ.*

Слова Соломоновы: *Далъ тищелу, Богу въ заимъ даете.*

Отецъ Небесный, видя благое дѣло впаишь, воздастъ во время свое явѣ.

Друзья зовутъ тебѣ на веселое пиршество: ты не имѣешь нужды спѣшить. Но они призываютъ тебѣ на помощь или для утѣшенія въ горести: тогда не терпѣй ни минуны!

„Счастливы ты“, говоритъ *Геснеръ*, „чье сердце можетъ часто наслаждаться удовольствіемъ — дѣлать добро! Безоблачное утро пробуждаетъ его и приглашаетъ къ радости, красота временъ годовыхъ восхищаетъ его, и одинъ только онъ пользуется всѣми сокровищами Природы.“

Блаженъ, разумѣвай на птица и убога!

Не лучше ли жалѣть о людяхъ и любить ихъ, нежели опшалакивать и ненавидѣть?

Продай садъ отца твоего и купи хоща единое сердце; сожги уборы дома твоего, если не достанешь у тебя дровъ для пригосаженія обѣда твоему другу. Дѣлай добро и врагамъ своимъ. Не грози псу, лающему на тебя, но брось ему кусокъ хлѣба.

Благодѣтель долженъ быть крайне остороженъ чпо онъ даетъ — это еще не много — вся сила въ томъ, какъ даетъ онъ. Благодѣланіе получаетъ сугубую цѣну отъ способа, какъ его оказываютъ. Одинъ мудрый язычникъ сказалъ: *Puras Deus, non plenas, adspicit manus, in. c. Богъ взираетъ на чистыя, а не на полныя руки*, (не на богатыхъ, но на чистосердечныхъ приношенія и дары). Укусъ, данный отъ добраго сердца, бываетъ слаще меду.

Добрая душа ни чѣмъ споль чувствительна не утѣшается, какъ по-

наконецъ къ пушечному и къ самому ужаснѣйшему грому.

Богъ сотворилъ человѣка способнымъ подражать Его совершенствамъ, сколько дозволяетъ по слабости человѣческая, и человѣкъ спланировалъ шѣмъ больше величайшимъ, чѣмъ болѣе приближается къ Образу своему.

Совершенное счастье на свѣтѣ состоитъ въ томъ, чѣмъ — имѣть основательный разумъ, добродѣтель и доброе здоровье. Сн при выгоды заключающъ въ себѣ всѣ другія, такъ, чѣмъ рѣдко имѣетъ, кто оныя имѣетъ, чего нибудь еще могъ бы пожелать; а если кто лишентъ одной или другой изъ нихъ, то уже непременно бываетъ несчастливъ; и такъ недоспашночно еще — доставить дѣламъ хорошее шѣло-сложене; но надобно также, чѣмъ воспитаніе въ то же время просвѣтило ихъ разумъ и сердце.

Всякой человѣкъ долженъ усердно выполнять свою должность, къ которой

онъ опредѣленъ судьбою: это есть первый предметъ нравственнаго воспитанія; ибо оныими многихъ вѣковъ дознано, чѣмъ люди неученные, то есть неграмотные, всегда были грубѣе и развращеннѣе, а хорошо выученные подавали собою примѣръ добродѣтели и повиновенія законамъ.

Извѣстно, чѣмъ если въ комъ привычка къ трудамъ и размышленію не укоренилась въ дѣшнѣ, то шаковыя дѣлаются неспособными къ упражненію на всю жизнь, — а праздность есть начало всѣхъ пороковъ и преступленій. Безъ труда и великіе таланты теряются.

Во-первыхъ, должно внушать дѣтямъ *нравственность и законъ*.

Нравственность есть столь естественное знаніе для человѣка, чѣмъ оно, кажется, вмѣстѣ съ нимъ рождается. „Нравственность есть *крѣпкій жезлъ для надежнаго шествія по многотрудному пути жизни*;“ она есть Наука

моцію своего несчастнымъ. Утѣшать несчастныхъ есть величайшее счастье въ жизни. — Ничѣмъ не можемъ мы лучше уподобиться великому Образцу совершенства, намъ предложеннаго, какъ со всевозможнымъ пищаніемъ благошворить ближнимъ нашимъ. Симъ шокмо однимъ способомъ можемъ мы нѣсколько походить на Отца нашего Небеснаго, Который въ міръ всѣхъ безъ различія, добрыхъ и злыхъ, озаряетъ лучами солнечными. Если участь великихъ и богатыхъ людей завидна, то ни почему, кромѣ того, что они болѣе въ сословіи подкрѣпляютъ слабыхъ и помогаютъ несчастнымъ.

Одинъ добродѣтельный человекъ сказалъ: „*Что мною издержано, то потеряно; чѣмъ владѣю, то останется другимъ; но что я раздамъ бѣднымъ, то навсегда останется моимъ.*“

Доказано, что польза отъ расходовъ непродолжительныя удовольствія, отъ нихъ происходящаго; а оно подлинно

весьма кратко. Смертию переходить въ чужія руки имѣніе, коимъ въ жизни владѣли; но вспоможенія, сдѣланныя нуждающимся, есть такое сокровище, коего хранилищемъ Самъ Богъ Себя нарекъ, обещая его возвратитъ стоилицю въ то время, когда мы все нѣжное оспавимъ. — Выгоды намъ отъ нихъ въ сей жизни — доброжелательства и молебны обязанныхъ нами, а отъ Бога имѣемъ мы получить за то въ награду жизнь вѣчно-блаженную. Припомъ, всего долѣе живущіи люди отъ привычки дѣлать добро, которое есть самый цѣлебнѣйшій бальзамъ.

Благотворность.

Она есть приношеніе словъ и дѣйсвий своихъ ко времени, къ мѣсту и къ лицамъ. Она укрѣпляетъ узы общества: содѣлываетъ пріятнѣйшимъ обращеніе свѣтское; и если между нами найдушся нѣкоторые существа лживыя,

готовыя уязвить всякаго, къ намъ приближающагося, но по крайней мѣрѣ благоприснойности заставляешь инаковыхъ скрывать оспроу жала ихъ. Взаимныя отношенія, конми обязаны мы другъ другу — не унижаютъ насъ никогда. Онѣ благоприснойности далека низость.

Б л а г о р а з у м і е .

Благоразуміе нужнѣе всѣхъ другихъ свойствъ разума, и дѣйствія его необходимы въ ежедневныхъ случаяхъ жизни. Оно дѣлаетъ человека осторожнымъ, предупреждаетъ вредъ, избѣгаетъ ошибокъ и дѣлаетъ жизнь безопасною. *Морицъ* сказалъ: „Съ благоразуміемъ и рвеніемъ до всего достигаемъ. Благоразуміе, оживляемое рвеніемъ, дальновиднѣе и вѣрнѣе: желая сильно, скорѣе и удачнѣе угадываемъ средспва.“

Часто одинъ ложный спыдъ бываетъ причиною, что мы не достигаемъ того, чего домогаемся.

Благоразуміе есть мать осторожности; чисная совѣсть и добрыя дѣла доставляютъ здравіе душевное; умѣренность, опрятность и трудолюбіе предохраняютъ шѣлю онѣхъ болѣзни.

Б о ж б а .

Благоразумный человекъ не подкрѣпляетъ словъ своихъ божбою; онъ хочетъ лучше, чтобы имъ совѣтъ не вѣрили, нежели удосновлять людей клятвою, починая это нечестіемъ, противляющимся Бога. Онъ просто говоритъ истину, произнося слова: *да* или *нѣтъ*.

Божба есть обыкновенное дѣло враля, которую онъ, для наполненія пустыхъ мѣстъ въ разговорѣ своемъ, соединяетъ ложными клятвами. Принято, что многоклянущіеся имѣютъ многіе пороки, бываютъ несчастливы на семь свѣтъ и нерѣдко кончаютъ жизнь свою бѣдспвенно.

*Болтливость. Многоглаголие. Зло-
словіе.*

Нашимъ молодымъ людямъ лучше бы всего щеголять побольше молчаніемъ. Нѣтъ ничего полезнѣе и благороднѣе для человѣка, какъ умѣть обуздывать свой языкъ. Напрошивъ, что можешь бытъ несноснѣе и презрительнѣе говоруна, коего слова, какъ быспырый пошокъ, ничѣмъ основаны бытъ не могутъ! Онъ говоритъ, что знаетъ и чего не знаетъ; у него нѣтъ ничего скрытнаго. Онъ поноситъ достойныхъ людей; разслаиваетъ поочасъ все, что видишь, слышишь, подозрѣваетъ; или разсказываетъ за тайну всѣмъ, кто только хочешь знать: у него повѣренный цѣлый свѣтъ, а самъ ни у кого. Онъ съ жадностью собираетъ неважныя дневныя происшествія, собираетъ всѣ домашніе случаи, удовольствія и неудовольствія, новости или перемѣны, и особенно все, что касается

до чести и общественнаго мнѣнія; все сіе попомъ разноситъ повсюду. Его можно назвать городскою трубою. Таковой человѣкъ не только гнусенъ, но даже несносенъ. Чтобы принести ему величайшее удовольствіе, надобно непрестанно его слушать. Но для этого какое потребно терпѣніе! И какое наказаніе сравнится съ наказаніемъ переносить всю тяжесть скуки съ нимъ? Онъ мучитъ безконечными сказками, длинными, безсмысленными и сто разъ пересказываемыми исторіями, и скучными подробностями своей жизни и своихъ дѣланій.

Сравниваютъ ротъ всегда открытый съ сундукомъ безъ замка, который показываетъ, что въ немъ нѣтъ никакаго сокровища. Всегда открытый ротъ означаетъ пустошу въ головѣ.

Сенека говоритъ: берегись пустословія, и имѣй предметомъ разговоровъ твоихъ или утѣшеніе, или совѣтъ, повелѣніе, или запрещеніе.

Юноши говорятъ то, что дѣлаютъ; спарики то, что сдѣлали; а глупые то, что они еще намѣрены дѣлать.

Слова: *все знаю* — есть слова надменнаго невѣжды, слово: *не знаю* — есть слово глупца; слова же: *ничего не знаю* — суть слова разумнаго чловѣка.

Овидій сказалъ: „*Смотри и молчи, если хочешь жить въ покоѣ.*“

Говорящій сѣнѣ, слушающій жнцѣ.

Мало ѣсть и мало говорить, никогда не бываетъ вредно.

Кто не умѣетъ молчать, тотъ очень способенъ бываетъ къ обманамъ.

Кто приноситъ къ себѣ много новостей, тотъ и о себѣ много ихъ выноситъ.

Мудрецъ молчитъ, когда слова его тщетны.

Вообще сказать, вѣстовщики, занимающіе своимъ разсказами, наполненными часто злословіемъ, клеветною — дѣлающіе насъ самихъ злыми, зависливыми.

Боязнь, страхъ.

Страхъ имѣетъ великое вліяніе на первы: производитъ судороги, корчи, охлажденіе тѣла, блѣдность, обмороки, пренепаніе сердца, преждевременныя роды, остановку месячныхъ кровей.

Изъ сего можно видѣть, сколь неблагоприятно поступаютъ нѣкоторые молодые люди, кои забавляются — пугая кого-нибудь печально; шакowej поступокъ причинялъ иногда смерть.

Должно непремѣнно запрещать кормилцамъ, мамкамъ и нянькамъ, дабы онѣ не разсказывали дѣтямъ страшныхъ сказокъ о домовыхъ, оборотняхъ, о чертяхъ, о медвѣдяхъ, волкахъ и проч., ибо сими вздорными побасенками могутъ произвести трусость въ дѣтяхъ на цѣлый вѣкъ.

Страхъ есть пошлѣнная слабость, унижающая чловѣческое достоинство. Онъ отнимаетъ силу разсудка, рѣши-

тельность, словомъ: всё преимуще-
ства человеческого духа, и первымъ
правиломъ воспитанія должно быть то,
чтобъ искоренять страхъ въ человекѣ.
Но, къ сожалѣнію, часто люди дѣлаютъ
совершенно противное тому. Размо-
примъ только два обыкновенные рода
страха: страхъ грома и страхъ при-
видный. Кипо подверженъ тому и дру-
гому, тошнѣ чуждѣ всякаго въ жизни
спокойствія. Ночной мракъ, сладкому
оподохновенію посвященный, служитъ
для него сигналомъ къ мучительному
безпокойству; когда наслаждаются
другіе пріятнымъ сномъ, въ то время
онъ съ пренесомъ прилунивается къ
малѣйшему шуму, обливается потомъ
отъ ужаса, и поутру чувствуетъ боль-
шее утомленіе, нежели съ какимъ легъ
въ постелю. Радостное время дѣла
бываетъ для него періодомъ страха:
каждый прекрасный день рождаетъ въ
немъ мысль о громѣ, и съдѣшвенно му-
чительное ожиданіе вразсужденіи себя.

Изъ сего видно, сколь вредное вліяніе
имѣетъ на продолженіе жизни тако-
вый непреспанный страхъ. Онъ про-
изводитъ судорожное движеніе, стужи-
ваетъ маленькіе сосудцы, кожа блѣд-
нѣетъ и дѣлается холодною, и испари-
на останавливается совершенно; кровь
собирается въ большихъ внутреннихъ
сосудцахъ, пульсъ прерывается, сер-
дце подавляется приливомъ оной и не
можетъ свободно двигаться, съдѣ-
швенно нарушается правильность
кровообращенія; равнымъ образомъ пор-
ушится пищевареніе и рождаетъ су-
дорожные поносы; слабѣетъ мышеч-
ная сила; боязливый хочетъ бѣжать
и не можетъ; пренетъ объемлетъ
все тѣло, дыханіе спирается въ груди
и спановится крапко; словомъ, страхъ
производитъ тѣ же дѣйствія, что и
меденной смертоносной ядъ, и сномъ
же способенъ дѣлать жизнь крапко-
временною, какъ и сей послѣдній.

В е л и к о д у ш и е.

Римскій Консулъ *Фабрицій*, получивъ письмо, во время войны, отъ врача Эпирскаго Царя, Пирра, котораго извѣщалъ его, что онъ тайно дастъ своему Государю яда, если шокмо Римляне достойнымъ образомъ вознаградятъ его; но герой добродѣтели, *Фабрицій*, гнушаяся такою измѣной, переслалъ оное къ Царю, при слѣдующемъ отвѣтѣ: *Видно, что ты худо знаешь, кто тебѣ другъ и кто врагъ, и въ этомъ самъ содержишься, когда прочтешь письмо, писанное къ намъ; увидишь тогда, что ты союзеешь съ добрыми и честными людьми, а вступишь совершеннымъ злодѣемъ и нарушителемъ вѣрности. Мы извѣщаемъ тебя о семъ, не о тебѣ жаль, но по любви къ самимъ себѣ, дабы смерть твоя не подала случая къ оклеветанію насъ, что мы взяли за предательство, какъ*

отчаявшись окончить благополучно брань сію нашимъ мужествомъ. Тогда Пирръ, по полученіи сего извѣстія, воскликнулъ съ восторгомъ: „вотъ примѣрный мужъ, коего столь же невозможно сравнить со спешнѣею добродѣтели, какъ солнце съ пучи своего теченія.“

Б о з д е р ж н о с т ь.

Для нашихъ приходей мало и цѣлой Сибирі; безъ бережливости мало и золотыхъ горъ; а съ нею можно жить въ довольствѣ посреди самой бѣдности; ибо бѣдность можетъ обратиться въ богатство съ помощію умеренности. — Сколько бѣ слабо ни было наше тѣло; но вы можете поддерживать и продолжитъ ваше существованіе, если обуздаете сластолюбіе, которое испребляетъ преждевременно большую часть людей. Если бы люди жили просто и пища ихъ не была бы испорчена

утонченностію приправъ; то врачбное искусство мало бы имѣло занятія. И такъ будемъ помнить то, что сохранялеть наше здоровье и силы, а не то, что удовлетворяеть чувственности. Ничто такъ не возвышаетъ человека, какъ воздержность, пррезность, постоянство и спротага непорочность правотъ; и если бы самое здоровье починалось за ничто, то не менѣе полезно и даже нужно довольствоваться малымъ. Богачи, плавающие въ обиліи, не рѣдко находятся въ затруднительномъ положеніи отъ мѣста и времени. Никто не можетъ удовлетворить всехъ своихъ желаній; но шотъ меньше жалеть, кто привыкъ себѣ отказывать. Необходимое подъ руками нашими, а излишнее сопряжено съ трудностями. —

Нѣкоторые народы, какъ напримеръ: Лакедемоняне, руководимые Природою, которая довольствуется малымъ, доставляли себѣ благоденствіе

воздержностію. Они все безъ различія сѣли за общимъ столомъ, и никто не смѣлъ оплутиться безъ важѣйшихъ причинъ. Дѣши приводимы были къ сему столу, какъ въ школу воздержанія. Употребивши умѣренную пищу и питье, они расходились вечеромъ безъ огня, чинобы привыкнуть безъ свѣта и днни ночью и во мракѣ. Имъ запрещено было закономъ показывать вѣжкость свою цвѣтомъ лица, приличную одѣмъ женщинамъ, и имѣть шло тучное и тяжелое; потому что это было признакомъ лѣности и праздности душевной. Чрезъ каждые десять дней дѣши представляемы были омуру Эфоровъ, и если члены ихъ были вѣжны, вазы и пошестившіе отъ праздности, то ихъ били ремнями.

Повѣсивуютъ, что Александръ Македонскій, будучи вѣрнѣ воснипанію, полученному въ юношесствѣ, и совершенно предавшись великимъ своимъ предпріятіямъ, отказалъ однажды

поварамъ, присланнымъ къ нему Адою, сестрою Мавзола, и приказалъ сказать, что они ему не нужны, — что у него есть два прислужника, коихъ получилъ отъ наставника своего, Леонада: 1-й, прудъ до наступленія дня, приготовлявший вкусной обѣдъ, и 2-й, воздержнось за обѣдомъ, которая доставляла превосходный ужинъ. Для чего же онъ не сохранилъ столь похвального навыка во всю жизнь свою? Онъ не произилъ бы грудь вѣрнаго друга своего, *Клипа*, если бы не выпилъ Геркулесову чашу, и Вавилонъ не былъ бы свидѣтелемъ его смерти на 33-мъ году жизни и прекращенія его замысловъ и подвѣговъ! если бы онъ не изпустилъ духъ свой отъ неумѣренности въ пииніи. — Вотъ печальный слѣдствіи неумѣренности!

Воздержнось, непріятельница всякаго пресыщенія, была, какъ сказать, матерью крѣпкаго сложенія Римлянъ. Можно здѣсь упомянуть о Сципіонахъ,

Катопахъ, Фабриціяхъ и проч. Какое безкорыстіе! какая скромнось и умѣреннось въ сихъ великихъ людяхъ! какіе высокіе примѣры для помѣшала! „Изюмъ, груши и другіе плоды,“ говоритъ *Ювеналъ*, „составляли ужинъ Сенашоровъ, когда начала измѣняться строгость прежнихъ нравовъ.“ — *Курій* довольствовался овощами, имъ едимымъ возвращенными. Сидя у скромнаго своего каминна, онъ самъ готовилъ кушанье, какое нынѣ презрѣли бы самыя невольники, обрабатывающіе поля наши.

Какое различіе между сими вѣками простоты и воздержности, и между тѣмъ вѣкомъ, въ которомъ мы живемъ! Нынѣ — не говоря о насъ самихъ — простое не правится даже дѣтямъ. Въ ихъ возрастѣ должно бы привыкать ко всякой пищѣ — преодолевая малѣйшее отвращеніе и безъ негодованія насыщаться самою обыкновенною пищею; — но сколько такихъ, которые

съ небреженіемъ отдаляютъ отъ себя вкуснѣйшую пищу! и — съ первыхъ лѣтъ жизни ихъ — въ нихъ видны уже поспѣлыхъ прожоръ, для коихъ должно изобрѣтать новые соусы почти ежедневно.

Всякая вещь отъ рѣдкаго употребленія пріяшна. — Омерзѣніе, послѣдующее неразлучно за частымъ употребленіемъ забавъ, есть вѣрный знакъ несовершенства ихъ.

В ѣ т р е н о с т ь .

Не будемъ мы очень постыжны и опрометчивы. Частно отъ вѣтрености происходятъ весьма дурныя послѣдствія. Говорятъ объ молодой особѣ: она жива, — она вѣтренна! Но лучше бы было, если бы сказали: она примѣръ благоразумія и скромности! —

Убѣгайте щадительно суетныхъ удовольствій, какимъ предаются съ жадностію женщины, не занимающіяся

никакимъ дѣломъ. — Ты, которая только и думаешь объ убранствѣ, балахъ, спекнакахъ и другихъ увеселеніяхъ, не имѣешь ни времени, ни желанія исполнять своихъ обязанностей. Если правда, что нравишься есть принадлежности женскаго пола; то, для успѣха и шоржества своего, женщина должна совѣноваться болѣе съ своимъ сердцемъ, нежели съ зеркаломъ. Красивый нарядъ и прелести ея обольщаютъ на минуточку, но не пѣваютъ; въ продолженіе жизни ваши супругъ и ваши дѣти будутъ сморщивъ болѣе на ваши добродѣтели, нежели на прелести. Къ тому же сколь постыдна спросишь къ роскоши и вѣтрености: это ужасная бездна, поглощающая безчисленныя богатства! Горе смертному, котораго судьба соединитъ съ женщиною, увлеченною спроснію къ мнимымъ удовольствіямъ и нарядамъ! Для ея глупыхъ издержекъ мало всѣхъ сокровищъ міра, и если онъ не ускоритъ

положивъ крѣпкой оплотъ сему разрушительному поноку, но гибель его не избѣжна. Горе дѣламъ, коимъ Природа дастъ подобную мать! Оснавленныя припомнру и попеченіямъ другихъ, они будутъ шоминься въ горести и уединеніи; и между нѣмъ, какъ та особа, коей они должны жизнию, будутъ ослѣплять взоры брильяншами, которыми усяла ея голова, ея полныя груди, уши и пальцы, — они будутъ нуждаться въ самыхъ необходимыхъ вещахъ.

Гнѣвъ. Досада.

Ничто не можешь такъ вредить цѣлѣ жизни, преграждая входъ всякой радости и удовольствію, какъ сія дурная привычка. Я совѣтую всякому, кому жизнь своя мила, убѣгать гнѣва какъ смертоноснаго яда и искоренять его въ самомъ началѣ.

Гнѣвъ сѣдася сердце человеческое, и умаленъ его здравіе.

Нѣкто сказать, что *хотя гнѣвъ есть и краткое бѣшенство, однако дѣйствіа его влекутъ по себѣ продолжительныя безумія.*

Весьма справедливо, что запальчивость снанивъ необоримыя препоны спокойствію жизни и здоровью шѣла. Она притупляетъ разсудокъ и помрачаетъ умъ. Часно не много словъ потребно къ учиненію человека несчастнымъ на весь остатокъ дней его. Иные чрезъ гнѣвъ теряютъ въ одно мгновеніе ока такихъ друзей, которыхъ многіе годы наживали.

Запальчивость ошенивъ ошъ бѣшенства не далѣе двухъ перстовъ, и вспыльчивый съ безумнымъ имѣютъ равное право къ убѣжищу въ домъ сумасшедшихъ. Если и умный человекъ дѣлается въ минуны гнѣва дуракомъ, то чего не сдѣлаетъ дуракъ въ бѣшенствѣ? Худо бытъ пьяницею, но едва ли еще не хуже бытъ вспыльчивымъ. Пьянаго можно иногда опивеши

должностей и чувствованій нашихъ; она несравненно полезнѣе знанія языковъ; она есть Наука мудрости и счастья, Наука — вразумляющая насъ сопрягать истинное благо наше съ благомъ другихъ, и не позволяющая почитать полезнымъ то, что безчестно. Самые главнѣйшія правила сей Науки весьма ясны, просны и всякому удобопонятны: *не дѣлай другимъ того, чего себѣ не хочешь; но дѣлай имъ все то, чего самъ себѣ желаешь. Люби Бога, люби подобныхъ себѣ.* Словомъ сказанъ, сія Наука есть ученіе, приличествующее всемъ людямъ; она есть первая и послѣдняя Наука въ сей жизни; она должна господствовать и распоряжаться всеми другими знаніями, определять выборъ оныхъ, предписывать цѣль онымъ, открывать ихъ цѣну и показывать возмездіе за оныя. *Монтескьё*, говоря о величинѣ Рима, сказалъ: *„изобиліе состоитъ во нравахъ, а не въ богатствѣ.“*

Надобно напечатать дѣтей Закономъ,

безъ коего истинное нравоученіе существовать не можетъ. *Евангеліе*, при величественной простотѣ своей, вразумляетъ насъ несравненно болѣе, нежели другія пышныя знанія. Съ какою умилиительною радостію мы раскрываемъ священную книгу сію! Одно слово высочайшей Премудрости болѣе поражаетъ душу и сердце наше, нежели суетныя выраженія мудрецовъ нынѣшняго свѣта. Какъ приятно и утѣшительно для насъ слышать изъ изысканныхъ начертаній Ел, что Она управляетъ всеми происшествіями, самое зло обращаетъ въ добро для любящихъ ее, и приближающихся къ ней въ несчастіи не оставляетъ; что Она не попускаетъ намъ быть искушаемыми свыше силъ нашихъ, и что ни одинъ волосъ съ головы нашей безъ воли ея погибнуть не можетъ. Такимъ образомъ будучи просвѣщены драгоценнымъ свѣтомъ Небесной Премудрости, мы должны благодарить Ее за

опъ дурачествъ, а вспыльчиваго никакъ и ничто не удержитъ. Пьяный вредитъ болѣе самому себѣ и не всегда другимъ, а вспыльчивый наноситъ вредъ и себѣ и постороннимъ.

Гнѣвъ способствуетъ единственно на оскорбленіе Бога, на поврежденіе здоровья, на потерянiе друзей и своего счастья, въ угодность врагамъ своимъ, уподобляя насъ скотамъ несмысленнымъ.

Наконецъ, изъ всѣхъ грѣховъ смертныхъ, гнѣвъ въ обществѣ человѣческомъ есть несноснѣйшій; и шокмо онъ одинъ осужденіемъ своимъ обременяетъ грѣшника, не причивая ему ни малѣйшаго удовольствiя.

Нѣкоторые мудрецы говорили, что гнѣвъ есть непродолжительное сумасшествіе. Въ самомъ дѣлѣ, гнѣвъ, какъ и сумасшествіе, не удерживается никакими предѣлами: онъ пренебрегаетъ благоприснойностью, забываетъ дружбу, упорствуетъ въ своихъ чув-

ствахъ, не пріемля никакихъ убѣжденій, ни совѣтовъ. Чтобы вамъ увѣриться, что раздраженный человѣкъ не въ полномъ разсудкѣ, осмотрите его съ головы до ногъ; глаза его сверкаютъ, лице въ пламени, губы преиспугнуты, зубы стиснуты, волосы спавшіе дыбомъ, мускулы напрягаются; дыханіе его быстро и прерывисто; онъ говоритъ невнятно, хлопаетъ руками; все тѣло въ движеніи; взирая на него, не лѣзя сказать, что болѣе внушаетъ сей порокъ: отвращеніе или ужасъ? —

Если разсуждаешь объ гнѣвѣ по его дѣйствию и несчастьямъ, коихъ онъ причиною, то не было никакой извы вредоноснѣе его для человѣчества. Взгляните на сіи развалины знаменитѣйшихъ городовъ, поросшія травой и мохомъ; онъ низвергнуши яроствѣ людей! Посмотрите на сіи областны, превратившіяся въ пустыни; гнѣвъ истребляетъ ихъ жителей! Пред-

ставите себѣ многочисленныя примѣры роковой судьбы различныхъ лицъ, извѣстныхъ въ Исторіи: гнѣвъ пронзилъ одного на его ложѣ, другаго посреди жертвоприношенія или пиршества; а сей расцѣрзанъ имъ при глазахъ народа.

Но для чего намъ вопрошать Историю? Споспѣть только взглянуть на то, чѣмъ каждый день протѣкаетъ между нами, — и вамъ вспрыснутъ многія обстоятельства, которыя внушаютъ ненависть къ пороку, превращающему человека въ совершеннаго лютаго звѣря.

Вода не задерживается на горахъ, а гнѣвъ въ благородномъ сердцѣ.

Дарованія ума.

Сколько ни блистательна слава побѣдъ военныхъ; но въ славу, приобретаемую познаніями и умственными дарованіями, заключается иѣчто превосходящее. Она зависить наиболѣе

отъ насъ самихъ и есть какъ бы собственность наша; не ограничивается, подобно славу военной, нѣкоторыми временами и случаями, и нѣмало не зависить отъ безчисленныхъ постороннихъ пособій; доставляетъ человеку такія преимущества, кои несравненно лѣпше преимуществъ, истекающихъ отъ богатства и почестей, потому чѣмъ все сіе находится въ насъ, между тѣмъ какъ умъ есть наша собственность, или лучше: онъ составляетъ насъ самихъ. — Впрочемъ, одинъ умъ не составляетъ еще истинной славы человека. Положимъ, чѣмъ онъ самъ по себѣ превосходитъ и украшенъ знаніемъ Философіи, Математики, Истории, Словесности; но — сіи знанія дѣлаютъ человека только ученымъ, а не добрымъ. Ученый — если онъ не болѣе, какъ ученый — весьма часто бываетъ тщеславный, упорный, занятый самимъ собою и презирающій другихъ. Можетъ ли чѣмъ

либо быть достойные сожалѣнія и презрѣнія такого человѣка, который напыщенъ своимъ знаніями, непрестанно жаждетъ похвалъ и не насыщается ими, питается вѣтромъ и дымомъ, и мыслитъ токмо о томъ, чтобы жить во мнѣніи другихъ?

Чтобы уцѣлѣть въ свѣтъ, надобно быть умнымъ и походить на глупца.

И такъ Науки и дарованія приносятъ честь не сами по себѣ, но по хорошему употребленію своему, и можно сказать, что скромность наша болѣе всего возвышаетъ ихъ цѣну и блескъ. Какъ пріятно видѣть великихъ людей сознающимися въ своихъ ошибкахъ! Такое сознаніе предполагаетъ въ нихъ существенное и сугубое достоинство и возвышенность души, чувствующей, что ея ошибки не могутъ причинить ей никакого ущерба, между тѣмъ какъ малый умъ, знающій свою скудость, не можетъ подвергаться опасностямъ и добровольно упрямится что-

либо изъ небольшого своего имуществва.

Все то не достойно нашего старанія, что ни мало не способствуетъ спокойствію духа.

Д о б р о д ѣ т е л ь.

Добродѣтельнымъ человѣкъ проводитъ свою молодость безъ внутренняго душевнаго безпокойства, а старость свою безъ укоренія совѣсти; онъ наслаждается спокойствіемъ, неизвѣстнымъ другимъ людямъ, и настоящую цѣну даетъ всѣмъ вещамъ земнымъ. Онъ не сожалѣетъ о прошедшемъ, и не спрашиваетъ будущаго. Умъ его исполненъ радостію, а дѣла его суть основаніе и подпора его благоденствія.

Платонъ сказалъ: добродѣтель есть вещь божественная.

Слава и благополучіе происходятъ отъ добродѣтели.

Чтобы быть добродѣтельнымъ, спо-

ипшъ только захотѣть. Всѣ люди могутъ и не должны быти воинами, орашорами или живописцами славными; но всякой человекъ можетъ и долженъ быти добродѣтельнымъ.

Когда *Аристидъ* сказалъ Афинянамъ то, что вамъ предлагаютъ, полезно Республикѣ, но безчестно, Афиняне отвѣчали: „не будемъ болѣе объ этомъ говорить.“

Сіе превосходное качество было прежде — добродѣтель, а нынѣ золото!

Кранторъ, Греческій Философъ, вѣдѣль явившійся на Олимпійскія игры *Богатству*, *Сладострастію*, *Здоровью* и *Добродѣтели*. Всякая изъ нихъ проситъ яблока. *Богатство* говоритъ: я есмь верховное благо, ибо мною можно всё купить. *Сладострастіе* говоритъ: яблоко мнѣ принадлежитъ, ибо богачества желаютъ для того только, чтобы имѣть меня. *Здоровье* увѣряетъ: что безъ не-

го нѣтъ вовсе сладострастія, и что богачество бесполезно. Наконецъ, *Добродѣтель* предсказываетъ, что она преимущественнѣе всехъ прехъ, потому что съ золотомъ, съ любовными наслажденіями и съ здоровьемъ, можно содѣлаться злочашственнымъ и бѣдственнымъ, когда будутъ весны себя дурно. Добродѣтель получила яблоко!

Ничего нѣтъ величественнѣе и достойнѣе уваженія на землѣ, какъ истинная добродѣтель: даже весь свѣтъ въ томъ соглашается. Возвышенность чувствъ, превосходство побужденій, владычество надъ страстями, терпѣніе въ несчастіяхъ, кротость въ обидахъ и оскорбленіяхъ, уничиженіе самаго себя въ похвалахъ, мужество и бодрость въ затрудненіяхъ и препястствіяхъ, сноровость въ удовольствіяхъ и забавахъ, вѣрность въ должностяхъ, единообразіе во всехъ приключеніяхъ жизни; однимъ словомъ: все то, что Философія вло-

жила въ умъ своему мудрецу, находящаю только действительно въ ученикъ Евангелія.

Блаженство жизни основано Всевѣдѣніемъ на добродѣтели, любви и дружбѣ. Добродѣтель состоитъ въ исполненіи нашихъ обязанностей. Исполненіе ихъ сдѣлаешь много горя, но дастъ вкусить и единственное на землѣ счастье. Она любитъ умеренность, презираетъ богатства и не завидуетъ чужимъ. Добродѣтель рѣдко прямымъ путемъ достигнетъ славы, весьма рѣдко ведетъ къ богатству. Какая ей въ томъ нужда? Ее часто презираютъ и поносятъ. Она не слишкомъ огорчается тѣмъ, и не дѣйствуетъ ни по гордости, ни по тщеславію. Не отдаютъ справедливости добрымъ ея дѣламъ! Но она сама хочетъ ихъ скрывать и всегда предохранена отъ мученія ненависти.

Добродѣтель исчезаетъ, какъ скоро мы хотимъ показать ее.

Все шліино, кромѣ добродѣтели. Добрый человекъ не желаетъ никому зла; добродѣтельный спарася дѣлать добро.

Нѣтъ добродѣтельнаго, который бы не падалъ отъ искушеній порока. (Вейссъ).

Доброта, благосклонность, милость.

Ничто такъ не рѣдко между людьми, какъ испинная доброта; тѣ, кои думаютъ, что имѣютъ ее, обыкновенно только имѣютъ снисхожденіе или вѣжснорого рода слабоснѣ.

Въ одно шліино, великій Тюрень, бывшій запросто въ бѣломъ камзолѣ и бумажномъ колпакѣ, облокотясь, смотрѣлъ въ окно. Одинъ изъ служителей, почилъ его за повара, ударилъ сильно его рукою по бедру. Тюрень, изумившись, оборачивается. Слуга приходитъ въ робоснѣ, надетъ къ его ногамъ, прося прощенія

въ своей ошибкѣ, и объясняя, что опъ его почесть за Егорку поваренка. „Еслибъ это былъ и Егорка, сказать спокойно Тюрень, по не должно бы ударить шакъ сильно.“ — Вотъ истинная доброта!

Упоминаются опъ уменственныхъ за-
паний, привыкающихъ хладнокровно къ красотѣ, гнушаются пуснословіемъ и болтливостію; по доброта всегда во-
схищается и пѣваетъ сердце.

Д р у ж б а.

Имѣй у себя друга: ибо ты не можешь бытъ одинъ. Счастіе есть дѣло двохъ.

Дружба есть одна душа въ двухъ тѣлахъ. (*Аристотель*).

Дружба есть бальзамъ жизни.

Цицеронъ, говоря о дружбѣ, называетъ ее необходимостію.

Пифагоръ прекрасно сказалъ: *будучи съ другомъ, я не одинъ, а насъ не двое!*

Любовь — есть болѣзнь сердца; а дружба — врачъ его.

Ни кому не будь обязанъ, кромѣ своего друга.

Кто положитъ душу свою за друга, той великъ наречется. (Это сказано въ Евангеліи).

На дружбу людей шакъ же мало можно полагаться, какъ и на золото Хименовъ.

Дружество есть даръ Небесъ. Въ прелестныхъ его узахъ — наслажденія и радости; самое время усугубляетъ красоту его. Оно сладостію утѣшеній своихъ смягчаетъ тѣ несчастья, которыя любятъ раздѣлять, и ежедневно облегчаетъ тягости жизни нашей. Сердце, удрученное горестію, всегда чувствуетъ необходимость раздѣлитъ ее съ другомъ.

Замѣчно, что люди, неспособные къ дружеству, не умѣютъ также наслаждаться красотою Природы и рѣд-

ко поспигають высокія, угнѣшившійся
вѣя истины Нравственности.

Въ Сициліи, при Царѣ Діонисіи спар-
шемъ, жили два славные друга, *Да-
монъ* и *Питѣясъ*, концы сердца пыла-
ли нежнѣйшею любовію взаимною,
они клались въ сей дружбѣ. Когда
Діонисій, внявъ ложной клеветѣ, осу-
дилъ Питѣяса на смерть, то сей про-
спѣлъ дозволенія оплутаться въ ближній
городъ, для приведенія въ порядокъ
нѣкошорыхъ важныхъ дѣлъ своихъ, ...
и такъ какъ онъ обѣщалъ возвратишь-
ся въ назначенный день, то и опира-
вился въ путь, между тѣмъ какъ Да-
монъ за исполненіе обѣщанія сего по-
ручилъ своею жизнью. Но дѣла Питѣ-
яса текуть медленно, день смерти
его наступалъ, народъ собиравшеся,
ворующій его, сожалѣющій о легко-
мыслии Дамонъ, идущемъ спокойно
на смерть, увѣренномъ, что другъ его
возвратится, и почитающемъ себя
весьма счастливымъ въ случаѣ его

невозвращенія. Уже наступаетъ роко-
валъ минута, какъ тысячи народа кру-
жатся мѣсто, уготованное на оконча-
ніе его жизни. Уже Дамонъ, стоя по-
среди толпы, возвыщаясь многокра-
тно о прибытіи Питѣяса, скорбитъ;
видитъ мечъ, висящій надъ его главою,
но не пренецетъ. Наконецъ привали-
ваетъ корабль къ берегу, Питѣясъ бѣ-
житъ, пробирается чрезъ народъ и
приходитъ къ мѣсту казни, къ Дамо-
ну. Тутъ, посреди обѣщаній и слезъ,
спорить они о благополучіи — умереть
другъ за друга. Зрители, пораженные
сею сценою, обливаются слезами:
самъ Царь бросается съ престола
своего и проситъ дозволенія — раздѣ-
лить съ ними священную ихъ дружбу.
— Обвиненный былъ прощенъ!

Жестокосердіе, злоба, зло.

Сенека говоритъ, что одна часть жизни человѣческой обыкновенно проходитъ въ злотвореніи, большая часть въ недѣланіи ничего, а вся жизнь въ дѣланіи того, чего бы не слѣдовало.

Кто съестъ обиду, тотъ перѣдко пожинаетъ мщеніе.

Сія ужасная склонность, наносящая вредъ другимъ, слишкомъ свойственна человѣку. Она произвела *Калигуловъ*, *Нероновъ*, *Тиверіевъ*, *Доминціановъ*, *Людовика XI*, *Филиппа II* и множество другихъ чудовищъ, коихъ имена осуждены на вѣчное порицаніе. Кто любитъ мучить живыхъ, тотъ въ послѣдствіи будетъ находить удовольствіе въ шерзаніи себѣ подобныхъ; *Доминціанъ* сперва билъ мухъ, потомъ людей.

Зло существуетъ, но не по необходимости. — Въ природѣ самыя вредныя вещи имѣютъ свою пользу и выгодное

отношеніе, подобно, какъ нѣкоторыя лды входятъ въ составъ лекарствъ. Люди, въ самой глубочайшей древогости, чувствуя силу противоположающую добру, думали, что есть начало добра и начало зла. Гений зла у Грековъ назывался *Тифонъ*, у Персовъ *Ариманъ*; а мы, Христіане, должны остерегаться духа злобы, который рыкаетъ какъ левъ, ища кого-либо поглотить. Примемъ наказаніе Неба съ покорностію *Іова*, и во всѣхъ нашихъ поступкахъ не причинимъ зла никому, чтобы и самимъ не терпѣть его отъ другихъ. — Бойся того, кто тебѣ боится.

Душа добрая не можетъ быть жестокосерда. Звѣрство опирается на самой Природѣ, и дѣлаетъ того, въ комъ оно есть, чудовищемъ и явнымъ врагомъ человѣчества.

Всякой жестокосердый человѣкъ, большой или малой, не можетъ ожидать ничего иного, кромѣ мученій въ

сей жизни, или въ будущей, а часто и въ обѣихъ: ибо *въ нѣ же мѣру мѣрите, возмѣрится и вамъ*.

Мы часто причиняемъ себѣ зло, что бы вредить другимъ; но никогда не дѣлаемъ сего для того, чтобы сдѣлать имъ добро.

Зло, сдѣланное людьми, живетъ послѣ ихъ смерти: добро часто погребается вмѣстѣ съ ихъ костями. (Шекспиръ).

З а б о т л и в о с т ь .

Она похищаетъ наилучшую часть жизни, обладая нѣтъ большаго половиною человеческого рода. Духъ вѣка принесъ съ собою то, что дѣлательность, умозрѣнія и перевороты снавѣвшихся людямъ гораздо свойственнѣе, нежели прежде, и они сильнѣе напрягаютъ всѣ находящіяся въ нихъ силы; къ сему присовокупляется роскошь, которая, умножая минимы потребно-

сти, дѣлаетъ необходимыми новыя предпріятія и новыя напряженія силъ. Отсюда рождается непреспающая возбудительность, оптемлюющая всякое вниманіе ко внутреннему спокойствію и душевному довольству, и ускоряющая ужаснымъ образомъ жизненное истощеніе. Слѣдственно непреспающее внутреннее влеченіе къ новымъ предпріятіямъ, трудамъ и планамъ — пагубно для здоровья.

З а в и с и м о с т ь .

Обыкновенно говорятъ: счастливыѣ шонъ, кто ни оиъ кого независятъ! Но гдѣ бы найти такого? Нѣтъ никакого состоянія человеческого, оиъ Царя до пахара, которое не зависѣло бы оиъ другаго. Человѣкъ, оиъ первой до послѣдней минушы бышій, еснъ существо зависящее: большій зависятъ оиъ малаго, а малой оиъ большаго; рабъ оиъ господина, а господинъ оиъ

раба; жена опъ мужа, а нерѣдко и мужъ опъ жены; скупой поработишь своему богачеству, гордый глупости, сластолюбивый порокамъ; благоденствіе наше нерѣдко зависить опъ воображенія, расходы опъ доходовъ, доходы опъ трудовъ подчиненныхъ, мореплаваніе опъ способствующаго вѣтра, истинный покой опъ доброй совѣсти, а добрая совѣсть опъ безпорочной жизни. Самыя спихи не излѣкы зависмости, и безъ взаимной другъ другу помощи существовать не могутъ. Живописныя зависать опъ земли, получая опъ ней пропитаніе свое; земля зависить отъ благовременія, безъ чего плодовъ обильныхъ принесъ не можетъ; дождь зависить опъ облаковъ, облака опъ паровъ земныхъ; — одно всегда существуетъ для другаго, — а все вообще опъ управленія Всевышняго.

Единъ Богъ, совѣмъ независимый, сошворилъ всѣ вещи со взаимной зави-

симостью, дабы мы изъ сего познавали несовершенство наше, и что нѣтъ ничего совершеннаго, кромѣ единаго первобытнаго Существа, достойнаго полнаго благоговѣнія и усердія нашего.

Если желашъ быть независимымъ, веди жизнь умѣренную и презвую.

З а в и с т ь.

Зависъ — родная сестра Невзвистъ.

Ся страсть чрезвычайно вредна здоровью, ибо завистливые подвергаются сугубому бѣдствію или огорченію, потому что благополучіе другихъ столько же ихъ угнетаетъ, сколько и собственное ихъ злополучіе: слѣдственно безпрестанно они должны быть огорчены.

Философъ Бюиъ сказалъ объ одномъ завистливомъ человѣкѣ, который былъ печаленъ: „Не знаю, ему ли случилось несчастье, или другому благополучіе.“

Богачество, слава и почести другихъ

всякое внушаемое намъ благо, и поповавшись Ей при всѣхъ искушеніяхъ, на насъ низпосылаемыхъ.

Надобно всѣми мѣрами внушать дѣтямъ *добродитель*.

Блаженство жизни основано Всевѣчнымъ на *добродѣтели, любви и дружбѣ*. Добродѣтель же состоитъ въ исполненіи нашихъ обязанностей.

Добродѣтельный человѣкъ въ счастіи и несчастіи спокойно наслаждается Богомъ и самимъ собою; восхищается всею Природой, утѣшается безъ спроса и зависти тѣмъ, что видитъ добраго въ ближнихъ своихъ; спараснелъ содѣлать счастіе ихъ совершеннѣйшимъ; и всякое зло, съ нимъ встрѣчающееся, котораго онъ опровергнуть не можешь, переноситъ безъ огорченія и досады. Кажется, все улыбается онъ его взору, все украшается онъ его прикосновенія. Онъ дѣлаетъ столько добра, сколько можешь; никто не обвиняетъ его въ своемъ несчастіи; ни чья горь-

кая слеза не оправляетъ его радостей. Онъ не допускаетъ никого спрадать въ злослосеніяхъ, кромѣ тѣхъ, кои, нанося вредъ другимъ, сами себя дѣлаютъ несчастными. Ежели онъ заставетъ другихъ плакать, то сн слезы текутъ онъ соспраданія и благодарности. Онъ появляется — и гласъ похвалы и веселія вокругъ его раздается. Въ около его наслаждаются счастіемъ: ибо благополучіе другихъ есть главный предметъ его желаній; а находясь посреди облагодѣлельствованныхъ имъ людей, можешь ли онъ самъ быть несчастливъ?

Ненадобно давать дѣтямъ читать романы. *Руссо* изложилъ слѣдующее правило, впрочемъ согласное съ опытомъ и здравымъ разсудкомъ: *благовоспитанная дѣвица не должна читать романовъ*. Утонченность вкуса, царствующаго въ большихъ городахъ, хитрая придворная полиника, ослѣпительный блескъ роскоши, Эпикурейское

суть обыкновенная лица нашей зависти.

Счастливей тотъ, кому непріатели завидуютъ!

Надобно стараться дѣлать все лучше нѣхъ, кои дѣлаютъ хорошо: вопшъ наилучшее лекарство отъ зависти. Но, къ несчастію, мы всегда унижаемъ все то, что не въ состояніи сами сдѣлать; ибо гораздо легче презирать, нежели превзойти кого или сравнивать ся съ достойнѣйшимъ человекомъ.

Фонз-Визинъ говоритъ: „Дурное расположение людей, недостойныхъ пощениа, не должно быть огорчительно. Знай, что зла никогда не желаютъ нѣмъ, кто имѣетъ право презирать. Люди не одному богачеству, не одной знатности завидуютъ: и добродѣтели также имѣетъ своихъ завистниковъ.“

Зависть содѣлываетъ несправедливымъ и жестокимъ; она ведетъ къ ненависти, самой отвратительнейшей, самой черной изъ всѣхъ страстей. — За-

висливые возвѣщаютъ о нашихъ достовѣрстввахъ своею ненавистью.

Завистливый сохнетъ отъ зависти, а добрый плачетъ отъ радости.

Зависть Осмистоклова послужила пошью къ паденію его самаго и къ большей славѣ Аристиды.

Заслуга и достоинство.

Въ свѣтѣ награда не гонимая за заслугою; заслуга должна некаать награду.

Чѣмъ меньше кто заслужилъ достоинства, тѣмъ болѣе щещеславится имъ.

Награды и отличія рѣдко достаются достойнымъ и заслуженнымъ: гордость окружаетъ себя своими креашурами, и ихъ только выводитъ. Но пошазать неприлично честному человеку.

З а с т ѣ н т и в о с т ь.

Застѣчивый подобенъ плотникъ. Уста его сомкнуны доплотъ, пока наводненіе мыслей или чувствъ не расторгнетъ ихъ. Таковы застѣчивые, по большей части люди умные и чувствительные.

И з м ѣ н а.

Измѣнники и малодушные, не взырая на услуги, оказываемыя врагамъ, пріобрѣтаютъ одно только презрѣніе. *Виргилій* помѣщаетъ въ шаршаръ несчастныхъ, продавшихъ за золото опечесство свое; для нихъ-то *Фуриі* изобрѣтаютъ каждый день новыя наказанія. Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ ничего ужаснѣе, какъ способствованіе врагу нашего опечеснѣва къ его опустошенію, какъ предаваніе мечу убійцы, не говорю, нашихъ соопечеснѣнниковъ, но тѣхъ, отъ коихъ получили быніе, или тѣхъ, съ коими мы сопряжены

священнѣйшими узами! . . . Да покроются вѣчнымъ посраменіемъ измѣнники! . . . Да поразишь ихъ мстительное оружіе въ минушу, когда совершили свое преступленіе! — Пусь ненавистныя имена ихъ, переходя изъ вѣка въ вѣкъ, дойдутъ до ондаленнѣйшаго потомства, покрытыя безчестіемъ и поношеніемъ! . . .

И с п о р т е н н о с т ь.

Сколь мало людей, кои могутъ съ увѣренностію сказать, что они преохранили себя отъ испорченности! — Совѣсть многихъ походитъ на нѣкоторыя извѣстныя товары, которыхъ цѣна возвышается, или понижается по числу покушателей. Знаиность производитъ на него немалое вліяніе. Проспой гражданинъ спавишися ниже опличеннаго почестями. Онъ идетъ нѣшкомъ, . . . между тѣмъ какъ для другихъ необходимо нужны лошади,

экипажи, лакеи и особливо поваръ. Вѣсьмъ извѣстно, что наши времена не суть времена Куріевъ и Фабрицевъ, пѣхъ бѣдныхъ людей, кои пипались почти одною рѣною и съ презрѣніемъ опшвергали золото, приносимое къ сшопамъ ихъ.

Истина. Справедливость.

Есть истины непріятныя, кошорыя надобно умѣнь слушать, дабы знать, что объ насъ думаютъ друзья наши? что говорятъ свѣтъ? пусть они говорятъ истину чистосердечно и говорятъ намъ самимъ! — Къ сожалѣнію, мы ищемъ — все порицать въ мірѣ, и опъ чего? Опъ того, что никто не говоритъ истины другимъ, потому что она ни кому не правится. Не однимъ Государямъ спрашивается ее говорить; въ семь опношеній всякой дѣлаетъ себя Государемъ; и если опъ имъ не рожденъ, то дѣлается шакowymъ по своенравію. — Осмѣлся кшо-

нибудъ объяснитъ свои мысли на нашъ шепъ: мы его находимъ дурнымъ, и опшимаемъ у себя случай, сдѣлавъ благодѣтельное надъ собою наблюденіе. Что же остается дѣлать другимъ въ опношеніи къ намъ? Говорить только то, что правится намъ, и чрезъ то болѣе и болѣе умножать нашу испорченность. И шакъ если не шакія предоспорожности нужны для оказанія намъ доброй услуги, то мы должны опасаться, чтобы не опасали насъ навсегда въ любимыхъ нашихъ заблужденіяхъ. Изъ сего проиходитъ, что люди взаимно другъ другу лѣстятъ и обманываютъ; ибо увѣрены, что истина непріятна, и усилія друзей истины бываютъ безполезны, а пріятно одно только угожденіе.

Сюли, великій Полководецъ и искусный Министръ, сохраняя всегда одинакую справедливость и свободу, раздиралъ иькогда письменное обшщаніе, данное *Генрихомъ IV* дѣвницъ д'Аншрагъ,

на которой сей Государь хотѣлъ женишься. — Не съ ума ли ты сошелъ? сказалъ ему Король. — „Правда, Государь! я безуменъ; но счастлива была бы Франція, ежели бы всѣ были таковы.“

Аппилій Регулъ, Римскій Консулъ, былъ взятъ въ плѣнъ Кароагенянами; но они вскорѣ опаравили его въ Римъ, съ тѣмъ, чтобы онъ склонилъ своихъ согражданъ къ миру и разѣну плѣнныхъ; прежде же его отъѣзда, взяли съ него честное слово, что — въ случаѣ несогласія ихъ — онъ возвратится въ Кароагенъ, гдѣ ужасная казнь будетъ ожидать его. Сей великій человекъ представлялъ Сенату причину его отъѣзда въ Римъ; Сенатъ пребудетъ его мнѣнія, и онъ отвѣчаетъ, что не можетъ ничего сказать, ни какъ Сенаторъ, ни какъ гражданинъ, лишившись сихъ двухъ качествъ; но скажетъ свои мысли какъ частный человекъ: онъ убѣждаетъ Сенаторовъ, чтобы про-

должали войну и чтобы не дѣлали разѣна плѣнныхъ; что онъ въ такихъ уже лѣтахъ, въ коихъ потеря его не столько важна, а примомъ Римляне имѣютъ въ плѣну молодыхъ Кароагенскихъ Генераловъ, способныхъ оказать великія услуги своему отечеству. Просьбы друзей и слезы семейства не поколебали твердой Регуловой души и не принудили его нарушить данное слово; съ большимъ прискорбiемъ Сенатъ согласился съ его мнѣнiемъ. Знаменитый Регулъ пренебрегъ собственную свою пользу: рѣшился сдержанъ свое слово непріятелямъ, и поѣхалъ въ Кароагенъ, хотя зная, какимъ мученiямъ онъ былъ предоставленъ. Разительный примѣръ величiя души! — Коль скоро непріятели увидѣли его возвращавшагося безъ ущерба въ обменъ плѣнныхъ, то не было никакихъ мукъ, коимъ бы его тогда не подвергли. Они долго содержали его оплеченнаго оковами въ темницѣ, послѣ обрѣзали ему вѣка на глазахъ, и спавши

его нѣсколько дней прошивъ палачаго
солнца, чтобы лишить зрѣнія; потомъ
ввергнули сего спирадальца въ бочку,
ушыканную внутри желѣзными гвоз-
дями оспрыми; и наконецъ умертвилъ
сего великаго человека, къ вѣчному сво-
ему стыду.

Иногда, у Русскихъ, скрѣпляли догово-
ры одними сими словами: „*Если не
устою въ словѣ, то да будетъ мнѣ
стыдно.*“ Смысль сихъ однихъ словъ по-
казываетъ уваженіе къ справедливости
и то, что все договоры свято были со-
храняемы. Вразсужденіи же неуспойки
тогда писали въ условіяхъ сн слова: „*Ес-
ли я поплчусь, то мнѣ попятчику бу-
детъ стыдно.*“—Общаніе тогда храни-
лось свято и ненарушимо: оно скрѣпля-
лось въ душѣ боязнію стыда и правдою.

Воптъ еще ошвѣтъ дикихъ народовъ
Европейцамъ, упрекавшимъ ихъ въ не-
вѣжествѣ: „*Чѣмъ же вы просвѣщен-
ные насъ, если у васъ на каждый дого-
воръ и условіе, пужны тысячи писъ.*

*менныхъ обязательствъ? А мы что
скажемъ, то и исполняемъ.*“

К л е в е т а .

Разглашаніе о нашемъ ближнемъ зло,
которому онъ не причастенъ, оскорб-
лять добродѣтель, отнимать честь
у ближняго — воптъ дѣйствія постыд-
ной клеветы! Сколь ужасенъ сей по-
рокъ! и какія погубныя послѣдствія
влечетъ онъ за собою! Убѣгайте его,
молодые люди, убѣгайте! и если когда-
либо подпадете его обольщенію, то
помните, что общественное презрѣ-
ніе, рано или поздно, бываетъ заслу-
женнымъ наказаніемъ клеветника . . .

Красота женщинъ.

Иногда женщины, не зная вѣр-
наго источника своего могущества,
легкомысленно употребляютъ все по-
печенія свои о *внѣшнемъ*, мало забо-
тятся о *внутреннемъ*; болѣе думаютъ

о средствахъ вынудить любовь къ себѣ, нежели стараются заслужить оную. Женихъ внутренне добрый всегда любезенъ. Умъ, сердце и безъ красоты имѣютъ свое достоинство. Чистота души, умеренность, опрятность, движение, воздухъ, вода — вотъ тѣ вѣрные средства, помощью коихъ можно красоту и сохранить и возвысить.

Вотъ анекдотъ о томъ, что красота не что иное, какъ маска:

„Чѣмъ болѣе бесѣдовала Царевна (дочь Антонины Благочестиваго) съ Равви Юсуа, сыномъ Ананіи, тѣмъ болѣе удивлялась его познаніямъ и восхищалась назидательными его поученіями, забывая ошвырянительное его безобразіе. Однажды невольно воскликнула она: какой умъ! какая душа! Для чего не сообществуешь имъ и ты? — По пѣкошоромъ молчаніи, Равви спросилъ ее: „скажи, великая Царевна, въ чемъ содержался лучший вина твоего роди-

тели?“ — Въ глиняныхъ сосудахъ. — „Справно! и самый послѣдній изъ его подданныхъ содержитъ вино свое въ таковыхъ сосудахъ. Не приличіе ли держать Царскія вина въ сосудахъ серебряныхъ, или золотыхъ?“ — Справедливо говоришь, Равви, и я съ нынѣшняго же дня послѣдую твоему совету. — Налившее въ серебряные и золотые сосуды вино вскорѣ испортилось; прежній вкусъ и ароматъ совершенно исчезли. — Худый советъ далъ мнѣ ты, сказала Царевна Равви Юсуа: вино отца моего испортилось въ драгоценныхъ сосудахъ. — „Вѣрю, ошвыряниствовалъ сынъ Ананіи: такъ точно добродѣтели и познанія гораздо лучше сохраняются и зрѣютъ въ тѣлахъ, не столь красивыхъ.“ —

Красота сень пыльный цвѣтъ. Она не что иное, какъ маска.

Природа раздаетъ красоту также, какъ право на дворянство.

Дѣвица, гордящаяся своею красотою

и нерадующая о исправленіи своего ума и сердца, подобна прекрасному цвѣтку, изливающему ядовитый запахъ. Хорошо любоваться имъ издали, но опасно подходить близко.

Красота лица не продолжительна; красота цвѣтотъ; скоро и та и другая увядаютъ. Какое несчастіе для женщины, коей гордость основана только на маловременной красотѣ.

Кротость, смиреніе.

Кротость — качество, украшающее всѣ другія.

Кротость или смиреніе предостерегаетъ человека отъ всѣхъ чувствительнѣйшихъ золъ, случающихся въ нашей жизни. Тотъ, кто не много значить въ собственныхъ своихъ глазахъ, бываетъ умѣренъ въ желаніяхъ своихъ. Хотя онъ и ошибется иногда въ своихъ намѣреніяхъ, но не потеряетъ самъ себя и блаженнаго спокойствія

души. Огорченія человека крошечнаго мирны и тихи; смиренный всегда пребываетъ подъ спиражею любви и благосклонности всего человѣческаго рода, тогда, какъ гордый оспашется одинъ преданнымъ человѣческимъ ненавистни и мщенію.

Человекъ крошечный обладаетъ въ душѣ своей сокровищами веселія и испиннаго удовольствія. Онъ не кладетъ хулы на солнце, что не сѣетъ винограда его, и не бранитъ вѣтры, что не приносятъ хорошей погоды. Онъ учится законамъ Природы, и повируется имъ безъ роушанія.

Когда онъ не богатъ, то знаетъ, что Богъ ничѣмъ ему не долженъ; когда же онъ получаетъ мѣсто другихъ, и тогда, мысля о себѣ меньше другихъ, благодаритъ Всевышняго и за малое.

Никакое искушеніе не возбуждаетъ въ немъ неумѣренныхъ желаній; спрашиваетъ его не смущаетъ; ибо онъ чинитъ во

всемъ правосудіе Божіе и преклонялся предъ бурею, его заснигшею, находится менѣе въ опасности, нежели другіе.

Смиранный никогда ни въ комъ не можетъ возбудить зависти, и опята онъ оспанаавливаетъ еще въ самомъ испочинкѣ стремительный пошокъ, потоняющій человека суеннаго и гордаго.

Кропкій правъ есть наилучшее качество, которое можно получить отъ Натуры. Если же она намъ не дала его, то мы должны употребить все наши старанія для пріобретенія онаго. Дѣло сіе не есть невозможное: потребны къ сему добрая воля и швердость.

Кропость, сказалъ одинъ Философъ, пріобретаетъ много друзей и укрощаетъ враговъ. Оказывайте кропость во всехъ вашихъ поступкахъ, и вы будете болѣе любимы, нежели дѣлая блистательнѣйшія дѣла. — „Блаженіи кропціи, яко шии наследуютъ землю,“ —

сказалъ Іисусъ Христосъ. — Кропость дѣлаетъ общество пріятнымъ и доставляетъ любезность нашимъ разговорамъ и поступкамъ.

Кропкій человекъ бываетъ всемію любимъ, все стараются съ нимъ сблизиться, все съ большимъ удовольствіемъ съ нимъ живутъ; напроптивъ того, всегда убѣгаютъ того, который имѣетъ жестокой, сварливой, повелительной или непреклонный нравъ; когда же начнутъ кого убѣгать, то поспешатъ скоро и презирать. — Какъ возможно, сказалъ Соломонъ, жить съ такимъ человекомъ, который за всякую бездѣлицу сердится?

Одинъ Писатель, грубый и колкій, получилъ нѣсколько палочныхъ ударовъ за нѣкоторые ругательныя эпиграммы, имъ сочиненныя; послѣ же сего, посорившись съ своимъ книгопродавцемъ, угрожалъ — уморить его подъ палкою. *Вы короче это знаете, ошвѣчалъ ему*

хладнокровно книгопродавецъ, что
отъ сихъ побоевъ не умираютъ.

Ласкательство, лестъ.

Ласкательство есть фальшивая монета, которую плащаютъ невждамъ, и которая столько прекрасна, по наружности, что самые опытные знатоки принимаютъ ее въ уплату за настоящую. Ее можно считать наравнѣ съ измѣною; ибо ползающій предъ сильнымъ бездѣльникомъ въ публикѣ, внутренно презираетъ его. Лестцы суть нѣ подлыя и презрѣныя существа, которыхъ, подобно змѣѣ, пресмыкаются, и доползаютъ до ногъ Царей не иначе, какъ послѣ множества извилистыхъ изгибовъ. Гнусные сии люди, прикрываясь личиною смиренія и правоты, употребляя все пышныя, но ложныя похвалы и пріятнѣштва, причиняютъ множество бѣдъ снѣдливому чело-вѣческому роду. — Лестцы Царей по-

ходятъ на врачей, кои лечатъ людей, зараженныхъ мнимой болѣзнію. Сии послѣдніе плащаютъ имъ за болѣзнь, а нѣ за добродѣтели, которыхъ не имѣютъ.

Низость души и корысть произведи ласкательство. — Ничтожный ласкатель подобенъ кошкѣ, безъ малѣйшаго труда взлѣзающей на высоту зданія. — Чистосердечный не будетъ играть постыдной роли льстеца, не будетъ изгибаться предъ высокомернымъ. Онъ будетъ говорить по внушенію своей совѣсти, или, чтобы не оскорбить другихъ — будетъ молчать. Знатные люди наиболѣе окружены сими гнусными и опасными существами, подобно змѣѣ, пресмыкающимися, кои не отходятъ отъ нихъ ни на шагъ, загораживающъ входъ къ нимъ испивъ, и всегда почти развращаютъ того, кто бы, можетъ быть, былъ примѣромъ добродѣтели и мудрости.

Л е г к о в ѣ р і е.

Не всему вѣрьте, что васъ изумляетъ. Кто слѣпо принимаетъ невозможное, тотъ подвергается легко-вѣрію и суевѣрію. Укрѣпите мужествомъ вашу душу и презирайте смѣшную боязливостъ глупыхъ. Прежде всего совѣщуйтесь съ разсудкомъ и вѣрьте его предписаніямъ. — Часто нѣмые обольщаются наружностью и принимаютъ вещь за истинную, по желанію своему или изъ страха. Таковыя ослабленные бѣгутъ прямо къ своему несчастію и примѣчаютъ свою ошибку тогда, когда невозможно ее поправить.

Л и ц е м ѣ р і е.

Лицемеръ скрываетъ подъ благовидною наружностію часто порочное сердце. Лицемеріе есть обманъ, главнѣйшій и гнуснѣйшій изъ всѣхъ пороковъ. Если лицемеръ уважаемъ, то сіе уваженіе есть похищеніе у общества. Но пустьъ

онъ обманываетъ всѣхъ; — обманетъ ли онъ свою совѣсть, преслѣдующую его непресланными угрызеніями? — Незаслуженная честь никогда не доставитъ истиннаго наслажденія; не щите ее чрезъ пронырства, лести, коварство и приписорство, но прямо благородными своими поступками.

Одну только любовь къ ближнему обнаруживай; всѣ другія добродѣтели должны вы скрывать, если не хочешь казаться лицемеромъ.

Л о ж ѣ . Х в а с т о в с т в о .

Кто прибѣгаетъ ко лжи, съ намѣреніемъ уменьшитъ свою вину, тотъ еще болѣе ея увеличиваетъ. Чего бы вамъ ни стоило, говорите правду; вы не проиграете ничего. Мудрый охотно признается въ своихъ про-
ступкахъ; порочный прибѣгаетъ ко лжи, что бы оправдать свое поведение. Не позволяйте себѣ опдалаться онъ

правоученіе — вопль наставленія, почерпаемый изъ романовъ! Многие жалуются, что романы кружатъ голову; это весьма вѣроятно. Они, безпрестанно представляя читателямъ мнимыя выгоды того состоянія, въ которомъ другіе находятся, заспаиваютъ ихъ презираемъ собственнымъ жребіемъ и мысленно мѣняютъ его на то состояніе, которое очаровало ихъ воображеніе. Сія легкомысленные люди желаютъ быть нѣмъ, въ чемъ Судьба имъ отказала, и чѣмъ пользуются другіе, и доходятъ наконецъ до того, что смотрятъ на себя совѣмъ другими глазами. Послѣ сего можно ли повѣрить, чтобы такіе люди имѣли основательное о вещахъ повліяніе и здравый разсудокъ? — (*Russo*).

„Самой надежнѣйшій способъ укрощать пороки — состояніе въ уменьшеніи нужды.“ — Нѣкто сказалъ весьма хорошо: „Патюра пребудетъ нужнаго, разумъ хочетъ полезнаго, самолюбіе

ищетъ пріятнаго, а спрасть излишняго.“ — Распущенство всѣмъ почтается необходимымъ слѣдствіемъ роскоши. Трезвая армія имѣетъ крылья; роскошь же обезсиливаетъ и опягачаетъ оную. Все шудно для людей, воспитанныхъ въ нѣгѣ. Есть въ нихъ ошважность, но недоспаетъ силъ. Пріятель, который умѣетъ ихъ утѣшить, не имѣетъ надобности ихъ побуждать; медленность войны служитъ ему вмѣсто нападеній. Людямъ, довольствующимся однимъ только нужнымъ, остается только желаніе славы опечеслива и своей собственной. Но душа, развращенная роскошью, имѣетъ много другихъ желаній; она скоро дѣлается врагомъ законовъ, кои ограничиваютъ ее. — *Франклинъ* сказалъ: „Кто покупаетъ излишнее, тотъ скоро продаетъ нужнѣйшее.“ —

Скупой человекъ только и дѣлаетъ хорошаго — что умираетъ. Какъ мо-

истины — даже въ шуткахъ. Лжецу не вѣришь и тогда, когда говоришь онъ правду.

Во Флоренціи былъ пѣкошорый дерзкій лжецъ. Одинъ изъ его короткихъ знакомыхъ, увидавъ его въ большомъ обществѣ, сказалъ ему, лишь только онъ распоролъ ротъ: „Это не правда!“ — Ахъ! милостивый государь, я ничего еще не сказалъ. — „Это все равно, вы будете же говорить и солжете.“

Дѣйствительно, это общее мнѣніе или истина: если примѣнять въ вѣсь мало справедливости, тогда вамъ не будутъ вѣрить, хотя бы вы и правду хотѣли сказать.

Лѣность. Праздность.

Лѣность есть любезнѣйшая сестра сладострастія: безъ нее приходи не имѣли бы свободнаго доступа къ вельможамъ, и не сколько бы имъ рабствовалъ простой народъ.

Праздность есть мать всѣхъ пороковъ. Лѣнныя и праздныя способности другихъ къ злодѣяніямъ. Да знаютъ все, что для мирной и добродѣтельной жизни необходима работа, и прилѣжная работа! — *Жерардъ* говоритъ: „Праздные шутяццы, наглая молодежь, умѣютъ только обольщать невинность, угнетать людей, или развращать ихъ, ѣздить на псовую охоту, мучить и опускывать карманы своихъ крестьянъ, играть комедіи, часомъ имѣнія своего сдѣлать на карину, другую проманивать съ неаппетитными дѣвушками, и при этомъ думаютъ еще, что не для ничего лучше того дѣлать!“

Какъ жалокъ человекъ, забывающій сладостную обязанность, возложенную на него Богомъ и Природою — обязанность пиршествъ для ближнихъ!

Изъ семи смертныхъ грѣховъ мало-важнѣе всѣхъ каженея лѣность. Сему грѣху діаволъ даетъ лучшую награду: ибо въ праздности нѣтъ

никакого лукавства, пошому что, не дѣлая ничего, не наносятъ никому обиды; однако же въ праздности состоятъ преступленіе то, что Прірода, производя всѣ вещи на какой ибудь конецъ, требуетъ отъ челоѣка труда и упражненія, сообразнаго состоянію каждаго, но въ лѣнвцѣ не находится.

Графъ *Оксентиръ* говоритъ, что лѣнвй бышіемъ своимъ дѣлаетъ твореніе Создателя безполезнымъ; и кажется, такой челоѣкъ не почтеніе любезной свойственницы своей — свиньи, за кою только и дѣла, что жрать и спать: но она по крайней мѣрѣ чрезъ то жирѣетъ и спановится полезнѣ въ пищу челоѣку; вмѣсто того, празднлюбѣцъ ни въ жизни своей, ни по смерти ни къ чему негоденъ.

Богу онпправляютъ служеніе на ко-лѣнахъ, земнымъ Владыкамъ спол; а дѣволу угождаютъ лежа и распіясь, ничего не дѣлая.

Къ достиженію бодрой старости, по-требно въ первой половинѣ жизни, то есть до 50 лѣтъ, быть дѣлательнымъ и даже сносить тягости и безпокойства, а въ послѣдней жить единообразнѣ и спокойнѣ. — Нѣтъ примѣра, чтобъ какой-либо празднлюбѣцъ дожидать до весьма глубокой старости. Трудолюбіе, дѣлательность, избѣжаніе фнзической любви и вина суть главные способы для продолженія жизни.

Есть люди, до такой степени излѣнвшіеся, что они лучше любятъ проводить упоминательную жизнь въ бѣдности, нежели улучшить свою судьбу трудолюбіемъ. Сколько людей ежедневно жалуются на счастье и упрекаютъ его въ бѣдствіяхъ, ими претерпѣваемыхъ! Послушай ихъ; они скажутъ: что они родились подъ несчастною звѣздой; имъ не удалось ни въ чемъ, — и что ни предпріимать, напередъ говорятъ, что предпринимать безполезно. Безумные! для чего не совлечение

завѣсу съ глазъ своихъ? Тогда бы вы увидѣли: что лѣность и праздность не оплодотворяютъ оныя вѣсы.

Натура требуетъ безпрестаннаго упражненія. Да не устрашить насъ число и величїе пренїишней, вспрїаваемыхъ на нуши нашихъ. Не пожалѣемъ трудовъ и опасностей; пойдѣмъ далѣе и далѣе; итъ трудности, которой бы неунынная дѣятельность не могла преодолѣть! Дайше *Фидію*, *Праксителю*, *Поликлету* самый шереховатый камень, самый грубый мраморъ, самый безобразной древесный пень: со временемъ, трудомъ и перитїемъ творческій рѣзецъ произведетъ изъ нихъ Минерву, Юпитера или Эпанимеху.

Л ю б е з н о с т ь.

„Если хочешь быть любимъ, то будь самъ любезенъ,“ сказалъ одинъ древній снїхотворецъ. Любезность особенно прилична молодымъ людямъ; чрезъ нее

то они привлекаютъ къ себѣ всеобщую любовь, и сіе драгоценное качество часто содѣлывается для нихъ источникомъ благополучія. И такъ учись приносить жертвы Граціямъ; тогда прїятностію характера вашего прїобрѣнете любовь и почтеніе подобныхъ вамъ.

Л ю б о в ь.

Всякъ, кому только Богъ далъ сердце, чувствуетъ любовь.

Одинъ Англіійскій Философъ сказалъ: любовь есть уладившаяся капля, которую Богъ вливаетъ въ чашу чловѣку, чтобы печеніе жизни было не столь для него прощивно.

Вольтеръ сказалъ: Любовь есть страсть сильнѣйшая всѣхъ страстей: голова, сердце и нѣмо чувствуютъ оныя все въ одно время болѣзненные припадки. — Это пїяница сердца.

Любовь есть неизъяснимая сила, влекущая къ любимому предмету.

Давно уже сравниваютъ любовь съ розою, которая пльваетъ обоняніе и глаза, но колеть руку: къ несчастію, терніе долговѣчнѣ цвѣтѣ!

Любовь изображается въ видѣ младенца — не оиъ того ли, что она никогда не достигаетъ возраста зрѣлости и благоумія?

Препяисивѣ для любви суиъ то, что вѣпры для пожара. Но когда насъ поноблѣтъ, — тогда душа пресыщается и спрасиъ погасаетъ.

Часто невѣрную дѣвушку любятъ мы несравненно болѣе машеря, которая пожертвовала бы для насъ всѣми радостями жизни.

Тысячи спрасей волнуются въ сердцахъ человѣковъ, и каждая хочетъ господствовать. Опаснѣйшая изъ всѣхъ есть *любовь*, — ей можеть пропнившись только поипъ, коего она не удоспонваеть съ собой сразипсь. (*Коцебу*).

Любовь есть самое пѣжное, пріипное

чувство, забвеніе самого себя для счастья млага предмета.

Любовь безъ дружбы есть спрасъ самая униженная, а вмѣстѣ съ дружою — самая благородная.

Любовь — есть болѣзнь сердца, а дружба — врачъ его.

Ся спрасъ должна быиъ управлѣема благоуміемъ; иначе она дѣлается испочникомъ всѣхъ безпорядковъ общественныхъ, бѣдствій семействъ, и обращается въ позоръ шѣмъ, коиорые предаются ей.

Любовь есть наипрекраснѣйшая и наиглупѣйшая изъ всѣхъ спрасей. Самыя гордыя сердца ей подвластны, и все дышущее обязано ей существомъ своимъ. Величайшіе герои бывали прикованы къ торжественной колесницѣ ея. Любовь была причиною разоренія Трои. Она-то оиивала у Геркулеса палицу, и — вмѣстѣ того — заспавила взять прасицу. Любовь изгнала и Тарквиніевъ изъ Рима. Любви преданъ

былъ и славный *Генрихъ IV* и *Людовикъ XIV*. Наконецъ, она ни на кого не взираетъ, и не щадитъ ни лѣтъ, ни пола. Преденавляясь въ настоящее своею видъ, блистаетъ она въ юности, а когда ругается и захочетъ показаться смѣшиною, то распадется стариковъ. Впрочемъ она замысловата и умѣетъ дѣлать возможное и невозможное; превратить пруса въ храбреца, скупяго въ мота, гордаго человека въ униженнаго и скромнаго, а умнаго въ дурака.

Любовь подобна страху: она заставляешь вѣрять всему.

Л ю б о л ю б ѣ т с т в о .

Бываетъ два рода любовныя: одно есть безпредѣльное желаніе, врожденное всякому человеку, познаваніе употребленіе и свойство различныхъ предметовъ, взору его представляющихся. Чрезъ сіе - то любовныя,

восходя оныя дѣйствій къ причинамъ, мы возвышаемся къ высочайшимъ познаниямъ *Наукъ* и *Правосудности*: мы обязаны оному всему, что только ни есть прекраснаго, великаго и полезнаго въ разнообразныхъ открытіяхъ, которыя ежедневно распространяются область *Генія*.

Другой родъ любовныя есть неограниченное желаніе проникнуть въ тайны и дѣла другаго. Сколь первое похвально и достойно одобренія, столь второе презрительно. Сія дурная страсть привлекаетъ къ намъ ненависть и подозрѣніе.

М и р о л ю б і е .

Петръ Великій посѣщать часто и вѣчаино многія мѣста своихъ владѣній. (Снарядъ сего Государя былъ: льняномъ мундирная пара, плащъ и вѣсколькo бѣлья; сопровождалъ его денщикъ, а иногда два; зимою прибавлялась шуба,

шапка и теплые сапоги. Обѣдъ сего безсмертнаго Монарха былъ готовъ вездѣ, потому что онъ употреблялъ всё; кухня за нимъ никогда не пахла. Въ одну изъ таковыхъ поѣздокъ, прибылъ Петръ въ Олонецъ и прямо къ Воеводской Канцеляріи. Вошедъ въ нее, заспалъ въ ней Воеводу, мужа украшеннаго съднами, просподушіемъ и справедливостію; и спросилъ его: какія есть въ Воеводской Канцеляріи челобиничьи дѣла? — Воевода, въ страхъ, повергается къ ногамъ Монарха, и дрожащимъ голосомъ говоритъ: „*Виноватъ я, Всемилостивѣйшій Государь! никакихъ нѣтъ!*“ — Какъ, никакихъ нѣтъ? — „*Никакихъ,*“ повнорлетъ въ слезахъ Воевода; — „*виноватъ, Государь; я никакихъ челобиничь не принимаю, и до разбора Канцеляріи не допускаю, а всѣхъ мирю, соглашаю, а посему и слѣдствіе ссоръ до Канцеляріи никогда не доходило.*“ — Петръ, удивленный таковою мнимою виной, поднявъ

стоявшаго на коѣнахъ Воеводу, сказалъ: *Я бы желалъ и всѣхъ Воеводъ видѣть столь виновными, какъ ты; продолжай, другъ мой, такое служеніе; Богъ и я не оставятъ тебѣ.*

М о д а.

Она обладаетъ искусствомъ очаровывать взоры слабыхъ смертныхъ. Но одной ея прихоти, мы спѣшимъ имѣть у себя то, что казалось намъ крайне страннымъ, смѣшнымъ, и краснѣемъ отъ стыда при видѣ того, что прежде ссипавляло предметъ нашего удивленія. Самомалѣйшіе ея приговоры выполняющіеся съ совершеннымъ подобострастіемъ, лишь только она пожелаешь, — и даже безобразіе дѣлается красою!

Нѣтъ ничего своенравіе моды; нѣтъ ничего страннаго и непоспояннаго ея предписаній. И при всемъ томъ, люди

большаго сѣмѣя повинуются ей безу-
словно и безропотно!

М у д р о с т ь.

Мудрость, наука, которая заклю-
чается только въ сѣхъ двухъ испи-
нахъ: не дѣлай никому зла; берегай
собственную жизнь твою.

Поэтъ Сади сказалъ: *Наслаждайся*
— вотъ мудрость!

Хочешь ли быть мудрымъ? — Удер-
живай руки свои, языкъ и глаза.

Мудрость необходима для души,
какъ здоровье для тѣла.

Мудрость презираешь всякія изли-
шества сѣя жизни, ибо истинная ве-
ликость состоитъ въ опроверженіи все-
го того, чему суетный міръ дивится,
и что просполудины уважаютъ. И
дѣйствительно, если пожелаемъ раз-
суждать оное, по всякой согласи-
ся, что прямой славы достоинъ боль-
ше шонъ, чѣмъ гнушается сею мни-

мого великостью, нежели умѣющій
оную приобрѣсти; и что человекъ,
кого добродѣтель есть одна соб-
ственная его награда, достоинъ не-
сравненно больше уваженія, нежели
шонъ, чей извѣстный испуганъ бу-
дешь изображать попомѣну одну
лицу. *Титъ Ливій*, говоря о *Маніѣ*
Куріѣ, рассказываетъ, что онъ ижегда
будучи въ своемъ домѣ занявъ переми-
ваніемъ рѣны и кладкою ее въ горшокъ,
принималъ Самнитскихъ Пословъ, при-
несшихъ къ нему въ даръ немалую сум-
му денегъ, чтобы шѣмъ склонить
его ко вспоможенію имъ по поданію
оныхъ нхъ въ Сенатъ прошенію; но сей
великій Римлянинъ отвѣтствовалъ имъ
съ холоднымъ духомъ: „Надобно вамъ,
господа, принести сіе золото кому-
нибудь другому, который гнушается
варить самъ рѣну и который дума-
етъ, что такая нища ему не прилич-
на; а я другихъ богачествъ не желаю,
крѣмъ власти повѣлывать людьми,

кои такими сокровищами обладают. "Вотъ истинный герой, который умѣлъ извлекать столько же славы, перебивая свою рѣпу, какъ и изъ лавровъ, столько праведно великими его дѣлами и громкими побѣдами приобритенныхъ! Онъ конечно не меньше былъ славенъ при очагѣ своей поварни, сколько спрашенъ врагамъ Рима, начальствуя войсками его.

Блага земныя рождаются отъ случая, и подвержены его непостоянству. Здоровье, почести, богатства, не зависятъ отъ насъ; одна минута — и мы ихъ лишаемся. Единственное благо, переживающее все — есть мудрость.

Блаженъ иже обрѣте премудрость.
(Примеч. глав. III, стр. 13).

Итъ мудрости, которая не испытала бы отъ Бога. Въ писаніяхъ Святыхъ Мужей, Имъ умудренныхъ, мы должны съ дѣтскою довѣренностью за-

имствовать спасительные уроки немірской мудрости.

Н а б о ж н о с т ь .

Въ древнія времена, одинъ знаменитый философъ объяснялся, что онъ сомнѣвался въ существованіи боговъ; тогда Аѳиняне, нанавъ на него, сожгли его рукописи, изгнали его изъ своего города, и обѣщали награду тому, кто бы его убилъ: это было въ прежніе вѣки, которые мы называемъ временемъ заблужденія и невѣжества; но тогда единое колебаніе въ вѣрѣ не могло избѣжать наказанія! — Въ самомъ дѣлѣ, какой безумецъ, возведши глаза свои къ небу, не удостовѣрится въ бытіи Бога? Красота вселенныя, порядокъ итъ небесныхъ, правильное печеніе солнца, луны и всѣхъ звѣздъ, при первомъ воззрѣніи достопаечно свидѣтельствуютъ, что все сіе не есть произведеніе случая, и побуждаетъ

насъ признавать власнь Всевышняго, предъ Которымъ единственно долженъ благоговѣть родъ человѣческій.

Мы должны благоговѣть къ Виновику поличныхъ чудесъ, и въ храмъ Его вступать съ чистосердечіемъ, съ благонамѣреніемъ и съ непорочно-стію; ибо человѣкъ есть образъ Бога, Существа чистѣйшаго.

Хотя Божество и всюду обитаетъ, и всевидящее око Его проникаетъ до глубины сердецъ нашихъ, однакожь въ народы закономъ опредѣляли посвящать Ему особенныя зданія, чѣмъ, такъ сказать, имѣть Его близъ себя, и, воспаря въ горнило, питать свою набожность Его присушествіемъ.

Прежде имѣли такое уваженіе ко храмамъ, что не позволяли никому въ нихъ разговаривать. Нынѣ же входя въ чертоги Царскіе, или даже какого-нибудь вельможи, не иначе, какъ съ открытою головою, и наблюдала благоприсойность въ словахъ и

поступкахъ, стараются оказывать почтительность и въжливостъ; между тѣмъ какъ предъ глазами Того, предъ Кѣмъ великіе міра сего ничто суть, многіе не обуздываютъ своевольства и предаются вѣмъ излишесствамъ. Не такъ поступали Древніе, которые не рѣдко общенародную Религію предпочитали частнымъ выгодамъ, и кои при опиравленіи какихъ-либо обрядовъ своего закона и набожности, даже среди враговъ своихъ бывали въ безопасности.

Религія положила разуму мудрые предѣлы. Смирненіемъ онъ возвышается, ограниченіе его утверждаетъ, а чрезъ обузданность онъ просвѣщается. Разумъ, Религіею озаренный, удостоверяется въ сей полезной необходимости; онъ сознается, что только Всевышнее Существо можетъ знаніе начало его заблужденій и конецъ, каковъй могутъ имѣть его предпріятія.

Всегда мудрые Власнишели защища-

ли Религію и покровительствовали ей. Ею упушаются преступныя желанія, и наклонности получают направленіе къ пользѣ общественной и частной. Она дѣлаетъ значительнѣйшій перевѣсъ противъ самолюбія, которое бываетъ столь горделиво, взыскательно, безчеловѣчно, а иногда даже подло, ослѣпленно и презрѣнно. Единственно она можетъ убѣдить человека отка-завшись отъ чужой принадлежности, и возвратившись подобному себѣ отчуж-денію и чести. — Законы гражданскіе имѣютъ силу наказывать преступленія, или по крайней мѣрѣ исправлять явныя изъ оныхъ; Религія не только дѣлаетъ людей правдолюбивыми, но пребудетъ еще, чинить добродѣтели были не по одной наружности, но происходили бы отъ сердца и существовали бы во всемъ ихъ превосходствѣ. Она всегда имѣетъ средства обращать къ добру заблудшагося, когда только велѣнія ея касаются

до сердца; напротивъ того — злобный нечестивецъ не внемлетъ воззванію истины, ниже угрызенію совѣсти. Человѣкъ, не пріемлющій никакого участія въ своемъ ближнемъ, не имѣющій ни страха Божія, ни упованія на Творца вселенныя, упорствуешь въ своемъ ожесточеніи, которое отъ беззаконній происходитъ. Крошечными внушеніями, сладостнымъ обнадеживаніемъ, обещаніемъ лучшаго будущаго въ злосчастіи, Религія въ жизни сей облегчаетъ неизбежныя бѣдствія всякому человеку, а болѣе добродѣтельному. Наипаче при неравенствѣ состояній, при несообразности почестей и вознагражденій, даетъ она чувствовать крошечность своего могущества и мудрости своихъ законовъ. Всякое зло въ глазахъ Христіанина есть наносъ преходящій, чрезъ которую онъ можетъ заслужить небесное воздаяніе.

жно ему быть хорошимъ для другихъ, когда уже онъ для себя бесполезенъ?

Три много и при мало бываютъ весьма пагубны для человѣка: много говоришь и мало знаешь, много проживаешь и имѣешь мало доходовъ; много о себѣ думаешь и спозишь мало!

Корысполубіе и честполубіе, сін опасныя спрасти влекутъ за собою коварство и подлость, раждають неправды и пороки. Весьма часто приуждая искашь съ безпокойствомъ ложную славу, онъ повергають въ стыдъ и поношеніе, и, дѣлая несчастіе другимъ, всегда составляють собственное наше мученіе.

Философъ Платонъ сказалъ: „Гдѣ яренебрегають хорошимъ воспитаніемъ, тамъ великую нужду имѣють въ Докторахъ и Судіяхъ.“

Что должно оставлять въ наслѣдство дѣтямъ своимъ? спросилъ одинъ Французскій дворянинъ Рыцаря Балара. „То, ошвѣчалъ онъ, каждъ чѣмъ не

властны ни время, ни люди: благо-разуміе и добродѣтель.“

Только чрезъ воспитаніе дѣлается человѣкъ шѣмъ, что онъ есть: добрымъ или злымъ. Законы и наказанія могутъ удерживать опкрытіе зла (хотя и то несовершенно), но никогда не образуютъ человѣка. Только то, что сообщается намъ во время дѣтства и юности, переходитъ въ наше существо, и шакъ соединяется съ нашею Нашурою, что во всю жизнь не можемъ совершенно избавиться отъ него, будемъ ли доброе то, или злое. А что пріобрѣтается послѣ сего времени, то составляетъ уже иѣчто постороннее, которое навсегда остається только поверхноснымъ, и никогда не можетъ содѣлаться совершенною нашею собственностію. —

Извѣстно, сколь глубоко вкореняются могутъ въ дѣтствѣ предразсудки, пороки и суевѣрія, на пр.: спрахъ привидѣній, грома и проч., шакъ что въ

Н а е л о с т ь.

Для смягченія первобытной грубости правотъ, люди согласились между собою раздѣлить должности, и, смотря по ихъ качеству, оказывать другъ другу опличіе и уваженіе, что въ послѣдствіи получило названіе *учтивости*. Учтивость налагаетъ на насъ законы — соображаться съ правами и принятыми обычаями во всѣхъ мѣстахъ и временахъ. Слѣдственно наглый оскорбляетъ всякое приличіе: онъ, такъ сказано, показывается себя бунтовщикомъ противъ общества; но какъ во всякомъ родѣ брани долженъ быть одинъ побѣдителемъ, другой побѣжденнымъ, то весьма часто наглецъ принужденъ перенести участіе послѣдняго; также не рѣдко плеча и бока его планяють консприбуцію.

Н а д е ж д а.

Надежда для жизни человеческой сестра, но же, что деньги для путешественія.

Кто веселитъ себя надеждою на будущее, потѣхъ похищаетъ много часовъ у несчастія.

Человѣкъ не могъ бы идти дорогою жизни, когда бы не опирался на постохъ надежды.

Надежда улаживаетъ жизнь нашу, мечны украшаютъ ее — а спрасны сокращаютъ.

Надежда для души, какъ зѣлснй цвѣтъ для зрѣнія. Ея опрадный лучъ освѣщаетъ мракъ шемницы; она улыбаешя, сидя у постели больного; день и ночь не опходишь опѣ дверей земледѣльца, промышленника, воина. На нее опираются всѣ возрасты; она цвѣтешъ во всякую пору, какъ ша роза, которой цвѣтъ распускаешя каждый мѣсяць.

Но какъ несчастенъ человѣкъ, у котораго уже нѣтъ болѣе надежды! Для

него Природа — не имѣетъ своихъ прелестней, земля — пустыня.

Делиль сказалъ: *Esperer c'est jouir*, ш. с. — *надежда есть наслажденіе*.

Сегюръ говоритъ: „Съ надеждою никакъ недолжно разсчитываться: безъ нея бывшіе тяготило бы челоѣка; съ нею жизнь длинѣя, какъ пріятное мечтаніе.

Надежда есть единственнае благо, общее всѣмъ смертнымъ. Челоѣкъ, лишенный всѣхъ даровъ счастья, можетъ еще безпрерывно ея пользоваться.

Тѣ только, кои много потеряли, знаютъ сколь нужна челоѣку надежда.

Но горе тому, кто бываетъ груш-кой своихъ надеждъ.

Насмѣшливость.

Никто не любитъ, что бы надъ нимъ насмѣхались. Насмѣшливость есть низкій и пагубный порокъ; не рѣдко одно необдуманное острое слово

стоило дорого многимъ. Вы думаете, что понушили просио и безъ намѣренія, но, напрошивъ, вы поразили печалью душу вашего ближняго! Насмѣшка много сходствуетъ съ обидою. — Кто старается смѣшить другихъ острыми и язвительными шутками, тотъ всегда отличаетъ умомъ съ упрямствою доброты сердечной. Особенно же если кто-нибудь дуренъ лицомъ, и къ тому жъ дѣлаетъ какія-либо смѣшныя шлодвиженія, тогда увеличиваетъ неблагопріятство Природы своими насмѣшками. Таковыя неосложимыя имѣютъ большее право только на ваше сожалѣніе. Кто будетъ сострадателенъ къ вамъ, если вы безжалостны къ другимъ? И шакъ, не должно смѣяться ни надъ кѣмъ. Но если будутъ смѣяться надъ вами, то не гнѣвайшесь, — а обратитесь въ шутку колкое слово, вамъ непріятное; тогда вы возьмете верхъ надъ насмѣшникомъ, и онъ не посмѣетъ болѣе

на васъ нападать. Вообще, чтобы избѣгать язвительныхъ стрѣлъ злоречія, показывайте себя къ нимъ нечувствительными; ибо всегда болѣе смѣются надъ тѣмъ, кто огорчается шутками.

Самая колкая насмѣшка есть та, на которую не лѣзя сердиться, не сдѣлавъ себя еще смѣшнѣе.

Чтобы надъ вами не подшучивали, то вы не должны тотчасъ сердиться за шутки или оными обижаться. Понимать шутку, или насмѣшку, есть вѣрный знакъ просвѣщеннаго ума. Одни дураки обижаются всемъ; одни только презрительные люди опасаются быть презираемы. Есть люди, кои принимаютъ почти всякое слово на свой щетъ, и малѣйшею шуткою обижаются; съ таковыми никогда не должно шутить.

Если насмѣхаются надъ вашимъ ростомъ, или лицомъ, то начинайте вы сами первые надъ онымъ смѣяться.

Чтобы воспровивились насмѣшкамъ, вся тайна состоитъ въ томъ, что надобно предупредить оныя.

Одни глупые люди и безъ воспитанія сердятся за шутку, или ошечиваютъ обиднымъ ругательствомъ. Не должно также допускать надъ собою смѣяться какъ надъ дуракомъ, или казаться нечувствительнымъ къ язвительнымъ шуткамъ; но должно опшучиваться прилично. Вотъ примѣры:

Въ одной многолюдной компаніи двились острому уму малолѣтняго Пика Мирандоля. Но одинъ изъ находившихся при семъ случаевъ сказалъ съ презрительною насмѣшкой: чѣмъ больше кно вомладенчество имѣешь ума, томъ меньше онаго будетъ имѣть подъ спароснь. — *Если справедливо то, что вы сказали, ошечивалъ тотчасъ ребенка, то вы должны быть преразумное дитя въ свое время.*

Одинъ Профессоръ Краспорѣчя чиншалъ своимъ ученикамъ надгробную

речь Маршалу Тюрению, сочиненную Флешье. Бывший шутъ ученикъ, появившій красноречивую речь, сказалъ съ насмѣшкой другому своему поварищу: *Послушай, когда ты напишешь такую превосходную речь? — „Тогда, когда ты будешь Тюрениемъ!“* отвѣчалъ ему поварищъ.

Нѣкоторый человекъ, имѣвшій разныя должности въ Македоніи, уличенъ былъ въ неискренность. Обижаясь, что называли его измѣнникомъ, онъ жаловался Архелая, Царю Македонскому. *„Какъ вы можете обижаться, отвѣчалъ Царь, словами сихъ негодяевъ? Развѣ вы не знаете какъ они грубы, ибо называютъ вещи собственными ихъ именами?“*

Сполнъ мудрено смѣяться надъ другими, не оскорбляя ихъ, что гораздо лучше воздержаться совершенно отъ оного. — Насмѣшникъ приобретаетъ много враговъ и ни одного друга; правъ насмѣшника есть самый худшій. Часто

онъ перемѣняетъ даже лучшихъ своихъ друзей въ непримиримыхъ враговъ.

Можно шутить съ такимъ человекомъ, который любитъ шутки. Но стыдно насмѣхаться надъ дуракомъ, и также глупо шутить надъ недостатками шлестными и природными пороками. Глупые и худо воспитанные люди всегда насмѣхаются надъ овыми.

Одинъ глупецъ подсмѣялся, что у другаго были уши длинны. *„Это правда,“* отвѣчалъ ему другой, *„что я имѣю уши весьма большія для человека; но согласитесь также, что и ваши уши очень малы для осла.“*

Неблагодарность.

Неблагодарность подобна фальшивой и въ великомъ множествѣ пущенной въ употребленіе монеты. На нее всякой жалуется и всякой спарается какъ можно скорѣе сбыть съ рукъ.

Нѣтъ закона для наказанія за неблагодарность. Древніе полагали ее въ число тѣхъ ужасныхъ преступленій, коихъ казнь предоставлена богамъ. Они думали, что угрызенія и сыпды были праведнымъ воздаяніемъ даже въ сей жизни.

Цицеронъ починпалъ неблагодарность гнуснѣйшимъ порокомъ, вмѣщающимъ въ себя всѣ другіе пороки.

Одинъ Философъ, котораго воспитанникъ хотѣлъ его осмѣять, сравнивалъ его съ подлымъ живописнымъ, ошѣщивавалъ нагледу: „Я не знаю, похожу ли на живописное, объ комъ ты говоришь; но знаю только то, и цѣлый свѣтъ согласится со мною, что ты походишь на неблагодарнаго, который есть презрѣннѣйшее и несправедливѣйшее изъ всѣхъ живописныхъ.“

Впрочемъ неблагодарность есть порокъ столько обыкновенный, сколько и безчестный. Сколько мы видимъ сихъ гнусныхъ пресмыкающихся, кои, полу-

чивши помощь и значительныя услуги, стараются ужалить нѣдро, ихъ согрѣвшее! Это чудовища, достойныя небеснаго мщенія и проклятія на землѣ! — Императоръ Калифанъ, усыновленный и возведенный на тронъ Императрицею Зоею, спусти четьре мѣсяца послѣ сего, осудилъ ее на изгнаніе. Народъ, раздраженный сею гнусною неблагодарностью, возбунтовался противъ него; ему выкололи глаза и заключили его въ монастырь.

Въ общей Исторіи о путешествіяхъ рассказываютъ, что Мавдоа, одинъ изъ Государей Индоспанскихъ, упавши въ рѣку, былъ счастливо вытащенъ невольникомъ, который, бросившись въ глубину, схватилъ его за волосы и спасъ. Пришедъ въ чувство, первое его стараніе было — спросить имя его спасителя. Тотчасъ ему сказали, что онъ сямъ обязанъ невольнику, и всякой думать, что сей награ-

жданъ будетъ соотвѣтственно его заслугъ. Но Мандоа спросилъ: какъ онъ дерзнулъ положить руку на главу своего Государя? и тотчасъ повелѣлъ умершвѣть его. Сей самый Монархъ, однажды, пыльный, спя на краю лодки съ одною изъ своихъ женъ, печально свалился въ воду. Эта женщина легко могла бы его спасти, но она оставила его погибнуть. Когда жъ ее въ этомъ упрекали, то она сказала: „я вспоминала испорчено невольника.“

*Неблагоразуміе, неосторожность,
непредусмотрительность.*

Подумай прежде, нежели что нибудь скажешь. Сколько людей заплатили дорого за свою неосторожность. Будьте благоразумны и осмотрительны въ дѣлахъ и въ словахъ. Всякой предметъ требуетъ размышленія. Древніе говорили: во всякомъ дѣлѣ должна быть

поспѣшность, но поспѣшность медлен-
ная, обдуманная, благоразумная.

Невѣжество. Невѣжливость.

Невѣжество унижаетъ человека, покоряя его слѣпому сужденію общелюдскихъ.

Если ты обращеніемъ грубымъ, гордымъ и высокомернымъ сдѣлаешься неспособнымъ всѣмъ, съ кѣмъ имѣешь какую-либо связь: то нижшіе тебя возненавидятъ, высшіе спанутъ презирать, а всѣ вообще смѣяться.

Невѣжливость и грубость нѣкоторыхъ людей портятъ добро, дѣлаемое ими; они ослабляютъ чувство благодарности. — Сынъ мой! говоришь мудрый, не примѣняй упрековъ къ твоимъ благодѣтелямъ; не прибавляй къ твоему дару мрачныхъ и оскорбительныхъ словъ. Крошечность выраженій твоихъ еще драгоцѣннѣе твоего подарка!... Небезполезно иногда обходиться съ

людьми неучтивыми, дабы научить-
ся, какъ бытъ къ нимъ снисходитель-
ными и не походить на нихъ. Чѣмъ
грубѣе ихъ ошибки, тѣмъ они оштра-
пились, и тѣмъ стыднѣе угодоб-
лялись имъ. Когда *Сократу* совѣщо-
вали требовать удовлетворенія за
обиду, нанесенную однимъ грубіяномъ;
то сей Философъ сказалъ: „Какъ! если
лошадь или оселъ ударить меня копы-
томъ, то уже ли должно искать
на нихъ правосудія?“

Большая часть ошибокъ противъ
вѣжливости происходитъ отъ того,
что не хотимъ обратитъ вниманія
на самихъ себя, — не хотимъ сѣ-
нить себя принужденіемъ, говорить
и дѣйствовать по правиламъ учтиво-
сти, или по крайней мѣрѣ мол-
чанія, если слова не могутъ прикрыть
чувствъ. — Маршалъ *Дюксель* не имѣлъ
сей благоразумной предосторожности;
что доказываетъ отвѣтъ его Людо-
вику XIV. Сей Государь, въ присуш-

ствіи многихъ Дамъ, спросилъ некогда
у него, для чего онъ не женился? —
„Государь! отвѣчалъ онъ, для того,
что еще не нашелъ женщины, которой
бы хотѣлъ быть мужемъ.“ — Люди ве-
ликаго ума рѣдко бываютъ много вѣжли-
вы; они почиваютъ за прудъ — поко-
ряться безчисленнымъ мелочамъ и
уповченностямъ, необходимымъ при
семъ похвальномъ качествѣ; если же
умной человекъ учтивъ, то онъ учти-
въе всякаго другаго, и заключаетъ
въ своемъ обращеніи много истинно-
пріятнаго и восхищительнаго. Онъ
вездѣ находитъ случай сказать какую-
либо вѣжливость, которую всегда со-
провождаетъ пріятнѣйшимъ
оспроуміемъ.

Кардиналъ *Полиньякъ*, человекъ ум-
ный и учтивый, однажды находился
въ гостилахъ у Герцогини дю Мевъ.
Тамъ составилъ родъ особенной за-
бавной игры изъ пріятныхъ и оспро-
умныхъ отвѣтовъ на вопросы, кошо-

рые предлагали один другимъ. Герцогиня вздумала спросить его: какое различіе между ею и часами? — Онъ отвѣчалъ: „Часы, Ваша Свѣплость, показываютъ время, а возлѣ васъ обѣи забывають.“

Сколь презрѣнно невѣжество, особливо когда оно добровольное! — Грубой и необразованный человекъ имѣетъ глаза — и не видитъ; имѣетъ уши, и не слышитъ. Починая чуждымъ себя все вокругъ его находящееся, онъ немногимъ отличается отъ животного. Учасъ его близко подходитъ къ тѣмъ прозябаемымъ, которыя рождаются, растутъ и исчезаютъ, такъ, что едва примѣнно было ихъ существованіе.

Недовѣрчивость.

Недовѣрчивость заспаивало насъ худо заключаешь о ближнемъ; для честнаго же сердца сіе чувство самое тяжкое и ужасное! Лучше, кажешься,

для него быть жертвою своей доброты, нежели снѣдаться непрестанными подозрѣніями. — Не вѣрь тому, кто вамъ недовѣрчивъ: онъ опасается обмана — отъ привычки обманывать другихъ. Недовѣрчивый легко заспаивъ думать, что онъ самъ способенъ обманывать другихъ. Онъ не употребляетъ бы никакихъ предосторожностей, если бы ему не говорила совесть: „Человекъ нечувствительный! съ тобою также поступаешь, какъ ты поступаешь съ другими.“ — Излишняя недовѣрчивость чаще заводитъ въ обманъ, нежели доверчивость неограниченная.

Н е н а в и с т ь .

Умѣйне лучше все переносить, нежели питать ненависть. Сіе ужасное чувство должно быть чуждо честному и доброму сердцу. Сколь сладко любить, столь тяжело и мучительно ненавидѣть; одна минута ненависти

можетъ составить несчастіе цѣлой жизни.

Нел о с т о я н с т в о.

Непостоянство примѣчается въ на-
турѣ человѣческой. Есть такіе люди,
которые съ каждою минутой пере-
мѣняютъ свои мысли, желанія, виды и
намѣренія. Вкусъ ихъ непостояненъ;
они въ одинъ мигъ переходятъ отъ
блага къ черному, — ихъ устренія
мысли не согласуются съ вечерними:
они досадны другимъ, скучны самимъ
себѣ. Чинобы не уподобиться имъ,
постараемся опредѣлять характеръ
своихъ мыслей и систему чувствован-
ній; добродѣтель будемъ нашей цѣлю,
къ коей устремимся неуклонно. Сіе
стремленіе сдѣлаетъ насъ постоянны-
ми и твердыми въ образѣ нашей жи-
зни. Мы не будемъ съ вѣтреностію пе-
ребѣгать отъ одного предмета къ дру-
гому, а имѣмъ менѣе еще можемъ на-

испытать какой-либо вредъ нашимъ бла-
женимъ.

Несчастіе, и о поведеніи мудра- го въ несчастіи.

Несчастіе лучшая школа для чело-
вѣка.

Сеніоръ говоритъ: „Три главныя
причины всѣхъ несчастій человѣче-
скихъ: забвеніе настоящаго, безпокой-
ство о будущемъ, и зависть, дѣла-
ющая насъ равнодушными къ тому,
что имѣемъ, когда видимъ, что дру-
гіе люди имѣютъ больше.“

При несчастіи всѣмъ будешь оспа-
вленъ. (*Овидій*).

Чѣмъ бѣдственнѣе испытанія, кото-
рыя терпимъ въ жизни, тѣмъ они
полезнѣе для самихъ насъ.

Послику не всегда отъ насъ зави-
ситъ быть благополучными, но, напро-
тивъ того, въ возможности нашей со-

спойшь — сносишь терпѣливо злоключенія; и потому мудрый забываетъ ложное сѣніе перваго, и улаживаетъ непріятности вѣзораго, не занимаясь и не веселясь ни чѣмъ, кромѣ вещей, съ его состояніемъ сходственныхъ. Счастіе употребляетъ своихъ любимцевъ похвалами, хвалою, изобиліемъ и проч.; а несчастіе изгоняетъ своихъ только печалью, мученіями, злословіемъ, бѣдностію: но ни то, ни другое изъ сихъ обоихъ состояній, не можетъ быть полнымъ владѣтелемъ надъ разумомъ мудраго, который не находя ни вкуса, ни горести во всемъ томъ, что не отъ него зависить. Онъ не скорбитъ о причинѣ своей печали, представляя себѣ краткость оныя, и облегчаетъ мученія свои основательною надеждою впродѣ лучшаго жребія; смѣется клеветамъ, во вредъ ему усмреленнымъ, — зналъ, что презрѣніе обидѣ непроблемъ озлобленія; не почитаетъ онъ себя бѣднымъ, — вѣдалъ,

что нѣтъ истиннаго богатства на землѣ; ограждаетъ себя равнодушіемъ, и забавляется дурачествами смертныхъ; не прекословитъ никогда глупымъ упрямцамъ, дабы не истощать свѣта своего для слѣпцовъ; молчаніемъ своимъ вникаетъ въ разговоры разумныхъ людей, и оныя утверждаетъ; учтивостями своими удаляетъ отъ себя вершопраховъ. Напоследокъ, онъ знаетъ, сколь плачевны обстоятельства человѣческія, и что нѣтъ ничего прочнаго подъ луною; а вмѣсто того все подвержено непрестаннымъ превращеніямъ и вѣсданнымъ премѣнамъ, что всякое удовольствіе людское въ самомъ дѣлѣ печаль; знаніе ихъ — сущее невѣжество, пышность ихъ — подлость, могущество — слабость; что прошедшее время причиняетъ имъ горестъ, настоящее — скуку, а будущее — страхъ.

Несчастливъ, кто, мало зная, презираетъ ученіе; несчастливъ и тотъ,

последствіи ничѣмъ уже не могутъ они быть испребылены. Тѣмъ больше мы должны пользоваться симъ періодомъ жизни, дабы насаждать сѣмена добродѣтели и благородныхъ чувствъ; ибо они въ последствіи столь же будутъ неизгладимы, и человекъ получившій тогда благоую, добродѣтельную способность, которой не могутъ сообщить даже всѣ ученыя и глубокомысленныя доказательства. Сіе наиболѣе разумѣть надлежитъ о вѣрованіи Богу и безсмертію души. Кто не приобрѣлъ онаго въ дѣтствѣ, тотъ едва ли будетъ твердо содержать оное и при старости, какъ то нынѣ показывають многіе печальные примѣры. —

Гуфландъ пишетъ: Я не могу не приписать здѣсь того, что великій *Платонъ* говоритъ столь прекрасно о воспитаніи: „Тотъ, кому ввѣрено смотрѣніе надъ воспитаніемъ молодыхъ людей, и шѣ, кои избрали его, должны знать, что изъ всѣхъ должностей въ

восударствѣ сія, безъ всякаго сравненія, есть самая важнѣйшая.“ — Хотя человекъ отъ природы крошечъ, однакожь только чрезъ воспитаніе дѣлается онъ самымъ лучшимъ изъ всѣхъ животныхъ, тѣмъ, что наиболѣе уподобляется Божеству. Но если возрастаетъ онъ безъ воспитанія, или получаетъ дурное, то содѣлается свирѣпѣе всѣхъ животныхъ, какихъ только земля производитъ. Посему первымъ попеченіемъ Законодателя или Правителя должна снвустись быти наставленіе молодыхъ людей; и когда оно хочеть достойнымъ образомъ исполнять сію обязанность, то должно обращать взоры на того изъ своихъ гражданъ, кто во всѣхъ добродѣтеляхъ наиболѣе отличился, и поручить ему полное смотрѣніе надъ воспитаніемъ.“

Воспитаніе болѣе основывается на нравственности и Религін, нежели на знаніяхъ и Наукахъ. Такъ говоритъ

кто, довольно научась, дурно поступаетъ.

Ничто не можетъ насъ столько подкрѣпить противъ напастей, какъ размысленіе о состояніи великаго множества несчастныхъ, кои претерпѣваютъ еще болѣе, нежели мы.

Несчастіе есть жестокий, но полезный опытъ: оно *измѣряетъ* силу души нашей и опредѣляетъ намъ исполняющее мѣсто.

Въ несчастіи ничего столько не надобно спрашивать, какъ опечаленія и безнадѣжности въ пособіяхъ. Если жизнь бѣдственна, то трудно сносить ее терпѣливо; если же она счастлива, то ужасно лишиться ея: одно другому соопвѣстивуется. — Терпѣніе есть лекарство отъ всѣхъ бѣдъ и скорбей. Забвеніе — лекарство противъ обидъ и оскорбленій.

Вѣра и терпѣніе суть лучшія опоры въ несчастіяхъ, и предающійся безропно волю Всемилосердаго обрѣтаетъ

въ душѣ своей неизсякаемый источникъ отрады и утѣшенія.

Умѣй терпѣть! Придешь награды
время:

Въ смиреніи величья зрѣешь сѣмя.

Человѣкъ, утѣющій трудиться, не можетъ быть совершенно несчастливъ.

Неужтренность желаній.

Вольтеръ сказалъ: Изобильный богачествомъ имѣетъ излишекъ, богатый — довольство, бѣдный — нужное, и ни одинъ не говоритъ — что ему довольно.

Отъ чего люди больше просятъ Бога объ измѣненіи новыхъ щедротъ, нежели благодарятъ Его за то, что уже пріемлютъ отъ милосердой Его десницы? Не отъ того ли, что они никогда и ничѣмъ не довольствуются?

Если бы похоти и богачества могли насытить, тогда бы слѣдовало оныя приобрѣтати; но жадность умножается, приобрѣтаетъ оныя; тогда, что болѣе имѣешь желаній, всегда есть бѣднѣйшій.

Нечестивость.

Тотъ, кто не спрашится оскорбляль Творца своего, есть сынъ мнѣжный, не заслуживающій никакой пощадѣ. Онъ призываетъ на главу свою мщеніе Неба; и если человѣческое правосудіе будетъ безгласно въ отношеніи его, то да препещетъ онъ явившися вѣкогда предъ судилище Бога, праведно раздраженнаго! —

Нечестивость побуждаетъ къ злобѣ и къ наглости, возмущаетъ умы и доводитъ до несправедливостей и смѣшеній.

Нечестивцы хоплятъ, чинобъ развращенные не имѣли ни воздержности, ни обузданности. Помрачаютъ всякую истину, опровергаютъ всѣ законы, разспроиваютъ всякую власть, даютъ свободу всѣмъ спрашамъ, преобразовываютъ людей въ шолкихъ же изверговъ, — вопль въ послѣдствіи каковъ бываетъ плодъ ихъ богопротивныхъ умствованій.

Низость.

Низость есть большая дорога, по которой честолюбіе бѣжитъ ко славѣ. Сколь достоинъ презрѣнія шопъ честолюбецъ, который, что бы успѣть въ безразсудныхъ предпріятіяхъ своихъ, не спрашится опуститься даже до низости. Прежде нежели начнешь пресмыкаться предъ подобнымъ себѣ, размысли, малодушный: Высочайшее Существо склонило ли чело свое къ землѣ? сошворило ли оно тебя такимъ, какъ пресмыкающіяся животныя, коимъ ты не стыдишься уподобляться? — Во имя челоуѣчества дерзай наконецъ воспріять то положеніе, которое приличествуетъ тебѣ. Предъ однимъ только Богомъ преклоняющъ колѣна!

Объядение.

Человѣкъ превозноситъ себя какъ совершеннѣйшее твореніе, но часто дѣлается невольникомъ своего брюха: онъ существуетъ какъ бы только для наполненія себя кушаньями, коихъ достоинство часто sospicione въ одной рѣдкости, — и, въ своемъ безуміи, скотское удовольствіе почитаетъ выше всего благороднаго и высокаго.

Довольно справедливо замѣчаютъ одинъ изъ древнихъ Писателей, относительно сего предмета: Съ изображенія всѣхъ сихъ утонченностей, дѣлающихъ насъ обжорливymi, то, что было нищезю, сдѣлалось ядомъ; — стали употреблять нѣкоторыя кушанья для возбужденія, а не для утоленія голода: вопиющее первое печальное послѣдствіе! Болѣзнь рано или поздно наказываетъ объяденіе. Спросите развращеннаго богача, у коего жестока подагра опшимаешь употребленіе чле-

новъ; спросите у него причину ужасныхъ бѣдствій его: онъ скажетъ, что пламенный долгъ неводержности.

Многочисленность кушаньевъ умножаетъ болѣзнь.

Нельзя не признавать однако жъ, что имѣть лакомую пищу очень пріятно: какъ-то легче мыслить, горяче чувствуюсь. Пламя духа требуетъ масла для своей лампы.

Остроуміе.

Когда Дарій предлагалъ Александру Македонскому половину Азіи и дочь въ замужество, то Парменионъ, одинъ изъ Полководцевъ его, сказалъ ему: *если бы я былъ Александромъ, то принялъ бы сіи предложенія. — А я, ошестествовалъ сей Государь, принялъ бы ихъ тогда, когда бы былъ Пармениономъ.*

Откровенность.

Откровенность есть знак прямо-душія, когда она не притворна; и попка съѣсть для уловленія добраго сердца, когда она обманчива.

Будьше съ людьми откровенны, но не легкомысленны.

Истинная мудрость не есть подозрительность, изушающая сердце: мудрый недовѣрчивъ самъ къ себѣ и откровененъ съ другими. Сохранивъ чистоту души и счастливое ко всему доверіе, значить вкусить на землѣ все блаженство, къ какому человекъ здѣсь способенъ. Да сохраняти навсегда откровенность чистой души и чувствительность въ пѣть, кои по обязанности или склонности прикованы къ міру.

Отчаяніе.

Сколь ни велико было бы несчастіе, насъ удручающее, сколь ни бѣдствен-но наше положеніе, остережемся — не будемъ предаваться отчаянію. Одна минута можетъ укротить бурю, скопившуюся надъ нашею главою; не рѣдко счастіе является изъ того облака, которое носило въ себѣ громы, на насъ устремлявшіеся. Вопреки Фарисейскому Философу, смерть не есть долгъ для того, кто всего лишился. Надежда поддерживаетъ колеблющіяся стопы наши при самыхъ дверяхъ гроба, и потъ, кто отвращаетъ отъ насъ устрашенные взоры, есть худой солдатъ, виновный бѣглець, осмѣляющій свой посты, который назначила ему Природа.

Охота спорить, противорѣчить.

Обыкновенно пошъ, кто меньше знаетъ, болѣе всѣхъ любитъ спорить. Вся способность его состоятъ въ силѣ его голоса; и потому оглушаетъ онъ крикомъ своимъ слушателей и дѣлается досаднымъ какъ шуму, на коего нападаетъ, такъ и тѣмъ, кои должны сносить бурный крикъ его. Чтобы упомянуть такихъ непріятныхъ людей, потребно только во всемъ согласоваться, чтобы они ни солгали: тогда можно будетъ видѣть ихъ мученіе отъ того, что не могли они дать полной воли своему болшанью. И для того умный шаковыхъ бесѣдъ убѣгаетъ; а когда ему, по несчастію, въ нихъ и случится быть, то пользуется онъ тѣмъ правиломъ, которое говоритъ: дай сѣна быку, а сахару попугаю, — или пословицею: не любо не слушай, а врагъ не мѣшай.

Ежели случится тебѣ спорить, и если справедливость будетъ на твоей сторонѣ — уступи противнику, ибо ты правъ, и чего болѣе хотѣшь? Если жъ ты будешь виноватъ — уступи, потому что виноватъ.

Эпаминондъ, Фивейскій полководецъ, былъ ученъ и краснорѣчивъ, но при томъ столь скромнъ, что обыкновенно объ немъ говорили: „*Эпаминондъ знаетъ всѣхъ больше, а говоритъ всѣхъ меньше.*“

Все похвалить — есть свойство льстеца, или безхарактернаго человека. Но также не берите въ примѣръ нѣхъ, которые ни съ кѣмъ не соглашаются; это низкія существа! Они готовы оспаривать васъ на каждомъ словѣ, чтобы вы ни сказали. Нѣтъ ничего отвратительнѣе привычки — всему противорѣчить. Несчастные, обладаемые ею, по справедливости почитаются безумцами. Чтобы не покориться истинѣ, они перемѣнили

бы пути зѣдѣтъ, возвратили бы рѣки къ своимъ источникамъ, если бы верховное Существо даровало имъ хоша на одну минуточку часъ безпредѣлаго Своего могущества.

Особенно прекраснѣйшая половина рода человѣческаго подвержена сей гнусной и пагубной привычкѣ. Кому не извѣстна басня, выдуманная на эпопѣе щепъ какимъ-то злымъ насмѣшникомъ! Одна женщина упонула въ рѣкѣ: мужъ ея, вмѣстѣ того, чтобы искупать ее ниже по теченію рѣки, искупать выше. Но одинъ изъ его пріятелей, вспрыпавъ съ нимъ, спалъ бранить его за эту ошибку, и сей потчасъ ошвыстествовалъ ему слѣдующими словами: „Я не такъ глупъ, какъ ты думаешь, любезный мой другъ: моя жена при жизни своей столько любила прощипорѣчивать, что конечно и по смерти никакъ не доплыветъ по теченію рѣки.“

П а т р і о т и з м ъ.

Человѣкъ не избираетъ себѣ отечества. Онъ привязывается самою Природою къ мѣсту своего рожденія — къ шому воздуху, конемъ дышавъ виновинки его бышій; къ нѣмъ предметамъ, которые были свидѣтелями его счастья; къ нѣмъ вообще спирамъ, гдѣ чувствовалъ сладость дружбы и любви. Въ такомъ случаѣ онъ долженъ быть покоренъ законамъ, покровительствующимъ нѣмъ, кои соединились съ нимъ въ одной спирѣ подобными же узами. Онъ долженъ любить предписанія, начертываемыя къ общему благоденствію, и уважать ихъ блюстителей. Онъ долженъ также безпреречно лезть на бой, для защищенія своей спираы и своихъ правъ: это обязанность, которую налагаетъ отечество на каждого гражданина.

Любовь къ отечеству есть высо-

чайшее чувство во всѣхъ благородныхъ душахъ. Оно связываетъ насъ неразрывными узами съ отечествомъ. Слава нашего отечества становится собственною нашею; малѣйшее несчастіе его поражаетъ насъ горестію и униженіемъ; и тогда, когда оно опровергло насъ отъ своего пѣдра — не преснаетъ оно бытъ предметомъ нашей любви... Удаленные на край міра, объ немъ мы воздыхаемъ, къ нему устремляемъ наши мысли и обины, и въ минуту смерти — послѣдніе умирающіе взоры наши обращаются къ мѣстамъ нашего рожденія.

Гдѣ отечество въ сердцахъ гражданъ, тамъ разумъ не безмольствуетъ; тамъ усердіе краснорѣчиво: ибо всякой боится погибнуть съ отечествомъ. Когда Пирръ, Эпирскій Царь, приближившись къ Риму, хотѣлъ подарками склонить Римскаго Консула, *Фабриція*, посланнаго къ нему для обмена плѣнныхъ, склонить, чтобы онъ доставилъ ему

выгодный миръ, оставилъ свое отечество и вступилъ въ его службу, то добродѣтельный *Фабрицій* хотѣлъ быть и бѣденъ, но любя ревностно свое отечество, не внималъ гласу ни какой страсти, которая бы вредна была правамъ и спокойствію его отечества; и пошлему отвѣтствовалъ ему: „если ты меня считаешь добрымъ, то на что хочешь сямъ развратить; а когда починаешь меня худымъ и безчестнымъ, кого можно подкупить, то для чего тебѣ и имѣть меня при себѣ.“

Суворовъ ничего не щадилъ для славы своего отечества! Кому не извѣстенъ патріотизмъ *Минина*, *Пожарскаго*,...

Царь Эпирскій Порсена, заступникъ Тарквинія, одержавъ надъ Римлянами побѣду, принудилъ ихъ бѣжать въ городъ Римъ чрезъ мостъ на рѣкѣ Тибрѣ. Смѣлѣйшій и храбрый *Гораций Коклессъ* дошелъ одинъ защищать входъ онаго, доколѣ Римляне не перешли въ городъ и позади его не разрушили

заднюю часть онаго; а какъ скоро онъ увидѣлъ, что мостъ былъ разломанъ, то мгновенно бросился въ рѣку и, благополучно переплывъ чрезъ нее, пришелъ въ городъ. Непріятель, не взирая на это, осадилъ Римъ. Но когда сей, находясь въ осадѣ, не имѣлъ запасовъ и приведенъ былъ до крайности, то одинъ изъ Паширіцевъ, молодой Римлянинъ, *Муцій Сцевола*, который жилъ и дышалъ опечесствомъ, освободилъ его отъ злаго жребія. Онъ рѣшился умертвить самаго Порсены. Переодѣвшись въ Эшзурское платье, переплылъ онъ Тибръ, пришелъ въ воинскій станъ къ сему Царю, ночью, въ такое время, когда онъ вмѣстѣ съ своимъ Секретаремъ, одинаково одѣтымъ, раздавалъ жалованье своимъ рабникамъ. Римлянинъ, не зная, кто изъ нихъ былъ Царь, бросился на Секретаря и пронзилъ его кинжаломъ. Явилась спржа Царская, и Муція заключили въ оковы. Порсена спрашиваетъ его: кто ты

шаконъ, откуда, кто твои соумышленники? Муцій отвѣщивовалъ только сими словами: „Я Римлянинъ; пришелъ сюда освободить свое опечество твоего смертію. Смотри, какъ я наказываю себя за промахъ.“ Въ сіе самое время онъ, положивъ свою руку на горящія уголья, приготовленные для жертвоприношенія, до тѣхъ поръ держалъ оную на огнѣ, доколѣ она не прогорѣла до костей. Порсена, видя чудесную отважность и изумленный симъ величіемъ и мужествомъ, сказалъ ему: вотъ твоя мечъ, я дарю тебя жизнью. Тогда Муцій объявляетъ ему: „Государь, великодушіе твое заспавляетъ меня опкрыть себя тайну, которую бы никакія мученія не возмogli изпоргнуть изъ моего сердца. Знай, что 300 побѣднхъ мнѣ юношей клялись и тайно совѣщались на твою жизнь. Случаю было угодно, чтообъ я первый произвелъ сіе въ дѣйство; и сколько желалъ

я быль виновникомъ пвоей смерпи, столько спрашуь теперь, чтобъ кпо другой не былъ онимъ, особливо когда позналъ я, что ты достоннъ паче дружесива Римлянъ, нежелн ихъ ненавннн, . . . и для того сохрани себя, ибо несомнвно кпо-либо изъ вихъ предпримешъ лишннъ тебѣ жнзнн.“ — Порсена вскоръ послъ сего општу- пилъ онъ города, и заключилъ миръ. Муцій былъ имъ опущенъ съ че- стно. Римляне проименовали его *Сце- волою*, какъ уже дѣйсвовавшего лѣ- вою рукою.

Исторія Швейцарн богата черта- ми геройсва и великодушнаго патрі- оизма. Вильгельмъ *Телль*, а особенно Арнольдъ фонъ *Винкельридъ*, герой бншвы Семпахской (1386 года), сіюшъ на скрыжалихъ сей Исторіи!

Повиновеніе, послушаніе, покор- ность.

Дѣти должны повиноваться родите- лямъ своимъ, и оказывать послушаніе своимъ наставникамъ. — Любите и почитайте добрыхъ вашихъ учите- лей, которые столько заботятся удѣ- лить вамъ сокровища образованія. Взгляните на сады наши; тамъ нѣтъ ничего безъ обрабатыванія. Что ска- жете о томъ непокорномъ деревѣ, ко- торое противился усиліямъ садовни- ка, хочетъ оспаривать кривымъ погда, какъ онъ стараекся его выпрямить. Вы сами будете походить на сіе упрямое дерево, если будете показывать сопротивленіе ко всемъ благонамѣрен- нымъ наснавленіямъ вашихъ учите- лей. Они наконецъ не спашуть ше- рять напрасно словъ своихъ, и невѣ- жество будетъ жалкимъ послѣдствіемъ вашего упрсннва. Когда они васъ на- казываютъ, для вашего исправленія,

шо особенно осерегайтесь досаждать на нихъ, сердитесь, или дѣлать возраженія и пустыя оправданія. Къ несчастію, вашъ возрастъ слишкомъ много преклоненъ къ непостоянству и непослушанію; но иногда потребно легкое наказаніе, для возвращенія васъ къ обязанностямъ вашимъ.

Поединки, дуэли.

Густавъ-Адольфъ, сей знаменитый сѣверный герой, который спелъ много прославился въ XVII вѣкѣ, узнавши, что спрашивать къ дуэлямъ начинала дѣлать опущенія ужасныя въ его арміи, запрещилъ оныя подъ смертнымъ наказаніемъ. Послѣ сего въ скоромъ времени два лучшіе Генерала, поссорившись, приходили просить Короля о дозволеніи драться. Густавъ сначала былъ встревоженъ симъ прошеніемъ; однакожь онъ на то согласился, и сказалъ имъ, что онъ

желаетъ быть свидѣтелемъ ихъ драки; онъ назначилъ мѣсто и часть, и самъ туда явился съ рошею пѣхомоты, ко-ей онъ приказалъ окружить двухъ молодцовъ. „Ну, государи мои, будьте мужественны, сказать онъ имъ, дернитесь теперь, до того, чинобъ одинъ изъ васъ палъ мертвъ,“ — и, призвавши палача, сказать ему: „въ ту минуту, когда одинъ изъ нихъ будетъ убитъ, отруби въ присутствіи моемъ голову у другаго.“ Послѣ сихъ словъ, два Генерала сдѣлались на нѣсколько времени неподвижными, и скоро признавши сдѣланную ими вину, они пали къ ногамъ Короля, и просили у него прощенія, кланяясь другъ другу въ испинной дружбѣ. Съ того времени не слышно уже было о дуэляхъ въ Шведской арміи.

Одного Американца вызвали на дуэль. Не любя драться за пустяки, написалъ онъ своему сопернику слѣдующую записку: „Я не соглашаюсь на ваше

по мѣрѣ того, какъ сіи навыки и знанія могутъ имъ быть полезны къ усугубленію счастья ихъ, родителей и согражданъ.

Но ежели бы между людьми было больше правды и благочестія; то видно бы было несравненно болѣе и счастья въ сей жизни.

Доброе воспитаніе есть дѣйствительнѣйшій способъ, чинобы силу навыковъ или силу второй Натуры, справедливой, благопшворной, терпѣливой и просвѣщенной, противопологать силѣ первоначальной Натуры — невѣжественной, неблагоразумной, неправедной. А изъ сего и слѣдуетъ, что доброе воспитаніе юношества есть важнѣйшая часть государственнаго устройства.

Воспитаніемъ довершается нрудъ Натуры. Оно юнымъ душамъ даетъ направленіе ко всему справедливому и благородному.

Опецъ, занимающійся гораздо болѣе

собираніемъ богатства для дѣтей своихъ, нежели ихъ воспитаніемъ, подобенъ безумцу, который болѣе печется о своихъ башмакахъ, нежели объ ногахъ.

Эскандеръ осыпалъ благодареніями своего учителя, и, разставаясь съ нимъ, сказалъ ему: „чтожь, кому я обязанъ моимъ существованіемъ, опустить меня съ неба на землю; но вы, которому я одолженъ способностию разсужданъ, вы меня возвели опять опъ земли на небо.“

Воспитаніе извѣженное.

Ни что столь не способно сообщить дѣтямъ съ самаго начала крапкую и слабую нинъ жизни, какъ то, если въ первыхъ лѣтахъ ихъ давать будемъ имъ извѣное и упоенное воспитаніе, то есть: оберегать ихъ опъ суровыхъ вѣпровъ, зарывать въ пухъ и въ перья по крайней мѣрѣ большую часть года, наполняя неумѣренно

предложеніе по двумъ причинамъ: во-первыхъ, вы можете убить меня; во-вторыхъ: я могу убить васъ: следовательно изъ того выйдетъ мало добра. Послушайте лучше моего совѣта, подице въ лѣсъ, отыщите дерево въ мой обхватъ. Вообразите, что я стою передъ вами; стрѣляйте прямо, и если попадете въ дерево, то я признаю себя виновнымъ и буду у васъ просить прощенія; если же вы сдѣлаете промахъ, то должны мнѣ уступить побѣду.“

Праводушіе. Честность.

Одна женщина, весьма бѣдная, имѣла единственное свое утѣшеніе въ любовной и благоразумной своей дочери, съ кою она представилась къ Кардиналу Фарнезу. Она ему объявляетъ, что хозяйка дома, гдѣ она нанимаетъ одну маленькую комнату. будучи весьма богатый человекъ, выгоняетъ ее

съ дочерью изъ дому, потому что она не въ состояніи заплатить ему пяти цехиновъ. Кардиналъ написалъ пошучастъ, объ удовольствіи ея, записку къ своему управителю. Сей пошучастъ, по полученіи приказанія, отсчиталъ пятьдесятъ цехиновъ. „Милостивый государь, сказала ему сія бѣдная женщина, я не просила столько у Его Высочайшаго священства, и конечно онъ ошибся.“ Надлежало, для объясненія недоумѣнія, управителю самому идти къ Кардиналу, который, вливи обратную свою записку, сказалъ бѣдной женщине: „Вы правы, я ошибся; поступокъ вашъ доказываетъ это,“ — и, вмѣсто 50 цехиновъ, написалъ 500, прося добродѣтельную мать принять оныя, для приданого дочери ея.

П р а в о с у д і е.

Самое лучшее Правленіе есть по, копорого душа есть правосудіе или справедливосшь.

Сстрогое правосудіе есть душа само-державія; такъ мысля Петръ Великій, опредѣлялъ казнь тому, кто осмѣлился подать ему недѣльную просьбу на святилище правосудія, Сенатъ; подобному же наказанію подвергъ и Сенатъ, когда бы онъ рѣшилъ въ пользу неправого. — Такъ должны исполнять ся законы, чшобы люди боялись преступать ихъ. — Петръ Великій болѣе всего любилъ прилѣжныхъ и знающихъ свое дѣло людей, а потому корабельный мастеръ, Гуръ Ивановъ Гурьевъ носилъ милосіе его. Однажды Монарху, бывшему на работахъ въ Адмиральшесствѣ, Гурьевъ подалъ бумагу; Государь, думая, чшо она касается должностни его, принявъ, развернулъ, и рассмотря, сказалъ: *это*

челобитная на Сенатъ. — Такъ, Государь. — Да знаешь ли ты законъ, что опредѣлено тому, кто на Сенатъ бьетъ челомъ? — Знаю, Государь. — И ты, зналъ, просишь? — Знаю и бью челомъ на онъй. — Пожалуй, Гуръ, продолжай Монархъ, возьми назадъ челобитную свою, покажи ее знающимъ болѣе твоего законы и потолкуй съ ними гораздо; на это даю тебѣ три дни сроку; мнѣ жалъ потерять тебя! — Чрезъ три дни Гурьевъ подалъ опять бумагу. — Это та же? — Та же, Государь. — И ты показывалъ ее законоученикамъ? — Показывалъ, и они меня оправдываютъ. — „Боюсь, Гуръ, чшобы ты не былъ виноватъ; пожалуй поини лучшихъ изъ нихъ: разскажавъ чшосердечно все дѣло, пошолкуй съ ними прилѣжнѣе и чрезъ три дни скажи мнѣ о томъ.“ — Былъ такъ, Государь, если Тебѣ угодно. — Чрезъ три дни Государь, получа опять ту же челобитную, спрашиваетъ: „Подлинно ли,

15**

Гуръ, удостовѣрился ты о своей справедливости? — Удостовѣрился, Государь. „Дай Богъ, чтобъ ты былъ правъ.“ — Дѣло Гурьева состояло въ томъ, что сосѣдъ по деревнѣ его, господинъ знатный, надѣясь на свою знатность и знакомство съ Сенаторами, завладѣлъ частью земли его, которая была ему кенашни. Дѣло, бывши въ нижнихъ Судахъ, по апелляціи дошло до Сената. Господинъ сей просьбами и хитрыми объясненіями склонилъ Сенаторовъ на свою сторону, и былъ оправданъ, а Гурьевъ обвиненъ. — Монархъ прочитавъ челобитную, въ ночь же вечеръ позвалъ къ себѣ Оберъ-Секретаря Сенатскаго съ дѣломъ симъ, и разсмотрѣвъ, нашелъ оное справедливымъ со стороны Гурьева, каковаго заключенія и Оберъ-Секретарь не могъ оспорить. *Чего жъ ты смотришь?* — Винованъ, Всемилоостивѣйшій Государь, недоразумѣлъ. — *Недоразумѣлъ! такъ я тебя вразумлю.* Съ сими словами далъ почув-

ствовать ему крѣпость палки своей, а дѣло велѣлъ къ запискѣ приготовить къ докладу, сказавъ: Я самъ записку буду въ Сенатъ. — Оберъ-Секретарь съ дѣломъ симъ зашелъ къ старшему Сенатору, Князю Якову Осодоровичу Долгорукому, подписавшему также обвиняющее Гурьева опредѣленіе. Сей непоколебимый въ истинѣ человекъ, въ ту же ночь разсмотрѣвъ прилѣжно дѣло, и видѣвъ, что оно рѣшено несправо, рано поутру привезъ въ Сенатъ. Скоро прибылъ и Монархъ. Гурьевъ, стоя на крыльцѣ, поклономъ напомнилъ о себѣ. Первое слово Государево, вошедши въ Сенатъ, было: *подайте дѣло Гурьева!* — Кн. Я. О. Долгорукой, вславъ съ мѣста своего, и подошедъ къ Петру, говоритъ: Великій Государь! признаюсь предъ Вашимъ Величествомъ какъ предъ Богомъ, что я всегда всякое дѣло разсмотрю, прочитаю, да опять разсмотрю, а потомъ и подпишу; но сіе подписать, въ первые, не

читал. Я, Всемилостивѣйшій Гоеударь, при рѣшеніи его, за болѣзнію моею, не былъ въ Сенатѣ, и не читал, дома, лежа въ постелѣ, подписалъ, положась на товарищей моихъ, подписавшихъ уже оное; но узнавъ, что Ваше Величество изъ Сената потребовали къ Себѣ, взялъ и я, и увидѣлъ, что Сенатъ, не выкинувъ порядочно, въ рѣшеніи погрѣшилъ; за что прошу въ неумышленномъ проступкѣ прощенья. — Петръ не отвѣчалъ ни слова Долгорукому, а велѣлъ дѣло перерѣшить и опიაное у Гурьева возвратить; съ соперника его, какъ съ человека коварнаго, описаны сполько же земли, и пятьдесятъ душъ крестьянъ, и отдать ему же Гурьеву; а съ Оберъ-Секретаря и Сенаторовъ взявъ по двѣсти рублей штрафа, послать въ гошпиталь; заключить слѣдующимъ: „Послику по законамъ положена смернь, шому, киню неправо просить на Сенатъ; шо разумѣется, что и

„Сенаторы подвергаются той же казни, за неправо рѣшеніе, отъ которой и „не можетъ онъ ихъ избавить, если „не проситъ ихъ Гуръ Гурьевъ.“ Сказавъ сіе, вышелъ изъ Сената; увидя же на крыльцѣ Гурьева, ударилъ его по плечу и сказалъ: „Поди домой и будь покоенъ.“ Гурьевъ и дѣйствительно радуясь успѣху въ дѣлѣ своемъ, расположился остаться дома. — Долгорукой съ сокрушеннымъ сердцемъ выговаривалъ товарищамъ своимъ за ихъ неосмотрительность и пристрастіе, и далъ слово, что не будетъ впредь имъ вѣрить ни въ чемъ. Теперь избавившись бѣды иначе не можемъ, продолжать Долгорукой, какъ не просить у Гурьева прощенье. Сенаторы знали Гоеударя своего, а потому пренебрегли приговора, имъ сдѣланнаго. Присупили къ Долгорукому, чтобы онъ испросилъ имъ у Гурьева прощенье. Князь со всѣми Сенаторами изъ Сената поѣхалъ къ себѣ домой, и позва-

Адьюпанша своего, сказалъ: Возьми моего одноколку, поѣзжай къ Гурѣ Ивановичу Гурьеву, и проси его ко мнѣ, именно такъ: Князь Долгорукой кланяется вашему высокоблагородію и проситъ пожалованъ къ нему шенеръ въ домъ; онъ прислалъ къ вамъ и одноколку; даже и самъ бы былъ къ вамъ, если бъ спаросилъ и недосуги ему не пренятешвовали. — Гурьевъ, пріѣхавъ къ Долгорукому, не успѣлъ войти, какъ Сенаторы начали просить его убѣдительно и униженно, чѣмъ онъ пожаловалъ просить ихъ. Гуръ, не ожидавшій сего, кланяясь каждому, говорилъ: „Богъ проснитъ Ваши Сятеельства и Ваши Высокопревосходительства!“ Обрадованные Сенаторы благодарили его чувствительно, и, одаря, кно чѣмъ могъ, опустили. — Послѣ сего Долгорукой поѣхалъ къ Государю и донесъ ему, что Гуръ Ивановичъ просилъ ихъ. *Хорошо*, сказалъ Монархъ, *счастливы вы, что попали на добраго*

человѣка; а то бы я показалъ вамъ, какъ поступаютъ съ тѣми, кои вѣсто того, чтобъ наблюдать истину и быть примѣромъ въ правосудіи, сами нарушаютъ оное! Ошпущилъ Князя, Государь послалъ за Гурьевымъ, и вошедшему сказалъ: ты ихъ просилъ? — Просилъ, Государь. — Да какъ просилъ? не угрожали ли они тебѣ чѣмъ-нибудь? — Нѣтъ, Государь, и рассказалъ все подробно и чѣмъ одарили его. Монархъ былъ доволенъ, усмѣхнулся и опустилъ его. — Подобные случаи были причиною, что Сенаторы, разсматривавшіе дѣла, знали законы, не впадали въ посползновеніе, и оставались вѣрными сынами отечества. Сѣкира правосудія необходима въ обществѣ политическомъ. Петръ безмеренъ!

Предусмотрительность. Осторожность.

Во всѣхъ своихъ поступкахъ смотри на конецъ. Прежде начинія какого-либо дѣла, сдѣлай ему мудрое обозрѣніе и планъ. Такаа обязанность снабдитъ тебя всеми нужными предосторожностями. Съ предусмотрительностью нѣтъ опасностей, бѣдствій и горестей, конхъ бы не можно было избѣжать. Безразсудный смотритъ только на поверхность самыхъ простыхъ предметовъ — пренебрегаетъ ею и ея послѣдствіями, и часто дѣлается жертвою живѣйшаго прискорбія и раскаянія. Особенно не полагайся! на первый взглядъ вашъ, и разбирайте хорошенько наружность. Благоразуміе есть мать безопасности; впрочемъ да не сдѣлаетъ оно васъ робкими и малодушными. Чѣмъ болѣе будете предусмотрительны, тѣмъ болѣе должны сохранять всю вашу твердость.

Когда размыслимъ о слѣдствіяхъ вѣщей міра сего, то кажется, что будто есть какой неблагошворный духъ, упражняющійся единственно въ возмущеніи покоя и тишины рода человѣческаго. Величайшія несчастія, кровопролитнѣйшія позорища удивительнѣйшія злоключенія, революціи самыя чрезвычайныя, часто имѣютъ начало свое отъ сущихъ бѣдълицъ.

Всякой благоразумной человѣкъ, желающій избѣгнуть безпокойствъ и прискорбій, долженъ тщательно пользоваться чужимъ злополучіемъ, и убѣгать ненависти вельможъ, конхъ часто вооружить можно пропихъ себя очень неважными причинами; неподвергаться никогда свирѣпству подлаго народа; бояться собственнаго своего гнѣва столько же, какъ гнѣва дураковъ; не вѣряться молодому и неопытному врачу; удаляться отъ плохой дружбы съ безбожниками и отъ

кровенности спарухъ; не вѣришь собаѣ, которая почти не лаетъ; рещишь аншекаря и слову подъячаго: *понеже*. Надобно весьма остерегаться чувствительности или слезъ жены лукавой, умѣющей проливать ихъ обильно такъ часто, какъ ей вздумается; никогда не принимать къ себѣ слугу, согнаннаго однажды съ двора; не легко вѣришь божьѣ купца, не начинать спора съ лбедникомъ, уклоняться неприязни людей подлыхъ, не давать въ долгъ ничего всякому, не входить въ обязательство съ извѣстнымъ корыстолюбомъ, не дружиться съ незнакомымъ и не терять времени своего въ подозрительномъ домѣ; уклоняться подбиванья въ ономъ, и любви женщинъ сомнительной добродѣтели, знающихъ тайну въ короткое время распотѣть нарочитую сумму; беречься пьянаго воина и дурака-волокишы; бѣсѣды лваго безбожника; не приглашать

къ обѣду пьяницы и къ ужину игрока записнаго; не дѣлать никогда никакого довѣрія болшуну, кромѣ того, что хочешь дать знать во весь свѣтъ; бѣгать всякаго обращенія съ отброшеннымъ придворнымъ, женщинъ пересѣщеницъ, и советамъ необщиться съ неограниченными мопами; наконецъ, остерегаться займовъ и пляжебъ.

П р и т в о р с т в о.

Притворство не имѣетъ постыжливости; ложь бываетъ всегда прозрачна: взоры вниманія могутъ проникнуть ихъ насквозь.

П ь я н с т в о.

Пить до дна, не видать добра, говоритъ Руская пословица.

Пьянство не менѣе опасно, какъ и объяденіе; потому что всегда сопутствуетъ ему счастіелюбие. Часто, очень

часно безразсудный человекъ, имъ зараженный, съ жалкимъ ослѣпленіемъ идетъ колеблющимися стѣпами къ могилѣ, самимъ собою ископанной. Благоразумный употребляетъ вино для развеселенія, а не для помраченія разсудка. Для него пошлѣдно нѣе положеніе, въ которомъ онъ отличается отъ безсловесныхъ еще болѣею раздражительною и несповѣдностью, или онъ дѣшею еще болѣе дураченіемъ и глупостями.

Возможно ли, говоритъ *Плиній* Натураленсѣ, чѣебы мы покунали цѣпою шлоликихъ изнуреній, природѣ и издержекъ нѣе, чѣе возмущаеиъ разсудокъ и вдыхаетъ бышенство? Уже ли Природа, повсюду разливая для насъ свѣжую воду, которую пьемъ всѣ прочія живонныя, не предназначила и для насъ се, какъ самой здоровый напитокъ? Безчисленныя преступленія были гибельными слѣдствіями пьянства: въ такомъ изступленномъ по-

жеиіи раскрываются сердечныя тайны, вредоносныя слова — иногда спонившія жизни. Сколько разъ смерть была наказаніемъ за подобную нескромность! Если бы сіи несчастные охотники покуливать и не предавались опасностямъ, (прибавляетъ поиъ же Писатель) то уже ли должно почитать за ничто эту бѣдность, сіи обвислыя щеки, сіи налившіеся кровію глаза, сіи дрожащія руки, не могущія держать рюмки, чѣебы не пролилъ ее; сей сонъ, возмущаемый спрашными грѣзами, скорымъ наказаніемъ неводержности; сіи ночи, проведенныя въ безпокойствѣ, и на другой день вонючій винный запахъ изорину, совершенное забытіе всего прошедшаго, — уничтоженіе памяти? — Потеряиъ цѣлый день въ сполѣ униженномъ состояніи и оправитъ послѣдующій, значить ли это наслажденіе, котораго ищутъ очень многіе съ непреодолимою жадностью!

*Расточительность, роскошь,
нѣга.*

Роскошь есть не иное что, какъ пираша избытка на ненужныя вещи.

Роскошь пишася нѣсколько сотъ лѣтъ въ городахъ, а погубляетъ нѣсколько сотъ тысячъ въ деревняхъ нашихъ. Земледѣлецъ не имѣетъ одежды отъ того, что надобны другимъ позументы! Для нашихъ кухней надобны мясные бульоны: а отъ этого столько многіе большыя лишаются простой похлебки! Къ нашимъ столамъ понадобны деликатныя вина: отъ этого-то земледѣлецъ часто пьетъ одну только воду! Надобна пудра на наши парики: отъ этого многимъ бѣднымъ недостаетъ хлѣба!

Сколько многомысленно сіе изреченіе, приписанное нѣкоторой простой женщиной, которая увидѣвъ нѣкогда на первомъ изъ Монарховъ, величайшемъ по его добродѣтелямъ, простую и скром-

ную одежду, сказала ему въ воспоргъ: „Счастливы тѣ народы, которые плачутъ за украшеніе вашего плашья!“

Не было бы бѣдныхъ, еслибы не было роскошныхъ.

Сколько достойна презрѣнія Полиника сихъ мнимыхъ Философовъ, кои безпрестанно выхваляютъ намъ роскошь! Они почитаютъ великимъ благомъ чрезмѣрныя издержки богачей; но развѣ это не зло, что они дѣлаютъ шакковыя издержки? Они кормятъ бѣдныхъ: но помогаютъ бѣдности нищихъ глупостию богачей, есть исправлять ошибку ошибкою и дѣлать объ. Богачи дѣлали бы лучше, если бы свое золото зарывали въ землю: тогда они только себя дѣлали бы презрѣнными; но, разсуждая иное, дѣлаютъ порочными нѣтъ, кои имъ завидуютъ, удивляются или хощутъ подражать. Предки наши мыслили лучше насъ: ни въ какомъ сочиненіи ихъ нѣтъ похвалы богатству, ни глупаго защищенія роскоши.

Георги IV, который мыслить весьма правильно, починалъ роскошь, (которую могут защищать только приверженные къ ней,) по справедливости бичемъ Государства, коему она готовитъ разрушеніе и предвозвѣщаетъ паденіе. Видя, что все узаконенія къ обузданію роскоши становящіяся безполезными, онъ издалъ наконецъ такое, въ коемъ строгаго запрещаеъ своимъ подданнымъ носить золото и серебро на платьѣ, прибавилъ: „Исключаются изъ сего только вольныя женщины и мошенники, въ которыхъ мы не принимаемъ никакого участія, чтобы удостоить нашего вниманія ихъ поведеніе.“

Законы противъ роскоши должны простирались на все: на дома, комнаты, мебель, столы, служителей и одежду; ежели одна только часть оставлена будетъ въ небреженіи, то открыта будетъ дверь къ злоупотребленіямъ, который распространялся на

все. Чемъ строже будутъ учрежденія, тѣмъ менѣе будетъ онасна переменѣ счастья. Богатые будутъ стараться быть сами чѣмъ нибудь, ежели пошляють надежду снисканы себѣ чести своими слугами, лошадьми, собаками и платьемъ; бѣдные, бывъ не столь унижены, начнутъ стремиться къ снисканію себѣ почтенія, когда оно сопряжено будетъ съ такими дѣлами, кои общи имъ съ богатыми. Но не поспѣшно, почему сіи законы, только уважаемые Древними, осмѣяны въ презрѣніи въ нынѣшнемъ вѣкѣ, когда вѣтъ ничего легче, какъ привести оныя въ исполненіе?

Онъ сего-то недостатка мудрыхъ законовъ погубилъ богатѣйшія Государства, по худому употребленію избытковъ своихъ; онъ сего недостатка Римская Республика, бывшая прежде изобильною, пришла въ такое развращеніе, (ибо, по естественному ходу вещей, за роскошью непосредственно

пищею, и всю ихъ жизненную дѣлательность возбуждать сильно посредствомъ кофе, шоколада, винъ, горячительныхъ приправъ и шому подобныхъ веществъ, которыя суть подлинный ядъ для дѣшей.

Религія, законъ Божій, Христіанство.

Объятія мащери-Церкви отверзшы для дѣшей ея: она пичаетъ ихъ живошворнымъ мтекомъ Слова Божія.

Вѣчная награда ждетъ истиннаго сына Церкви.

Нѣтъ сердца, въ которомъ не плѣла бы искра любви ко Всевышнему. Носящія искру сію, раздуйте ее, содѣлайте пламенемъ, да очистишатся имъ сердца ваши отъ плевелъ порока.

Христіанинъ не долженъ терять изъ виду истины, могущей способствовать ему въ исполненіи тѣхъ обязанностей, которыя шакуютъ,

что если бѣ мы и не обязаны были онымъ повиноваться, то собственная наша польза пребудетъ, чтобъ мы послѣдовали имъ. Разсмотримъ внимательно десять заповѣдей: вы увидите, что намъ запрещается только то, что вредно нашему благосостоянію; и ежели бы правила сіи соблюдались во всей точности, то они изгнали бы съ земли всѣ пороки.

Зло, причиняемое нами другому, состоитъ собственнымъ вредомъ нашимъ; потому что оно подвергаетъ насъ строгости законовъ человѣческихъ, оничимаетъ у насъ доброе имя, разрушаетъ благоденствіе наше, лишаетъ здравія и спокойствія совѣсти, сихъ драгоценнѣйшихъ благъ, безъ которыхъ не можно быть на землѣ благополучнымъ.

И такъ, когда Богъ повелѣваетъ намъ пропивитъ ся стремленію нашихъ спростей, то Онъ предписываетъ намъ правила къ нашему счастью. Какое послѣдствіе можетъ быть отъ

слѣдовала порча нравовъ), что Римляне почти не имѣли уже никакого уваженія къ великимъ людямъ бѣднаго состоянія, ни презрѣнія къ богатымъ, жившимъ въ праздности и порокахъ. Но причинъ сего недостатка, превозносили они безразсудныя пируештва роскошнаго *Лукулла* и прочія распоченія, суетныя, презрѣнія достойныя и постыдныя.

Роскошь умножаетъ наши нужды, умеренность — наши наслажденія. — *Франклинъ* сказалъ: „Кто покушается излишнее, то и скоро продаетъ нужнѣйшее.“

Съ какимъ равнодушіемъ глупой повѣса вокругъ себя разсыпаетъ золото! Какъ распочаетъ онъ богатства, еще окропленные родительскимъ попомъ! Доведенный самъ собою до ужаснѣйшей нищеты, онъ узнаетъ наконецъ цѣну богатства.

Бѣдность слѣдуетъ издалека за распоченіемъ; она украдкою блудитъ

его, какъ самую вѣрную добычу свою. Чѣмъ болѣе испустишь кошелькъ его, тѣмъ ближе и скорѣе подойдетъ она къ нему; и когда безумный испрашитъ послѣднюю конейку, тогда она, налагая на него свинцовую руку свою, повергаетъ его въ бездну, изъ которой уже никогда не выйдетъ онъ.

Скупость, безъ сомнѣнія, есть порокъ гнусной; но и распочительность не менѣе пагубна. Осужденный Природою испытывать нужды, непрестанно возрастающія, человекъ долженъ бросать на будущность взоръ хоня не заболѣный, но предусмотрительный.

Въ изобиліи и роскоши, человекъ весьма рѣдко ощущаетъ наслаждение дѣлать добро: чувства приглушаются онъ непрестанныхъ удовольствій, и душа, такъ сказать, спитъ подъ бременемъ различныхъ спрасей, угнетающихъ оную. Есть люди очень богатые, которые жалуются на недостатокъ въ деньгахъ и на скуку въ

жизни: не опятъ погоди, что издержки ихъ измѣряются всегда желаніями, а желанія возмозжностью удовольствованія оныхъ?

Вокругъ богатаго мѣша выюшелъ, какъ плюнь, льщенцы его.

Какъ скоро роскошь Азіятская вкраслась въ Римъ, когда Римляне завоевали полевина, но порабощенные пѣгою и уничтоженные гнуснымъ самовласніемъ, они измѣнили свои спирогіе нравы на забавы плонскія и расночичельность презрительную; когда, приуча воиновъ къ рабству и неволѣ, *Неронъ* началъ ихъ наслаждать пышными зрѣлищами, *Гемогабалъ* своими цирками бронзовыми и порфиловыми, — тогда не стало уже въ Римлянахъ ни добродѣтели, ни опечества: Римъ былъ побѣжденъ самимъ же Римомъ!

Син непорическія черты служатъ доказательствомъ необходимости хорошаго физическаго воспитанія. Когда усмошримъ, какъ почти безъ всякаго

труда иноземцы завладѣли два раза городомъ Парижемъ, въ пышнѣйшія времена, то можно повѣрить, что безопасности гражданъ, ихъ спокойствіе и имущество не защищаются неприступными крѣпостями, кои мало бывають уважаемы непришелемъ въ нашествіе его. Слѣдственно должно сооружать крѣпости наиболѣе въ силахъ гражданъ, и сердце каждаго гражданина должно быть цинаделью, защищаемою силою своихъ рукъ и высокоствію своихъ добродѣтелей, что Русскіе уже, кажется, и доказали въ 1812 году изгнаніемъ изъ своей земли двадцати различныхъ народовъ, бывъ безъ всякихъ крѣпостей.

Твердость Русскихъ означается также хорошо и въ слѣдующей эпитафій на кончину Генералиссимуса Князя Александра Васильевича Суворова-Римскаго:

„Остановись, прохожій!
Здѣсь человекъ лежипъ, на смерпныхъ
непохожій:

Въ глуши, на крылось съ дьякомъ онъ
 басомъ пѣлъ,
 И славою, какъ Петръ иль АЛЕК-
 САНДРЪ, гремѣлъ;
 Ушапомъ на себя холодную лить воду
 И пламень храбрости вливалъ въ сердца
 народу;
 Въ рубахѣ, въ каскѣ онъ, предъ вой-
 сками верхомъ,
 Какъ молнія сверкалъ, и поражалъ какъ
 громъ;
 Съ полками шамъ ходилъ, гдѣ чухъ
 лешающъ пшцы;
 Жилъ въ хижинѣ и опивалъ сполицы;
 На клячѣ грады бралъ, съ нагайкою въ
 рукѣ;
 Чужой народъ носилъ его на головѣ;
 Одною пицею съ солдатами пишался;
 Цари къ нему въ родство, не онъ къ
 нимъ причинался;
 Былъ двухъ Имперій вождь, Еврону
 удивлялъ,
 Вводилъ Царей на тронъ и на соломѣ
 спалъ."

Домашніе уборы, одежда, экипажи, роскошь стола — все сіе не дѣлаетъ человека ни великимъ, ни почтеннымъ, ибо ничто изъ этого не входитъ въ составъ его, но находится внѣ его, и съ нимъ никакого не имѣетъ средства. Между тѣмъ, въ этомъ большая часть людей поставляетъ свое величіе; думаютъ, что они сами и окружающіе ихъ предметы, какъ шо: домашніе уборы, одежда, экипажи, составляютъ какъ бы нераздѣльное съ ними существо, напыщающъ и увеличивающъ, сколько можно, сими украшеніями мысль, которую они составили сами о себѣ; а потому начинаютъ себя уже великими людьми, и хвалятся такими казашся въ глазахъ другихъ. Но, дабы здраво судить объ ихъ величій, надобно разсмапривать ихъ однихъ и ондѣльно онъ всего; тогда узнаемъ, что они казались великими и возвышенными единспивенно потому, что были разсмаприваемы совокупно съ окружа-

ющими ихъ предметами. — Когда же для разсмотрѣнія ихъ, мы ограничимся одною только ихъ особою, однимъ только собственнымъ ихъ имуществомъ и приведемъ ихъ, такъ сказать, въ истинную мѣру: тогда исчезнетъ весь оный суевный призракъ. Они богаты и украшены извнѣ, подобно снѣгамъ ихъ коммандъ; но внутри часто ничего болѣе не найдешь, кромѣ ничтожности, нищеты и бѣдности; а иногда наружный блескъ ихъ скрываетъ даже величайшія злодѣянія и позорнѣйшіе пороки.

Сенека говоритъ: Богъ не могъ лучше унизить всѣхъ сихъ вѣнчаныхъ благодѣльцевъ, составляющихъ предметъ нашихъ желаній, какъ надѣляя ими часто негодяевъ и злодѣевъ, и опуская въ шомъ обыкновенно людямъ дѣйствительно честнымъ. До чего бы сіи были доведены, если бы о нихъ судили по наружности? Сколько г. . истинное достоинство непознается и даже подвергается презрѣнію, потому что оно скры-

вается подъ незавидною одеждою и неблестательною наружностью.

Филопемей, одинъ изъ величайшихъ Греческихъ героевъ, который своими рѣдкими достоинствами споль много прославилъ Ахайскую Республику, и коего самые Римляне, изъ удивленія къ нему, называли послѣднимъ изъ Грековъ, — Филопемей обыкновенно одѣвался весьма просто, и часто ходилъ одинъ. Такъ пришелъ онъ однажды въ домъ пріятеля своего, пригласившаго его къ себѣ обѣдать: хозяйка дома, ожидавшая Полководца Ахайскаго, приняла его за слугу, и попросила его помочь ей на кухнѣ: ибо мужа ея не было дома. Филопемей снялъ съ себя плащъ, и началъ рубить дрова. Хозяинъ, возвращаясь въ эту минуту, и, увидѣвъ его, вскричалъ отъ удивленія: что это значитъ, почтеннѣйшій Филопемей? — „То, отвѣчалъ онъ, что я плачу за свою дурную наружность.“ — Сей примѣръ во-первыхъ научаетъ, что не должно судить о

людяхъ по наружности: ибо подъ про-
спіюю одеждою могутъ скрываться рѣд-
кія достоинства, подобно какъ подъ
драгоцѣнною великіе пороки; во-впо-
рыхъ: онъ показываешь намъ, что на-
добно имѣть гораздо болѣе твердоси
и силы ума, нежели какъ думаютъ,
чтобъ поспавишь себя выше народ-
ныхъ предразсудковъ и не проганысь
нимымъ стыдомъ, кошорый угодн
свѣту соединяшь съ проснымъ, бѣд-
нымъ и скромнымъ образомъ жизни...

Хотя *Сенека* былъ Философъ или хо-
титъ такимъ казаться, но имѣлъ нѣ-
сколько сего непрличнаго стыда, и
самъ въ шомъ сознавался, говоря, что
крестьянская телега, въ коей иногда
онъ ѣздилъ въ свой загородный домъ,
заспавляла его красѣвшись противъ
волн, когда въ семь экипажѣ встрѣ-
чался онъ на дорогѣ съ порядочными
людьми. Это, говорилъ онъ, есть вѣр-
ное доказательство, что я не искрен-
но убѣжденъ во всемъ шомъ, что гово-

рилъ и писалъ о преимуществахъ бѣд-
ной и умѣренной жизни. Кпо красѣешь
онъ крестьянской телеги, приба-
вляетъ онъ, имѣть высоко цѣнишь
великолѣпную колесницу; не смѣшь
же лвио объявить себя защитникомъ
бѣдности и посредственности, и быть
еще внимательнымъ къ сужденіямъ про-
хожихъ, значить — мало имѣшь усѣ-
ховъ въ добродѣтели.

Агезилай, Царь Лакедемонскій, въ семь
отношеніи былъ болѣе Философъ, неже-
ли *Сенека*. Спартанское воспитаніе содѣ-
ладо его твердымъ противъ сего предо-
судительнаго стыда. Фарнабазъ, прави-
тель одной Персидской провинціи, же-
лалъ заключить съ нимъ миръ, и свидѣ-
ніе ихъ было на открытомъ полѣ. Пер-
вый со всею пышностію и роскошью
Персидскаго Двора явился въ *лихой* пур-
пуровой одеждѣ, вышитой золотомъ и
серебромъ; по землѣ разостланы были
прекрасныя ковры, а для спавны по-
ложены богатшыя подушки. Но *Агезилай*

прибыль въ самой простой одеждѣ, и попросту сѣлъ на землю. Тогда пышность Персѣянина усныдилась сего, не могла выдержанъ таковой противоположности, и опала почтеніе простои Лакедемонца, подражаніемъ оной; ябо Агезиала окружало нѣчто гораздо блистательнѣйшее, нежели все золото и серебро Персидское, и дѣлало его почтеніе: и. е. его имя, слава, победы и ужасъ его оружія, приводившіе въ пренесть Персидскаго Царя.

Всѣмъ извѣстна знаменитая *Корнелія*, дочь великаго *Сципіона* и мать *Гракховъ*: въ Римѣ не было ни одной фамиліи знаменитѣе, и ни одного дома богаче ея; одна Кампанская госпожа, прѣхавъ къ ней погостинить, съ пышностію мыказала въ мощные и драгоценные уборы: золото, серебро, серьги, брильянты и проч., думалъ, что у такой знатной дамы найдется еще больше, и убѣдительно просила ее, показавъ себѣ туалеть свой. *Корнелія*

весьма искусно продолжала разговоръ до возвращенія дѣтей своихъ, которые были тогда въ школь; и какъ скоро они вошли: „воишь, сказала она, указывая на нихъ — мое убранство и мои драгоценности.“ Теперь можно спросить самого себя: что подумали бы другіе о сихъ двухъ дамахъ? и мы видимъ: сколь много благородная простоина одной превъншаетъ пышное великолѣніе другой. И дѣйствительно, какое достоинство и какой умъ въ томъ, чтобъ собирать посредствомъ денегъ множество драгоценныхъ камней, пышавшись ими и не умѣть ни о чемъ другомъ говорить! Напроще всего, какая сила ума, особенно для знатной женщины, поставивъ себя выше сихъ бездѣлокъ, полагать всю честь и славу въ хорошемъ воспитаніи своихъ дѣтей, не щадить для сего никакихъ издержекъ, и показанъ, что благородство и величіе души свойственны обоимъ полу!

Знаменитый Римлянинъ *Курій*, ко-
его послы Самнитскіе нашли въ бѣд-
номъ и маленькомъ домикѣ сидѣвшимъ
у очага и варившимъ коренья, съ не-
годованіемъ ошвергъ ихъ дары, сказавъ:
„ношъ, кто можетъ довольствоваться
такимъ обѣдомъ, не имѣешь нужды
въ золотѣ.“

Если пышность обѣдовъ и роскошь
стола могутъ доставить какую-либо
прочную славу: то Лукуллъ, Римля-
нинъ, въ свое время былъ величайшій
человѣкъ; но кто не виднѣтъ, кака
малость ума или какое безуміе поспа-
лять свою честь и славу въ увѣреніи
публики, что онъ всякой день употреб-
лялъ для одного себя чрезвычайныя и
напрасныя издержки? Когда же онъ при-
казывалъ, что бы столъ приготовленъ
былъ въ его Аполлоновой залѣ, то
однѣ обѣды долженъ былъ стоить до
50,000 драхмъ, (на наши ассигнаціи
25,000 рублей)!

Представляя съ одной стороны все,

что есть блистательнаго: богатство,
домашніе уборы, драгоценныя одежды,
роскошный столъ, а съ другой: бѣд-
ность, простоту, умеренность, скром-
ность, сопровождаемая поѣдами, прі-
умфами, Консульствами, Диктатор-
ствами и даже владычествомъ надъ
цѣлымъ свѣтомъ, — спрашиваю: ка-
кой споронъ, сообразно съ здравымъ
разсудкомъ, должно приписать благо-
родство и величіе, и къ какой изъ нихъ
должно возымѣть почтеніе и удивле-
ніе? Разрѣшишь это не трудно; и сіе-
ю естественное, а не изученное чув-
ство починаю я правиломъ, по кото-
рому должно судить объ истинной
славѣ.

Ревность.

Ревнивый человѣкъ очень жалокъ:
жизнь его проходить въ извѣдываніи
какого шансиства, котораго открытіе
только сокрушаетъ его благоденствіе.

Любови прстивиле всего невола.
Замѣчено, что въ такой землѣ, гдѣ
жены болѣе имѣютъ свободы, тамъ
благочестія и постоянства болѣе, не-
жели въ прочихъ.

Какая жизнь бѣдной супруги, кото-
рой каждое невинное движеніе изъ-
списанъ въ худую сторону! Какая
мрачность въ ея семействѣ! Сколько
поводовъ къ безпрерывнымъ ссорамъ и
враждамъ! Ужасная жизнь!

Ревность слѣпа больше, нежели всѣ
смыслы въ мірѣ. Самое невозможное сна-
новится ей вѣроятнымъ, а вѣроятное
— неизмѣннымъ.

Ревность есть излишество любви;
она происходитъ болѣе отъ гордости,
нежели отъ истиннаго чувства. Она ма-
лѣйшее подозрѣніе обращаетъ въ увѣ-
ренность.

Она часно начинается безъ причинъ;
а послѣ отъ того самаго и дѣйстви-
тельно ихъ имѣетъ.

Рѣдко можно найти такихъ мужей

ревнивыхъ, кои бы чрезъ свои глупыя
подозрѣнія и несогласіе съ женами сво-
ими не были современемъ такими, ка-
кими они опасались быть.

Любовь къ вольности сродна всемъ
пварямъ, и нѣтъ ни одной, которая
бы не вооружалась противъ хопящихъ
лишить оной.

Ревность мужчинамъ свойственнѣе,
нежели женщинамъ, — особливо не хо-
рошимъ, безобразнымъ и синарикамъ.
Всякой ревнивый мужъ долженъ имѣть
о себѣ худыя мнѣнія, въ противномъ
случаѣ онъ бы не былъ ревнивъ.

Ревнивая жена есть самое несчаст-
нѣйшее твореніе въ свѣтѣ; она му-
чится ежедневно, а отъ этого красота
ея и любезность скоро исчезають, и
если ревность ея не имѣетъ повода,
то она можетъ удалить отъ себя
мужа своего, который могъ бы быть
безъ того ей вѣрнымъ. Если же есть
причина ревности, то жена должна

обращать мужа своего къ себѣ крѣпостію, любовію и ласкою. Но когда не успѣешь она въ томъ, то, вмѣсто любви, вынграстъ по крайней мѣрѣ дружбу, необходимо нужную для семейственнаго благополучія.

Можно иногда подивиться равнодушію мужа къ вѣтреностямъ жены; но презрѣніе къ человѣку, скука надзора, миролюбіе и желаніе бытъ свободнымъ дѣлають многихъ философовъ.

Робость. Трусость.

Робость унижаетъ человѣка; она дѣлаешь существомъ слабымъ и болѣзливымъ совершеннѣйшаго изъ шварей, того, которому Всевышній даровалъ въ удѣлъ разумъ, свидѣтельствующій о превосходствѣ нашемъ надъ всеми земнородными. Смертный, спрахомъ одержимый, не способенъ къ важнымъ предпріяніямъ. Малѣйшій предметъ его пугаетъ; онъ боится даже шны

своей, и, сдѣлавшись робкимъ, проводитъ дни свои въ горестяхъ и безпокойствахъ.

Непрощительно родителямъ имѣть, при воспитаніи дѣтей, грубыхъ невѣждъ, которые охотно обременяють юное воображеніе самыми глупыми и нелѣпыми сказками. Они только говорятъ дѣтямъ о разбойникахъ, о хищныхъ звѣряхъ и о волшебникахъ, и часто пугають змѣемъ - горынычемъ, домовыми и мершвецами. Онѣ сей глупости дѣти осмѣются на цѣлый свой вѣкъ трусами, и не могутъ проходить черезъ шемную комнату безъ сопровожденія няньки; ночью же, онѣ скребенія мыши, волосы ихъ спановящаго дыбомъ, и никогда не могутъ они вкушать сладости сна, если возлѣ ихъ никто не будетъ спать.

Въ царствованіе Людовика XIV, Госпожа *Дезульеръ* пріѣхала однажды почевать въ нѣкоторый старинный замокъ, въ коемъ съ недавняго времени

одна изъ комнатъ оспавалась необы-
таемою, попому чпо (какъ говорили)
она была обезпокоиваема домовыми,
о коихъ повѣщивали ужасныя нелѣ-
пости. Имѣя мужественной и ошва-
жный духъ, сія знаменитая дама воз-
намѣрилась сама собою открыть со-
кровенную причину суетврія ея госпе-
прінмныхъ хозяевъ: она просила ихъ
неошешувно, сдѣлать одолженіе, поз-
воливъ ей одной провести ночь въ
той горницѣ. Хозяева употребили
всѣ свои усилія, чпобъ отперашить
ее опъ шого; видя же твердую
ея рѣшительность, они не могли
безъ сожалѣнія ее оставить, будучи
увѣрены, чпо опъ такой шутки
легко она попадетъ въ преисподнюю
ада. Сія благоразумная женщина спокой-
но заперла дверь за собою, и, поставивъ
подсвѣчникъ на столикъ, вскороспи
крѣпко заснула. Въ полночь внезапно
она пробудилась опъ громкаго стука,
раздавагоса опъ паденія столика, на

коемъ свѣча находилась, и опъ опро-
кинутыхъ креселъ: она слышншь
по комнатѣ шорохъ, слабые вздохи
касающаея ушей ея, занавѣсъ опдерги-
вается, и шотчасъ какая-то шяжесшь
опустилась на край ея кровати. Всѣ
другіе на ея мѣстѣ умерли бы опъ
страха; Г-жа же Дезульеръ привстала
на своей постели и въ шемношѣ, про-
пхнувъ руку, опупала чпо-то ко-
смапное, которое однакожъ ни мало
вреда ей не наносило. Не могши опга-
дать, чпо это значило, она оспалась
въ семъ положеніи до дневнаго свѣша,
съ которымъ могла различать пред-
меты. Какое же было ея удивленіе,
когда, раземопрѣвши поближе мнимое
чудовище, узнала, чпо то была боль-
шая и пресмирная собака, которая,
нѣсколько лѣтъ живучи въ замкѣ, на
ночь приходила спать въ оную комна-
ту. Тогда, Богъ знаетъ, какъ она смѣ-
лась надъ своими хозяевами, когда
они, шрепеща опъ страха, пришли

ЧТО СЯТЕЛЬНОСТЬ

ИЗДАНИЕ

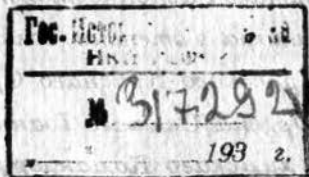
АЛЕКСАНДРУ НИКОЛАЕВИЧУ

Печатать позволяется:

съ шѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ шипографіи, представлены были въ Цензурный Комитетъ семь экземпляровъ сей книги, для препровожденія куда слѣдуетъ, на основаніи узаконеній.

С. Петербургъ, 14 Іюня 1823.

Цензоръ А. Вируковъ.

ЕГО СІЯТЕЛЬСТВУ

КНЯЗЮ

АЛЕКСАНДРУ НИКОЛАЕВИЧУ

ГОЛИЦЫНУ,

Дѣйствительному Тайному Совѣтнику,
Члену Государственнаго Совѣта,
Сенатору, Министру Духовныхъ дѣлъ
и народнаго просвѣщенія, Комиссіи
духовныхъ училищъ Члену, Главно-
наглавствующему надъ Подготовкой
Департаментомъ, Дѣйствительному
Камергеру, и Орденовъ Святаго Алек-
сандра Невскаго, Святыя Анны 1 сте-
пени, Святаго Равноапостольнаго Кня-
зя Владиміра 2 степени большаго Кре-
ста и Прускаго Краснаго Орла Кава-
леру и Ордена Святаго Іоанна Іеруса-
лимскаго Командору,

усердѣйше посвящаетъ

Князь Парекій Енгальчевъ.

похоти, опъ невоздержанія, гнѣва, мщенія и другихъ спрасшей, погубляющихъ насъ?

Религія не только предохраняетъ насъ отъ зла, но и предписываетъ намъ правила *добродѣтели*, сей обильнѣйшій источникъ истинныхъ благъ; повелѣваетъ намъ: хранить брацкую любовь другъ къ другу, какъ прилично дѣлать единому оица, хранить незлобіе, правоту, удалиться всякаго обмана и дѣлать все то, безъ чего не можемъ быть счастливы. А поному надобно называть насъ безумцами, если не уразумѣемъ, что Богъ чрезъ Свои божественныя заповѣди благоволилъ сообщить намъ то, что любовь Его устроила для нашего счастья. Сіе изслѣдованіе должно заставить Христіанина почувствовать несправедливость тѣхъ, которые, вмѣсто того, чтобы благодарить Бога за Его ошеческія о насъ попеченія, дерзають порицать Его за снргоетъ и

роптать на законъ, соблюденіе котораго, соснавляя наше счастье на землѣ, до ставитъ намъ и на небеса безконечное блаженство. Мы можемъ доказать нашу любовь къ Богу шролкимъ образомъ:

Во первыхъ, послѣдованіемъ Его заповѣдямъ; и шакъ раземотримъ дѣла наши.

Во вторыхъ, доказать любовь нашу къ Богу, можно: съ швердосію духа, изъ одной любви къ Нему, переносить весь бѣдствія жизни. Миръ наполненъ бѣдными и богатыми, знатными и низкими, много въ немъ пресыщающихся своимъ благополучіемъ и спенающихъ подъ бременемъ злключеній; Богъ же есть правитель всѣхъ сихъ обшпельствъ; и поному мы должны повиноваться Его предъопредѣленію, помнить, что ни что не бываетъ безъ Его промысла. Мы оскорбляемся, когда видимъ добродѣтель тѣснимою, а беззаконіе торжествующимъ; но Религія научаетъ насъ, что ежели праведный Богъ непускаетъ оный случай-

освѣдомилъся, жива ли она. Сія новость о собакѣ, почиваемой за домового, распространилась во всей окрестности, и смѣлошь женщины изцѣлила людей отъ безумной ихъ боязни.

Трусъ наноситъ поношеніе роду человѣческому; одно названіе пруса заключаетъ въ себѣ презрѣніе, смѣхъ и безчестіе.

Малодушіе есть обыкновенное слѣдствіе очень нѣжнаго воспитанія. Сія презрительная слабость свойственна людямъ, расположеннымъ къ роскоши.

С а м о л ю б і е.

Самолюбіе есть орудіе полезное, но опасное; часто оно поражаетъ руку пользующагося онымъ и рѣдко дѣлаетъ добро безъ зла.

Себялюбъ не можетъ быть ни истиннымъ другомъ, ни вѣрнымъ любовникомъ.

Самолюбіе небрежетъ о наибольшей части общественныхъ добродѣтелей.

Сварливость, брань, руганье.

Бранчивый человѣкъ есть скучное и неспокойное твореніе; онъ безпрестанно занявъ бываетъ шумомъ и крикомъ; горланичитъ, брюзжитъ на всѣхъ, и ссорится со всѣми тѣми, кои его окружаютъ. — Онъ иногда сердится и на то, что не имѣетъ причины сердиться ни на что.

Сей несчастливый нравъ происходитъ отъ худаго воспитанія.

Это есть невѣжество, не зная какъ предъотвратить ссору; это глупость, чтобъ къ себѣ привлечь ссору; это есть несчастіе, когда отъ оной не удаются: сказалъ *Руссо*.

С в о б о д а.

Свобода есть право человѣка поступать по своему благоусмотрѣнію во всемъ томъ, что не вредитъ другимъ людямъ.

Величайшее благо въ жизни — есть

свобода. Ничего не можешь быть прилипше ея. (*Стернъ*).

Тамъ нѣтъ добродѣтели, гдѣ нѣтъ свободы.

Тотъ единственно можешь быть свободенъ, кому для исполненія воли своей не надобно представлять къ своимъ рукамъ чужихъ (или: кто не имѣешь нужды въ чужихъ рукахъ).

С в о е в о л ь с т в о.

Своевольство есть злоупотребленіе свободы. Оно доводитъ до величайшихъ крайностей, нѣтъ болѣе, что своевольникъ не терпитъ обузданія — не знаетъ предѣловъ. Я сравню его съ нѣми разъяренными живописными, кои, не слушая болѣе гласа управляющаго ими, увлекаютъ за собою колесницу, въ конную запряжены, и не прежде ославляютъ ее, какъ совершенно разрушивши. — Оплакиваясь въ волю сирасшей, рѣдко мы возвра-

щаемся къ своей обязанности безъ какого-либо ужаснаго приключенія; а раскаяніе, приводящее насъ къ оному, есть строгій наставникъ. Сколь тяжело принимать тогда его уроки!...

С к р о м н о с т ь.

Скромность въ мужчинѣ драгоценна. Скромность въ женщинѣ безцѣнна.

Ничтожность рѣдко является безъ гордости или надменности; истинное же достоинство обыкновенно сопровождается скромностью. Сколько хвастовство насъ раздражаетъ и уязвляетъ, столько же скромность заставляешь насъ удивляться и почивать себя. Ею-то мудрый человекъ возвышается надъ безразсуднымъ, и сія добродѣтель навсегда будетъ принадлежать нѣмъ, коиные предпочитаютъ оную суешинымъ дѣламъ человеческимъ.

Канцлеръ *Баконъ*, одинъ изъ вели-

чайшихъ людей въ Англіи и гений своего вѣка, имѣть столько же скромности, сколько достоинствъ. Королева Елисавета, осматривая области свои, желала видѣть въ Редгревѣ сельскій домъ, построенный Бакономъ еще тогда, когда онъ не имѣлъ состоянія. Обозрѣвши оный, Королева сказала ему: вашъ домъ очень малъ, Г. Канцлеръ. — „Государыня! ошвыщивовалъ Баконъ, домъ мой былъ бы довольно великъ для меня; но Ваше Величество сдѣлало меня слишкомъ великимъ для моего дома.“

Англичане называли Императора Россійскаго АЛЕКСАНДРА I, по вступленіи Его въ Парижъ Александромъ Великимъ. Онъ ошвыщаль: „*Я не великій, а обыкновенный. Но велика у меня Россія, которою я имѣю счастье управлять; что сдѣлано, то все сдѣлано ею.*“

Нѣкто сказалъ сему же Императору: мы уже давно ожидали и желали прибытія вашего въ Парижъ. — „*Я бы*

и пришелъ ранѣе, ошвыщивовалъ Монархъ, по виною моей медленности была храбрость Французовъ.“

Ничто въ свѣтскомъ обращеніи столько не принадлежитъ къ хорошему вкусу, какъ скромность относительно къ себѣ и вниманіе относительно къ другимъ.

Какъ мила скромность, особливо если она соединена съ преимуществами, кошорыя не всякому даны въ удѣлъ!

С к у к а.

Скука есть ужаснѣйшая непріятельница человека. Она даже опаснѣе бѣдности; ибо сія перѣдко усаждается надеждою счастливой будущности или воспоминаніемъ минувшаго благоденствія. Она пугоспѣше печали; ибо человекъ можетъ противупоставить сей последней твердость характера, сознаніе внутренняго своего достоинства или непоколебимое упованіе на

Промыслъ. Скука напропивъ исключаетъ всѣ снѣ высокія чувства и, поселяя пустоту въ сердца, постепенно разрушаетъ въ насъ благородѣйшія нравственныя способности. — Люди, достигшіе по естествому высокой степени счастья, болѣе прочихъ подвержены скукѣ. Потребности и желанія, снѣ два источника жизненныхъ наслажденій, равно для нихъ истощаются. Пресыщеніе имѣетъ въ себѣ случаѣ одни послѣдствія съ единообразіемъ: оно портитъ вкусъ, переходя въ вѣлпныя и предосудительныя упомччнности, словомъ, порождаетъ скуку. Нѣкоторые стараются избѣгнуть ея преслѣдованій, кружась въ вихрѣ большого свѣта; но — чувствуютъ себя одинокими посреди блестящихъ собраній. Они забываютъ, что всѣ крайности имѣютъ одинакія послѣдствія. Скука земныхъ Владыкъ и вельможъ наносила нерѣдко горестную участь ихъ подчиненнымъ. Если бы

Неронъ умѣлъ проводить дни свои подобно *Титу*, то — для разеянія своей скуки — не прибѣгалъ бы онъ къ постыднымъ упомччнностямъ ширательства и разврата. Пожаръ Рима могъ быть пріятнымъ зрѣлищемъ для такой только души, въ коей господствовала ужаснѣйшая пустаа, обыкновенный плодъ пресыщенія и нравственной ничтожности!

Занятіе есть лучшее, можно сказать, единственное средство противъ скуки. Душа человеческая имѣетъ свои потребности, равно какъ и тѣло. Способности ея должны быть въ непрерывной дѣятельности; въ противномъ случаѣ приходятъ онѣ въ поспешное изнеможеніе и наконецъ совершенно угасаютъ. Одинъ Писатель справедливо сказалъ, что лѣность пролагаетъ обыкновенно дорогу скукѣ. Одни только праздные люди имѣютъ привычку жаловаться на скоротечность времени. День довольно долгъ для

ного, кто умѣетъ его раздѣлить и употребить съ пользою. — Спирити могутъ также служить для разсѣянiя скуки; но въ семь случаевъ лекарство бываетъ иногда опаснѣе самой болѣзни.

Скука и тупоумство суть исповѣдники всѣхъ пороковъ. Скука есть болѣзнь праздныхъ людей, протекшая отъ лѣности и бездѣйствiя. Люди, не занимающiеся полезными предметами и упражненiями, переходятъ отъ мучительной скуки къ роскоши и распутству; препровождаютъ день и ночь въ карточной игрѣ и пьянствѣ; распочая свое имѣнiе на разныя распутства, теряютъ свое здоровье, и влекнутъ жизнь несчастную, исполненную мучительныхъ и нестерпимыхъ болѣзней.

Трудолюбiе есть вѣрное лекарство отъ скуки; одни только дураки не умѣютъ найти себѣ занятiя; они-то по большой части подвержены сей болѣзни. Богатые и изобильные во

всемъ, заражающiеся иногда сею болѣзнию.

Скука производитъ тѣготу и слабость во всѣхъ частяхъ тѣла; препятствуетъ свободному обращенiю крови, и заставляетъ зѣвать; отъ сего соки, медленно обращаясь въ сосудахъ, накопляются во внутренности и препятствуютъ варенiю пищи и отдѣленiю питательныхъ соковъ.

Тягостное ощущенiе скуки погружаетъ въ задумчивость, глубокое унынiе, безумiе, и наконецъ влечетъ къ самоубийству. Ипохондрия, истерика и другiя нервныя болѣзни происходятъ отъ скуки.

Какое средство отъ скуки? Она слѣдуетъ за нами на балъ, въ театръ, на гульбище, за чайной столы; словомъ, нигдѣ не лѣзя укрываться отъ нее. Весьма справедливо, что это все не поможетъ. Но — есть одно средство, только не очень прiятное: *отправленiе какой-нибудь должности.*

С к у п о с т ь .

Что такое скупость? Произвольная нищета, соединенная съ заботами и презрѣніемъ. Это отвратительная спрасть, умерщвляющая въ насъ самыя благородныя и человеколюбивыя склонности. Она единственная порокъ, несовмѣстный съ великодушію, благошворительностію, великодушіемъ, человеколюбіемъ, довѣренностію и опкровенностію, съ прямою любовію и прямою дружбою, съ нѣжностію родительскою и привязанностію сыновнею.

Блудный — говоритъ Сенека — *терпитъ недостатокъ во многомъ, скупецъ во всемъ*. Скупецъ бесполезенъ для другихъ и въ тягость самому себѣ. Скупость умерщвляетъ въ насъ самыя благородныя и человеколюбивыя склонности; производитъ обманы, лхву и все извѣстное подъ именемъ любостыжанія.

Едва ли можно найти порокъ здравому разсудку пропившіе сребролюбія: ибо сребролюбецъ позоритъ честь, жизнь и душу свою, лишь бы только имѣть ему въ цѣлости свои сокровища, онъ конхъ онъ никакой другой выгоды не получаетъ, кромѣ одной муки онъ попеченія своего о нихъ, онъ безпокоится въ храненіи оныхъ, и онъ неправды, съ которою онъ ихъ спарается усугублять. Сей скрага мнитъ себя быть господиномъ своего имѣнія; а того не видитъ, что онъ самъ рабъ оного, имѣющій къ нему полъ великое уваженіе, что и конулся его не смѣешь. Онъ никого не любитъ, а за это и его никто: да, кажется, и самого себя онъ не любитъ. Чемъ больше сундуки его наполняются, тѣмъ паче умножается его скупость.

Онъ оставляетъ великое имѣніе своимъ наследникамъ, которые ничего въ свѣстѣ пакъ не желаютъ, какъ ви-

дѣть его скорѣе въ гробъ. Сколь велико такое безумство!

Есть такіе чудные скупяги, кои захотѣвъ умереть скорѣе онъ запору, нежели исплатить нѣсколько копеекъ на слабительное лекарство.

Скуной дѣлаешь одно только хорошее дѣло: когда умираешь.

Шапеленъ со многими достоинствами соединялъ гнусную скупость. Въ одинъ день вышедши изъ дому, чтобы явиться въ собраніе Академическое для полученія двухъ или трехъ жетоновъ, былъ онъ засниженъ бурей. Дождь по канавѣ текъ какъ рѣка; услужливые въ томъ мѣстѣ, гдѣ надобно было проходить *Шапелену*, положили дощечку, за переходъ коей просили однако самую незначущую плату. Но онъ не хотѣлъ заплачивать и выжидалъ, какъ промечетъ вода. Видя же, что уже было три часа, пустился въ воду по самое колено и перешелъ на другую сторону. Болсъ, чтобы въ Академіи

не узнали объ его поступкѣ, онъ не подошелъ къ огню, а сѣлъ подлѣ одного письменнаго столика, подлѣ котораго положилъ мокрыя свои ноги. Холодъ распространился онъ ногъ по всему его тѣлу; онъ получилъ простуду въ груди, онъ которой и умеръ. Послѣ его смерти оказалось наличныхъ денегъ 50,000 сѣмковъ!

Слабости, недостатки, погрѣшности.

Великое вниманіе, которое мы имѣемъ — замѣчать погрѣшности чужія, дѣлаешь то, что мы и умираемъ, не имѣя времени узнать свои.

Нѣтъ человека, который бы не имѣлъ своихъ недосыпковъ или слабостей. Неплучшій есть шотъ, который менѣе ихъ имѣешь.

Еслибъ мы не имѣли погрѣшностей, то не замѣчали бы ихъ съ болѣшимъ удовольствіемъ въ другихъ.

Слава истинная и величіе.

Добрая слава лежитъ, а худая блжитъ, говоритъ старинная Русская пословица.

Все, находящееся въ челоѣка, все, что могутъ имѣть общаго добрый и злый, не дѣлаетъ челоѣка почтеннымъ. Надобно судить о челоѣкѣ по сердцу: отъ него истекають великія намѣренія, дѣянія и добродѣтели. Истинное величіе, съ коимъ не можешь равняться гордость и коему не можешь подражать пышность, заключается шокмо въ личныхъ качествахъ и въ благородствѣ чувствованій. Быть добрымъ, благотворишельнымъ, уважать богатство только для того, чтобы раздавать его, почести — дабы служить своему опечесиву, — силу и довѣренность — дабы быть въ состояніи обуздывать порокъ и оказывать честь добродѣтели, быть истинно честнымъ челоѣкомъ, не стараясь такимъ казаться; предпочитать всему

общественное благо; жертвовать для него своимъ имѣніемъ и спокойствіемъ, своею жизнью и славою, если по нужно: вотъ что дѣлаетъ челоѣка великимъ и истинно-достойнымъ почтенія.

Осудили же честность онъ прекрасныхъ дѣланій и самыхъ почтенныхъ качествъ: что будутъ они, какъ не предмети презрѣнія? Излишнее употребленіе вина въ *Александрѣ* (Македонскомъ), убійство лучшихъ его друзей, ненасытная жажда похвалъ, тщеславное желаніе быть чинимымъ за сына Юпитера: все сіе дозволяетъ ли почитать сего Государя истинно-великимъ? — Когда видимъ, что *Марій* и *Силла*, для утвержденія своей власпи, проливають потоки крови Римскихъ гражданъ: то можемъ ли считать за великость все ихъ победы и триумфы?

Напрощивъ того, слыша, что Императоръ *Титъ*, когда въ одинъ день не случилось ему сдѣлать никому добра, воскликнулъ сіе изреченіе, содѣлавъ

ишея столь знаменнымъ: *друзья!* этотъ день у меня потеряю; а другій, *Неронъ*, которому когда привесли подписать смертный приговоръ, сказать: желательнѣе бы мнѣ, чшобъ на сей разъ не умиль я писашъ; когда *Сципионъ* еще въ юности мужественно преодолявалъ любовь, страсть, почти всѣхъ покоряющую; когда Трибунъ народный, извѣстный врагъ сего самаго Сципиона, съ жаромъ защищаетъ его противъ несправедливыхъ обвинителей и злоумышленниковъ его; когда, говорю, читаемъ въ Истории о какихъ-либо дѣяніяхъ щедрости, великодушія, безкорыстія, милосердія, забвенія обидъ: шо можемъ ли ошказать имъ въ почтеніи и удивленіи, и одно о нихъ повѣствованіе не прогаешъ ли сердца нашего! Когда читаешъ о знаковыхъ дѣяніяхъ, шо можно ли, говорю, противиться впечатлѣнію, производимому ими надъ сердцемъ! Сей-шо глаголю и сіе-шо свидѣтельство совѣсти

справедливой, здравой, чистой и еще неспорченной худыми началами и примѣрами, должны составлять правило нашихъ сужденій и какъ бы основаніе прочной славы и истиннаго величія. И такъ должно быть внимательнымъ къ сему глаголю, и во всемъ съ нимъ соизмѣняться и сообразоваться.

Великій человекъ въ счастіи отличается умѣренностію, въ несчастіи равнодушіемъ, въ трудностяхъ благоуміемъ, въ опасностяхъ бодростію, въ вѣрѣ благочестіемъ.

Одушевлено ли добродѣтелию его сердце. Тогда желанія его непорочны, надежды небесны, любовь къ Богу истинная, человеколюбіе безъ лицепріятія, искренность безъ лести, благоговенія безъ величавости.

С м ѣ л о с т ь.

Бываютъ случаи, въ коихъ пылкой человекъ долженъ жертвовать самимъ собою; на такой случай *Овидій* сказалъ: *отважнымъ счастье помогаетъ*; но — лучше не всегда держаться сего мнѣнія.

Сколько страхъ дѣлаетъ насъ малодушными, столько же благоразумная смѣлость возвышаетъ существо наше. Ею побуждаемъ мы всѣ преніяспія и возбуждаемъ въ другихъ удивленіе и уваженіе къ себѣ. Поддерживаемый смѣлостью, не подчиняемся превращеніямъ свѣта. Будучи нечувствительны къ ударамъ судьбы, всю славу полагаемъ онъ въ томъ, чтооь превозмогать суровость онъ, такъ, что, (по словамъ одного славнаго стихотворца,) когдабъ разрушился весь міръ и покрылъ его развалинами свои, то и тогда не возмущился бы онъ въ духъ своемъ.

Смѣлость усугубляетъ силу; производить изумленіе и ужасъ, которые ослабляютъ и уничтожаютъ сопротивленіе. Вотъ рѣшеніе загадки, предлагаемой всеми важными происшествіями, на театръ міра случившимися! Для счастливаго исполненія трудныхъ и опасныхъ предпріятій, часто стоить намъ только увѣрить людей, что мы починаемъ себя въ состояніи совершить онъ.

С о в ѣ с т ь.

Совѣсть — цѣннѣе нашихъ поспунковъ, непреклонный судія нашихъ дѣйствій, законъ для нашей нравственности, награда наша и казнь, высочайшая, божественная способность, которая даетъ намъ право думать, что человекъ есть искра свѣта вѣчнаго, отраженіе высочайшей Мудрости и Истины.

Совѣсть есть голосъ сердца.

ный развратъ, но конечно имѣеть на то Свои тайныя причины, которыя некогда и намъ откроются. Блаженъ поитъ, который, среди скорбей своихъ, не теряетъ изъ виду Бога, любящего руку, его наказующую, и, исполненъ будучи упованія на Него, надѣется, что скорби его вознаградишь утѣшеніемъ! (*) Удовольствія насъ усыпляющъ, и скорби для человека необходимы, дабы возбуждашь его и напоминать ему, что міръ сей не есть обитель блаженства.

Въ претѣхъ, любить ближняго, какъ самаго себя. Таковое правило Иисусъ Христосъ и Его Апостолы часто напоминали, предписывая намъ — любить даже враговъ и шворить добро ненавидящимъ насъ.

Божественный Спаситель подаѣ

(*) Лучше уповать на Господа, нежели надѣяться на человека. Имя: Благо есть надѣяться на Господа. (Псалтирь, Псал. СХVII, см. 8). Надежда на Бога никогда не шидеши.

намъ Собою примѣръ всехъ добродѣтелей, и повелѣть намъ научаться отъ Него быть крошкими сердцемъ, дабы обрѣсти истинный покой душамъ нашимъ. Какой же миръ, какое спокойствіе могутъ имѣть нѣ, которые дышатъ одною гордостью? Они всегда недовольны и другими и собою; и когда человекъ смиренный привлекаетъ къ себѣ сердце каждаго, тогда горделивецъ оснаетъ въ презрѣніи у всехъ. Богъ повѣдалъ намъ, что Онъ прошивши гордымъ, смиреннымъ же даетъ благодать. — Смиреніе есть главнѣйшая Христіанская добродѣтель. Пусть гордецъ скажетъ намъ: „можешь ли онъ избѣгнуть наказанія Небснаго, гнѣва Царскаго, болѣзней и бѣдъ свѣй, который сунъ удѣлъ земнородныхъ?“ Если же и онъ подверженъ имъ, какъ прочіе люди, то что жъ онъ такъ надменно возноситъ чело свое? — Христіанинъ, постоянно умерщвляющій эго-

Нѣкто сказалъ: спокойная совѣсть, здоровье, деньги суть при вещи необходимыя для счастья нашего.

Мы имѣемъ надъ собою два судилища, коихъ миновать невозможно: совѣсть и сужденіе свѣта. Впрочемъ ошъ людскихъ пересудовъ можно укрыться, но куда убѣжишь ошъ совѣсти?

Спокойствіе душевное.

Истинное благополучіе состоитъ въ спокойствіи душевномъ и въ здравіи тѣлесномъ.

Первѣйшее изъ благъ человеческихъ — спокойствіе, сей сладостный миръ души, котораго люди понимаютъ не могутъ, сіе чувство возвышенной дружбы, которая нищается уединеніемъ, замѣняетъ для человѣка все на свѣтѣ, украшаетъ, увеличиваетъ всѣ удовольствія.

Та душа единственно можетъ быть

спокойна, которая живетъ надеждою на Провидѣніе. (*Лафатеръ*).

Попустительная воля Божія, безъ коей никакая напасть намъ приключиться не можетъ, всегда должна быть починаема, и вести насъ къ тому, чѣмъ мы признавали себя довольными нашей участью; а разумъ учить: что всякое колебаніе духа бесполезно, когда зло неизбѣжно. — Ошъ непереносимости нашей не можетъ премѣниться участь: въ такомъ случаѣ несравненно лучше, покоряясь промыслу Божію, утѣшаться надеждою, что какъ все на океанѣ жизни подвержено перемѣнѣ, то и несчастье также имѣетъ свой конецъ.

Спокойствіе душевное пріобрѣтается единственно непорочною жизнью.

Надобно жертвовать всѣмъ — для спокойствія душевнаго.

Хотите ли знать двѣ жесточайшія болѣзни душевныя? Это — желаніе не-

возможнаго и нечувствительность къ страданіямъ ближнихъ.

Кто съ наступленіемъ каждаго вечера съ радостію воспоминаетъ прошедшій день, тотъ въ полной мѣрѣ наслаждается жизнью.

Лбедники, суяги, волокшны, плушны, бездѣльники, ревнивые, скупые, честолюбцы и игроки не знаютъ покоя.

Спокойствіе пріятно наиболѣе послѣ трудовъ.

Все то не достойно нашего старанія, что ни мало не способствуетъ спокойствію духа.

Ни одна душа на землѣ не наслаждается совершеннымъ спокойствіемъ; ибо всякая обременена грѣхами.

С т р а с т и.

Sponsa cuique sua est. У всякаго своя страсть. Въ каждомъ человѣкѣ одна изъ страстей бываетъ господствующею и побуждаетъ другія.

Удержись отъ страстей. Огненные

страсти, сказалъ одинъ Англичанинъ, суть курьеры жизни: съ ними не долго ѣхать до кладбища.

Молодые люди не имѣютъ недосып-ка ни въ умѣ, ни въ опытности: ихъ глупости и заблужденія происходятъ не отъ невѣжества; но страсти ихъ заставляютъ молчать разсудокъ и за-бывать уроки опытности. Напрасно прошедшія поколѣнія даютъ уроки грядущимъ: страстные войны, гибельныя революціи всегда будутъ свирѣпствовать на землѣ, на которой чело-вѣческія страсти до окончанія вѣковъ будутъ волноваться.

Престѣченіе страстей даетъ долго-денствіе, а вихри мірскихъ наслажде-ній быспро подвигаютъ насъ ко гробу.

Питаешь страсти — то же что опи-кармливать дикихъ коней: рано или поздно разшибутъ они въ дребезги ко-лесницу нашу.

Сильныя страсти никогда не ведутъ къ счастью.

Страсть къ вину, запой.

Сей подлый, презрительный и гнусный порокъ происходитъ отъ употребленія хлѣбнаго вина, то есть сивухи и ерофенча; и для того должно убѣгать его, какъ яда.

Медики не переставали провозглашать противъ гибельныхъ вліяній сего напитка на здоровье народное; но ихъ старанія почти всегда оставались тщетными. Градоначальники въ Лондонѣ, изыскивая причину ощущительнаго уменьшенія новорожденныхъ, въ 1725 году, приписывали оную злоупотребленію крѣпкихъ напитковъ. — *Фальконеръ* полагаетъ, что безплодіе браковъ происходитъ отъ сей же причины, и по его исчисленію, изъ 20,000 крестинъ уменьшилось до 14,000.

Вино сдѣлалось нынѣ необходимою въ классъ рабочаго народа, и оно даже имъ полезно, когда употребляется съ умѣренностію; развѣ только усовер-

шенствуя воспитаніе нравственное, можно надѣяться испребленія сего зла, или по крайней мѣрѣ умѣренности въ ономъ.

Надобно быть оспорожну въ употребленіи и водки, ибо многое употребленіе ея разстроиваетъ пищеварительныя силы желудка. Очень крѣпкая водка можетъ сдѣлать воспаленіе въ желудкѣ. Обыкновенное употребленіе ея, хотя бы и умѣренное, припугиваетъ чувствительность органовъ желудочныхъ, дѣлаетъ шверждыми перепонки желудка, повреждаетъ соки, и, наконецъ, уничтожаетъ всю чувствительность. Люди, пьющіе много водки, теряютъ аппетитъ, вскорости получаютъ завалы, и погибаютъ отъ водяной болѣзни. Ежедневное употребленіе водки внутрь очень вредно.

Всѣ наливки съ водкою и ликёры имѣютъ одно свойство, какъ и водка, и ихъ можно назвать подкрашеннымъ ядомъ.

Вино хлѣбное (или сивуха) производить сначала шеплошу, бодрость и охоту къ пицѣ; но вскорѣ попомъ слѣдуетъ въ лицѣ блѣдность, сонливость и нечувствительность. Оно легко можешь произвесть запой. Всѣ славные пьяницы сдѣлались таковыми отъ употребленія хлѣбнаго вина и ерофеича, и попому счастливыи попомъ, кшо не начиналъ пить его!

Алберти доказалъ ясно, что пьянство прешаствуетъ умноженію народа. Древніе мудрые законодатели строга наказывали за пьянство, уповашельно по сему причинамъ.

Всѣ спиритные напитки раждаютъ въ насъ оспрошы, накомжны болѣзны, искусственную старость, кашель, спитсненіе въ груди, припадкы въ легкыхъ, водяную болѣзнь и — что всего хуже — ужасное припуленіе чувствъ какъ съ физической, такъ и нравственной стороны. Душа у пьяницъ не бываетъ чувствительна ни къ чему чест-

ному, великому, изящному или доброму, но только и единственно — къ вину!

Я ничего не знаю, что могло бы такъ унижать человека и рождать въ немъ полный характеръ самаго безчувствительнаго скопства, какъ частое и неумѣренное употребленіе вина. Другіе пороки оставляютъ еще нѣкоторую надежду къ исправленію, но сей погубляеть въ конецъ и безъ всякаго спасенія. — Государство погибнетъ, когда порокъ сей учинится въ немъ всеобщимъ; ибо овый неупотребленъ совершенно прилѣжаніе, добродѣтель, честволюбіе, умѣренность и нравственное чувство — подпоры, безъ которыхъ государство существовать не можетъ. Пешория доказываетъ, что со времени введенія между дикими народами вина, попомъ началась эпоха крапковременной ихъ жизни и слабости, и что сей даръ больше покорилъ ихъ Европейцамъ, нежели огнеспрѣльный порохъ и пушки.

Страсть къ завоеваніямъ и побѣдамъ.

Какъ безразсудна та слава, для коей шѣсенъ цѣлый свѣтъ! Она обыкновенно основана токмо на честолюбіи, жадности къ корысти, несправедливости и жестокости. — Однажды Александръ Македонскій спросилъ у взятаго имъ морскаго разбойника: какое право имѣешь онъ нападать на проѣзжающія суда? — „Такое же, отвѣчалъ „съ свободою гордостию разбойникъ, „какое имѣешь ты грабить свѣтъ. „Но поелику я разѣзжаю для этого „на маленькомъ кораблѣ, то меня называютъ разбойникомъ, а тебя, который употребляешь къ тому большой флотъ, величаютъ именемъ завоевателя.“ — У Александра Великаго честолюбіе превращалось въ безуміе, храбрость въ несиновство. — Къ числу ненасытныхъ честолюбцевъ и завоевателей принадлежатъ также:

Наполеонъ Бонапарте. Мысль, содѣлавшая всесильнымъ, истребила въ немъ всякое попеченіе о жизни и благоденствіи цѣлыхъ миллионъ людей, коихъ приносилъ онъ на жертву своему честолюбію. Сія - то пагубная страсть была источникомъ исполненныхъ его предпріятій, цѣлые годы потрясавшихъ и истощавшихъ вселенную.

Страсть къ азартнымъ играмъ.

Нѣтъ ничего гибельнѣе, какъ стремленіе къ азартнымъ играмъ. Игрокъ, вмѣсто ожидаемаго богатства, часто находитъ бѣдность, и ужасное опечаленіе бываетъ праведною казнью его безразсуднаго бышенства.

Предметъ азартной игры состоитъ въ разореніи ближняго или самаго себя. Обыкновенно же за картами проигрывающъ и деньги и время.

Когда благоразумный человѣкъ при-

нужденъ бываетъ играть, — по потерѣ и выигрышъ для него одинаковы. Онъ внимателенъ къ игрѣ, но не пристрастенъ; онъ играетъ равнодушно и не на большую сумму; — онъ игрокъ добрый и благородной. Всегда веселый и даже при проигрышѣ, онъ не скажетъ грубости, ни язвительной насмѣшки. Онъ не упоренъ въ защитѣни своихъ правъ, и любитъ лучше уступить своему сопернику, нежели сдѣлать ошибку, утверждая свою справедливость. Онъ даже великодушенъ не изъ тщеславія, но по благородному качеству души.

Судьбы. Предразсудки.

Какъ много можно видѣть пакихъ людей, кои съ умомъ, благочестіемъ и набожностію, не могутъ безъ содроганія думать о смерти; другіе блѣднѣютъ отъ того, когда за столомъ обѣдаютъ 13 человекъ, или видѣвши нѣ-

которые сны, или за столомъ опрокинувъ солонку. Спрахъ всѣхъ сихъ пусыхъ предзнаменованій есть грубый остатокъ отъ идолопоклонства.

Многіе почитаютъ знакомъ счастья — *родиться въ сорочкѣ*, или перепонкѣ, въ коей нѣкоторыя дыши рождаются на свѣтъ. Число тринадцать приводитъ въ ужасъ иныхъ. Просыпанная соль, ножъ и вилка, накресленные лежащіе; крикъ ворона на кровлѣ или вой собаки подъ окномъ — почитаются знаками неминуемаго несчастья. Искра на свѣщильнѣ означаетъ письмо или посѣщеніе. Въ Англіи и во Франціи никто не поѣдетъ въ дорогу, не начнетъ никакого дѣла, даже не перевернетъ перины въ пачинцу, какъ у насъ въ понедѣльникъ. Въ обихѣ сихъ земляхъ вѣрятъ снамъ, привидѣніямъ, колдовству; даже наши Кіевскія вѣдьмы, съ ихъ метлами, существуютъ тамъ въ воображеніи народа, только подъ другими именами. Кажется, что

просвѣщеніе въ нашемъ мірѣ осуждено на непрерывную войну съ предразсудками и суевѣріями.

Суетность жизни человѣческой.

Увы! Нѣтъ ничего прочнаго, или постояннаго подлѣ луною! Все представляеть бренность суеты подлуннаго міра.

Соломонъ, славнѣйшій изъ Царей и благополучнѣйшій по наружности, которій наиболее соединялъ и изощралъ всѣ роды наслажденій, утѣхъ, славы, богатства, знаній, Наукъ, по торжественномъ исчисленіи всего того, говорилъ: *все суетно подлѣ солнцемъ, суета суетъ, и вслчская суета!*“

Императоръ Селтимій *Северъ*, чувствуя, при смерти своей, суетность всего величія человѣческаго, приказалъ принесть къ себѣ урну, въ которой заключень будеть прахъ его, и, увидѣвъ ее,

возялъ въ руки и сказалъ: „Малая урна! и шакъ ты заключишь въ себѣ того, котораго цѣлый міръ не могъ удовольствоваться! Я былъ все, и все это есть ничто.“

Вотъ нѣкоторые мѣста изъ священныхъ пвореній Царя *Давида*, спольживо изображающаго бренность суетной жизни человѣческой:

„Видѣхъ человека превозносящася, яко кедры Ливанскіе, и мимо идохъ, и се не бѣ.“

„Внегда умреша ему, не возьмешъ вся, ниже снидешъ съ нимъ слава его.“

„Суетны сунъ помышленія человѣческая; тщетно предпринимають; Богъ располагаетъ по волѣ Его.“

„Не надѣйшеся ни на Князи, ни на сыны человѣческіе, въ нихъ же нѣсть спасенія. Изъидешъ духъ его и возвратится въ землю свою; въ той день погибнуть вся помышленія его.“ (Не смотря ни на пышность свѣтлости, ни на силу знанности, ни на блескъ сокровищъ)

внщъ, смерть разитъ внезапнымъ ударомъ. Онъ не даетъ имъ времени довершить благодѣяніи своихъ дѣлъ, кому добра желаютъ, ни удовлетворить ихъ, предъ кѣмъ чувствуютъ себя виновными).

Человѣкъ, упоенный величіемъ и роскошью, баюясь счастья, надѣется на свои силы: блескъ счастья умножаетъ его суестьность: но спрашивается, ужасенъ день, когда смерть постигнетъ сего пресупнаго счастливица, обремененнаго беззаконіями.

Горацій въ Одѣ своей: *Къ Сестію на возвращеніе весны*, говоритъ: „Блѣдная смерть безъ различія стучитъ въ двери пастушьей хижины и царскихъ чертоговъ.“

С т а с т і е.

Истинное достоинство человѣка не происходитъ отъ разума, дарованій и счастливейшихъ способностей въ Наукахъ; сіи суть чистые дары, ко-

торые получаютъ въ снѣжахъ своемъ подлинную цѣну рачительностію его о усовершеніи ихъ и добрымъ оныхъ употребленіемъ. Но то достоинство, которое свойственно ему болѣе всякаго другаго, безъ коего онъ не можетъ обойтись, въ какомъ бы званіи ни былъ, и съ которымъ соединено подлинное уваженіе, происходитъ отъ здраваго смысла, сколько можно человѣку просвѣщенія и образованія его; отъ качествъ сердца, кои суть въ человѣкѣ драгоценнѣйшее сокровище; отъ дѣятельнаго исполненія его должностей, отъ любви къ порядку и ко благу, и отъ всего, образующаго нравственную красоту.

Наконецъ, одинъ изъ предметовъ, о коихъ весьма нужно имѣть истинныя понятія, есть *благополучіе*, или *счастіе*. Я не говорю о томъ совершенномъ благополучіи, которое можно найти только въ будущей жизни и всецѣломъ обладаніи самимъ Богомъ.

Религія дасть намъ лучше чувствовашь надобность онаго и подасть надлежащія средства къ достиженію его. Но говорю теперь о томъ счастьи, къ которому человекъ въ здѣшней жизни способенъ быть можешь. Всѣ люди ищущъ его, но весьма не многіе знаютъ, въ чемъ оно состоитъ, а еще менѣе стараются снискивать оное. Поспавляютъ его по большей части въ шакомъ добрѣ, которое имѣетъ только видъ онаго; которое, не заключа въ себѣ ничего твердаго и прочнаго, приноситъ только мгновенныя радости, и вообще болѣе причиняетъ мученія и безпокойства, нежели истиннаго удовольствія. Одинъ Спихопворецъ сказалъ: „Радость скорошечна и веселіе обманчиво.“

Платонъ весьма хорошо опредѣлилъ счастье, говоря, что оно непрестанно возраждается, но никогда не существуетъ: а попому лучше егождать, нежели искать.

Никакое счастье непродолжительно, говоритъ *Овидій*.

Подлинно счастья не соспавляетъ нѣсколько минутъ, но всё печеніе жизни и твердое состояніе удовольствія и мира.

Не утѣхи, на примѣръ, приводятъ душу нашу въ пріятное и мирное состояніе; онѣ выводятъ ее изъ себя невольнымъ образомъ, и мы испытываемъ тогда, что не имѣемъ спокойствія, и что не достаемъ намъ многого, чшобъ быть счастливыми. Самое продолженіе утѣхъ упомяненъ и производитъ пресыщеніе и скуку. Всегдашняя утѣха не есть утѣха, говоритъ *Вольтеръ*. То же бываетъ и съ пѣмъ удовольствіемъ, какое мы находимъ, когда что льстимъ нашей суешности. Оно скоро исчезаетъ, такъ какъ и все, зависящее отъ мнѣнія людей. Какое намъ утѣшеніе отъ того, что они превозносятъ наше богатство, дарованія и преимущества, завидующъ

намъ и осыпающъ насъ похвалами, ежели мы внутренно чувствуемъ себя недовольными собою? Къ тому же много въ жизни бываетъ непріятныхъ случаевъ, искушеній, противорѣчій и превращеній. Чтожъ дѣлаемъ удовольствія наши чистыми и прочными, сколько можно въ здѣшней жизни? что предосудительнѣе насъ онъ мученій, или сдѣлаемъ ихъ намъ не столько горькими? однимъ словомъ, что болѣе, поддержишь удовольствіе и покой души нашей, среди превращеній и въ самыхъ непріятнѣйшихъ и опаснѣйшихъ обстоятельствахъ? Собственное свидѣтельство, что мы находимся въ порядкѣ, не имѣемъ ничѣмъ себя упрекнуть, дѣлаемъ и сдѣлали все по благо, какое намъ было возможно; дѣлательное исполненіе нашихъ должностей и всѣхъ добродѣтелей, намъ свойственныхъ, честный вкусъ, кроткія и порядочныя склонности; упражненія, соотвѣтствующія знанію нашему, а болѣе всего

Религія, которая не только очищаетъ наши пристрастія и удовольствія, но облегчаетъ наши бѣдствія, часто предупреждая оныя, и, когда они неизбежны, представляетъ существенныя и пріятнѣйшія вознагражденія въ избиваемомъ нами жребіи и въ самыхъ ихъ благахъ, которыя они, при помощи ея, намъ доставляютъ.

Хотите ли быть счастливыми? Учинись одному, *т. е. благоразумно желать.*

Самое вѣрное средство быть счастливымъ, есть согласованіе съ Nature.

Первѣйшее благо на свѣтѣ есть счастливая незвѣстность.

Всѣ блага человека состоятъ въ здравіи, спокойствіи душевномъ и въ имѣніи всего нужнаго.

Требуемый онъ счастія токмо нужнаго, полученіи онъ него часно и лишнее.

Кто не умѣетъ наслаждаться па-

намъ свой, лепишь на крыльяхъ къ совершенству.

Нѣтъ ни добрыхъ друзей, ни добрыхъ слугъ, кромѣ тѣхъ, которые боялся Бога и поступающъ по правиламъ Религiи.

Христiанинъ не смущается неудачами. Кому же все удавалось? Ни тебѣ, ни мнѣ, ни никому кому на землѣ. Но онъ увѣренъ, что нѣтъ въ свѣтѣ человека, который бы не имѣлъ какого-либо прискорбiя или огорченiя, хотя бы онъ былъ Государь.

Кто не боялся Бога, тотъ не можетъ быть ни добрымъ прiятелемъ, ни добрымъ слугою, ни добрымъ опцемъ, ни добрымъ сыномъ. Кто не вѣруетъ Богу, можетъ ли быть вѣренъ вамъ? Человекъ, не боящiйся Господа, не можетъ быть ни чѣмъ обузданъ, какъ скоро спрассъ или корысть овладѣетъ имъ. Кто сохранился отъ слуги, когда корыстолюбiе завлечетъ его къ пайному умыслу, въ надеждѣ скрыть оный, —

если собственная его совѣсть и спрахъ Божескаго наказанiя не удержатъ его? Можете ли вы вѣрить ваши пайны и честь вашего дома человеку, преданному спраслимъ и немнѣющему Религiи, которая одна способна обуздывать оныя? Можете ли надѣяться, чтобы онъ пожертвовалъ вашей пользѣ своими выгодами или склонностями?

Хотите ли быть добрыми? Водитесь съ добрыми людьми. Желаете ли, чтобы семейство ваше было добронпорядочно? Не впускайте въ оное людей, вводящихъ безпорядокъ. Хотите ли имѣть вѣрныхъ слугъ? Избирайте ихъ между боящимися Господа. Желаете ли имѣть друзей искреннихъ? Ищите ихъ между любящими и чтущими Религiю. Чтобъ быть добрымъ во всякомъ случаѣ, надобно быть добрымъ Христiяниномъ. Одинъ токмо истинный Христiянинъ можетъ быть вѣрнымъ и честнымъ во всѣхъ обстоятельствахъ.

Истинный Христiянинъ соединяетъ

сполчимъ, кто безпокоился о прошедшемъ или будущемъ; пошъ добровольно уклонился отъ счастья.“

Ты можешь скрывать свое счастье; но, избегая зависти, не возбуждай и напраснаго сожалѣнiя.

Всѣ мы ищемъ счастья, но есть ли хотя одинъ изъ насъ, который бы съ увѣренностію могъ сказать: я нашелъ оное? Одни полагаютъ его въ богатствѣ, другіе въ чувственныхъ удовольствіяхъ. Спранное обольщеніе слѣпыхъ смертныхъ! Не насыпишься око зрѣніемъ, а душа богатствомъ; но найми оное зависишь отъ насъ: будь доволенъ, чѣмъ владѣешь; не безпокойся желаніями, и легко будешь доволенъ.

Неутомимость и терпѣніе нужны для снисканія счастья.

Нѣкто сказалъ: три вещи необходимы для счастья: спокойная совѣсть, здоровье, деньги.

Возможное земное счастье состоитъ

въ дѣйствіи врожденныхъ склонностей, покорныхъ разсудку — въ нѣжномъ вкусѣ, обращенномъ на Природу — въ хорошемъ употребленіи физическихъ и душевныхъ силъ. Безпрестанное наслажденіе также невозможно, какъ безпрестанное движеніе; машину надобно заводить для хода, а работа заводитъ душу для чувствованія новыхъ удовольствій. Быть счастливымъ, есть быть вѣрнымъ исполнителемъ естественныхъ мудрыхъ законовъ; а какъ они основаны на общемъ добрѣ и противны злу, то быть счастливымъ есть *быть добрымъ.*

Напрасно человекъ думаетъ найти счастье въ исполненіи всѣхъ желаній: одно рождаетъ другое, и эта цѣпь безконечна. Но положимъ и то, что всѣ они исполнились; напримѣръ: сей человекъ страстно влюбленъ въ прекраснѣйшую и достойнѣйшую дѣвицу; ея сердце, ея рука, сдѣлаютъ его совершенно блаженнымъ, по его словамъ;

пусть Судьба соединитъ ихъ: онъ скоро увидитъ, что супруга хопя очень мила, однакожь не мѣшаетъ желанію еще другихъ пріятностей въ жизни; онъ пожелаетъ быть богатымъ, и богатство нечетъ къ нему рѣкою; онъ захочетъ быть первымъ умникомъ въ свѣтѣ и получить бы разумъ Фенелона, Вольтера, Руссо; онъ захочетъ еще славы героя, лавровые вѣнки лепить къ нему на голову; онъ дойдетъ до послѣдней границы возможностей; осыпанъ всеми дарами Природы и Фортуны; всѣ нервы его пренесутъ въ живѣйшемъ восторгѣ.... Но что же? восторгу его, по свойству, образованію души человѣческой, минуна онъ минуны должно ослабѣванію; каждая секунда уноситъ съ собою нѣкоторую часть его способности наслаждаться; въ каждое мгновеніе умираетъ, такъ сказать, его счастье: нѣтъ предмета для надежды! онъ имѣетъ все, кромѣ.... блаженства.

Какія бы кто ни пріобрѣлъ познанія, всегда будетъ желать съ жаромъ — научиться еще болѣе. Когда бы кто завладѣлъ всѣмъ земнымъ шаромъ безъ сопротивленія, тотъ вѣрно почувствовалъ бы себя способнымъ наслаждаться блаженствомъ гораздо совершеннѣйшимъ. Вотъ ясное доказательство безмерности души.

Руссо сказалъ: „Еслибъ я не имѣлъ другихъ доказательствъ о безмерности души, какъ только торжество злыхъ людей и приписаніе добродѣтельныхъ на семь свѣтѣ, то это одно воспріятствовало бы мнѣ въ томъ усомнишься.“

Мы часто видимъ въ мірѣ семь, что беззаконные провождаютъ и оканчиваютъ жизнь свою въ изобиліи и счастіи, а добродѣтельные не рѣдко живутъ и умираютъ въ убожествѣ и бѣдствіяхъ: правосудію же Божию не вмѣстѣ ославивъ безъ награды добрыхъ, и безъ наказанія злыхъ; слѣд-

ственно должна быть другая жизнь по смерти, въ которой всякъ получитъ достойное по дѣламъ своимъ воздаяніе.

Нѣтъ счастья на землѣ безъ добродѣтели, безъ дѣятельности и разнообразія жизни общественной.

Мудрый и благоразумный человѣкъ не бѣгася за счастьемъ, но онъ самъ себя оное доставляетъ; ибо оно у него въ рукахъ.

„Еслибъ мы желали только быть счастливыми, (сказалъ *Монтескьё*,) то сего можно бы скоро достигъ; но многіе хотѣли быть счастливыми другихъ, а это почти всегда затруднительно и невозможно, потому что мы починаемъ другихъ гораздо счастливѣе, нежели каковы они въ самомъ дѣлѣ.“

Счастье не соединяется съ достоинствомъ и съ превосходными качествами, какъ бы опасаясь быть привужденнымъ отдавать имъ преимущество.

Счастье приращетъ обыкновенно гор-

достъ людямъ малоумнымъ или глупаго воспріиманія.

Человѣкъ долженъ быть творцемъ своего благополучія, приводя страсти въ счастливое равновѣсіе, и образовать свой для истинныхъ наслаждений.

Говорятъ также: Имѣнь все — не есть счастье; имѣнь желаемое, и то на короткое время — вотъ верхъ счастья!

Нашура и сердце — вотъ гдѣ надобно искать истинныхъ пріятностей, истиннаго возможнаго благополучія, которое должно быть общимъ добромъ человѣчества, а не собственностью нѣкоторыхъ избранныхъ людей: иначе мы имѣли бы право обвинять Небо прииспрашеніемъ. Не вѣтъ можно завоевать Индію, не вѣтъ можно властвовать надъ людьми; не всякой можетъ блистать въ свѣтѣ и кружить головы моднымъ краскамъ; не для всякаго работаютъ въ золотыхъ рудникахъ и плывутъ корабли изъ Бразилій:

слѣдственно не въ лаврахъ *Александра*, не въ миршахъ *Алкивиада*, не въ сокровищахъ *Крезовыхъ* заключило Себо возможное счастье для смертныхъ. Но для всякаго сіяетъ солнце, для всякаго Природа величественна и прекрасна въ своемъ разнообразіи, въ своихъ ежегодныхъ и ежедневныхъ измѣненіяхъ; вездѣ съ материнскою нѣжностью питаетъ она пернатыхъ и человѣка; всякой можетъ имѣть приютъ, свѣтлую хижину, доброе имя, покойную совесть; всякой можетъ любить — любить своихъ родныхъ, семейство, друзей: вопи истинное благополучіе, которое соединяетъ всѣхъ людей; которое Царю и земледѣльцу даетъ чувствовать, что они братья, дѣти одного отца, рожденные съ одинакими сердцами, съ одинакими способностями для наслажденія!

Можно быть счастливымъ и несчастливымъ во всѣхъ сословіяхъ, имѣть и другимъ опъ себя, опъ умѣняя или неумѣняя пользоваться жизнью,

опъ хорошаго или дурнаго расположенія сердца своего.

Во всякомъ состояніи человекъ можетъ найти удовольствіе; но гдѣ же такое, въ которомъ бы опъ могъ укрыться опъ горестей, опъ бѣдствій, неразлучныхъ съ жизнью?

Въ самомъ дѣлѣ, сущесвенныхъ бѣдствій очень не много: нѣлесное спрданіе, потеря физической вольности, и болѣе ничего. — Трезвость, умеренность могутъ предохранить насъ опъ болѣзней; а честная, моральная, благоразумная жизнь — опъ пеминцы. Правда, иногда бываетъ, что и добродѣтельные заключаются въ оковы; но это рѣдкость: — въ такомъ случаѣ остается намъ терпѣть, надѣяться и взирать на небо, гдѣ обитаетъ нашъ общій, нѣжный Отецъ, видящій спрданіе дѣней Своихъ, и не дозволяющій имъ превзойти мѣру терпѣнія.

Бѣдность также почитается несчастіемъ; но у бѣднаго есть руки и

сердце: онъ можетъ найти себѣ пропитаніе, найдетъ удовольствія, неизвѣстныя многимъ богачамъ въ ихъ изобиліи.

Продолжительная горестъ не естественна. Природа, видя оскорбленнаго чловѣка, щощаетъ посылаетъ къ нему врача (время), который извлекаетъ изъ сердца лѣтъ болѣзни — сперва быстрыми ручьями слезъ, а послѣ тихими вздохами.

Глубокая горестъ рѣдко дѣлаетъ людей несчастными. Но обыкновенный бишь сердца есть *дурной нравъ* и *скука*. — Дурной нравъ состоитъ въ какомъ-то мрачномъ расположеніи души, которое мѣшаетъ намъ пользоваться жизнію, и которое производитъ опятъ безпокойнаго желанія — имѣть, чего не имѣемъ, и опятъ презрѣнія къ тому, что у насъ есть. — Скука всего болѣе мучитъ тѣхъ людей, кои по связямъ гражданского общества выходятъ изъ-подъ закона

естественнаго. *Трудись и наслаждайся*: это предписываетъ Намура. Земледѣлецъ, ремесленникъ повинуются этому, работаютъ и не знаютъ скуки. *Трудъ, отдохновеніе, забава*, какъ три главныя эпохи жизни его, непосредственно соединяются между собою и не оставляютъ въ ней никакой пустоты.

Всякой занимайся чѣмъ-нибудь; избери для себя должность, съ которою сопряжена дѣятельность; или трудись по волѣ, сообразно съ своимъ вкусомъ, склонностямъ, дарованіями, но имѣя въ виду какую-нибудь пользу, такъ какъ и Намура не дѣлаетъ ничего безъ цѣли. Работа есть соль удовольствія, и безъ будней нѣтъ праздника. Упопребивъ на трудъ пять, шесть или восемь часовъ въ сутки, мы живо чувствуемъ пріятность бездѣйствія, опидыха, дружеской бесѣды, веселаго разговора, забавы, чтенія, музыки, прогулки. Кто всякой день пользуется

своими физическими и душевными силами, всякой день дышитъ чистымъ воздухомъ подъ небеснымъ кровомъ, любитъ красоты Природы, изящныя искусства, книги, музыку: поэтъ конечно никогда не будетъ болѣе сурою.

Сверхъ того, мы починаемъ несчастіемъ то, что вокругъ насъ свирѣтствуютъ развращенныя страсти, пороки, злоба. Хотя, безъ сомнѣнія, люди дѣлаютъ много зла; но злодѣевъ мало: ибо заблужденія сердца, безразсудность, недосмотръ въ просвѣщеніи, виною дурныхъ дѣлъ ихъ. Люди дѣлаютъ зло, надѣясь имѣть чрезъ то нѣкоторыя выгоды въ жизни; но премудрый Творецъ соединилъ съ онымъ внутреннее неудовольствіе, стыдъ, страхъ, которыя вмѣшиваются лживую горечь во все удовольствіе: пороки боится, чтобы его не узнали; долженъ непрестанно скрывать себя; основавъ свою пользу на вредъ другихъ, онъ сдѣлалъ уже ихъ непріятелемъ;

и будучи окруженъ врагами, можетъ ли быть спокоенъ? не будучи спокойнымъ, можетъ ли быть счастливымъ? Слѣдственно мы дѣлаемъ зло только по ошибкѣ, надѣясь найти въ немъ то, что съ нимъ несовмѣстно; слѣдственно дурной человекъ есть несчастный, наказываемый судьбою и сердцемъ своимъ или совѣстью; — будемъ жалѣть объ немъ, устранимъ ненависти.

Напрасно Фортуна закрываетъ пыльнымъ ковромъ навозную кучу — запахъ все слышенъ. Счастіе подобно нѣкоторымъ знатнымъ людямъ, которые обыкновенно гораздо охотнѣе дѣлаютъ подарки, нежели плащать долги.

Мы другимъ только *желаемъ* счастья, а ищемъ его для себя.

Быть умѣреннымъ въ счастіи гораздо труднѣе, нежели сносить терпѣливо злополучіе.

Напрасно ищемъ мы на землѣ счастья.

Желанія наши слишкомъ обширны: мы никогда не найдемъ его. Счастіе до того несообразно съ здѣшней жизнью, что большая радость вредна для здоровья: она приводитъ все тѣло наше въ разстройство, сопровождаемое сильнымъ біеніемъ сердца, судорогами, занятіемъ дыханія и всѣми болѣзненными припадками, кои называютъ *слабкими потрясеніями души*, производя сіе слово отъ радости — ихъ испочинка.

Единственный испочинкъ счастія есть добродѣтель.

Твердость характера. Нелюбовь къ славе.

Названіе Стоицизма дано было отличительной твердостью души, въ честь Философа *Зенона*, основателя Стоической секты, преподававшего свои правила въ Афинахъ и служившаго примѣромъ въ искусствѣ самооправ-

верженія. Дѣйствительно, высокая мужественность *Зенона* и особенная твердость Философовъ, послѣдователей его, заставили сказать, что прочіе мудрецы предъ ними казались слабыми женщинами. Сія Философія была достояніемъ величайшихъ мужей, каковы были: *Брутъ, Сенека, Эпиктетъ, Тацитъ, Антонинъ, Маркъ - Аврелій*. Многія духовныя особы удивлялись строгости морали Стоиковъ, въ коей заключались самыя высокія добродѣтели. Сія Философія всегда была уважаема, хотя мало было охотниковъ до нее, по причинѣ ея строгости: попому что она поощряла добродѣтель выше возможности, заставляла человѣка забывать, что онъ человекъ и не позволяла ни слабостей, ни слабостей, налагая на него тяжелѣйшія оковы.

Сколь мало людей, умѣющихъ управлять своимъ умомъ въ болѣзняхъ! и попому нужно бы сочинить книгу подъ заглавіемъ: *искусство быть больнымъ*,

и посвятивши се здоровымъ особамъ. Еслибъ знали всѣ опасности, происходящія отъ гнѣва, отъ неперпѣнія, отъ страха и безпокойствъ, кои болѣзные выдумываютъ непрестанно, тогда бы убѣдились въ истинѣ, что менѣе умираютъ отъ самой болѣзни, нежели отъ страха. Излишне было бы говорить просиранно о перпѣніи и твердости несчастному больному, на постелѣ лежащему. Лучше прежде приготовить здоровыхъ людей къ неминуемому и неизбежному болѣзнямъ въ шеченіе жизни; *воздерживайся и переноси*: вотъ двѣ гири Философин Стоической.

Изнѣженное и сладоспρασное воспитаніе, которое нынѣ даютъ дѣтямъ, болѣе нежели когда нибудь, производило болѣею частію молодыхъ Сибаритовъ, столь нѣжныхъ, что малѣйшія боли физическія и затрудненія моральныя, на прим.: безпокойство душевное, могутъ ихъ привести въ оп-

чаяніе. Но жить всегда въ удовольствіяхъ, состоятъ единственно въ пайнѣ — терпѣть болѣе другихъ людей. Постановленія спротивъ заставляли грубаго и суроваго Лакедемонца, подобно дикарю, находить наслажденіе во всѣхъ обстоятельствевахъ жизни.

Какъ! скажутъ, вы заставляете насъ прежде терпѣть, чтобъ избавишься отъ болѣзней; но это ваше лекарство совсѣмъ не чудесно. Если должно мнѣ пресмыкаться только въ несчастіи и бѣдности, лежашъ на соломѣ, пишашъся чернымъ хлѣбомъ, какъ *Эпиктетъ*, чтобъ не безпокоиться о смерти, въ моихъ болѣзняхъ, — это значить все то же, что преждевременно умереть; но, можетъ быть, не менѣе заключается выгоды въ сугубомъ наслажденіи прежде съ *Эпикуромъ* и *Аристиппомъ*; болѣзнь же придетъ, если захочетъ, и послѣ; между тѣмъ насладимся пока благовременно удовольствіемъ!

Такое сужденіе безъ сомнѣнія очень

неосновательно; ибо какъ скоро маленькая лихорадка, или легкая головная боль овладѣетъ нашимъ мудрымъ Эпикурейцемъ, то уже онъ потчасъ и начнетъ шужить, рыдать, съновать — болѣе всякой женщины, и, воображая уже себя полумертвымъ, потчасъ посылаетъ за Докшоромъ, за аптекаремъ, за лекарствами! Но какой это спыдъ! какая жалкая слабость! Терпи же, несчастный, неумѣющій жить, или умри по крайней мѣрѣ съ неуспрашимо-стью. Въ самомъ дѣлѣ, кто можетъ вылечить сихъ малодушныхъ и трусливыхъ, скорѣе предпочитающихъ сгноить себя медлительно отъ аннонова огня, нежели дать опилить себя руку? Надобно имѣть бодрость, если хочешь жить, и нѣтъ никакой правой пизаны или взвару противъ неперпѣнія нашего.

Неудивительно покажется всякому, что наша крашкременная жизнь еще болѣе сокращается, если разсмотримъ

изнѣженное тѣло и умъ, подверженные всѣмъ болѣзнямъ и всѣмъ убійственнымъ и испребишнымъ страстямъ. Смерть безъ пощады коситъ большимъ размахомъ сіи полны жителей городскихъ, изнѣженныхъ и развращенныхъ въ разныхъ наслажденіяхъ; между тѣмъ мы видимъ, что гораздо болѣе противящаяся смерти мужественная и твердая тѣла сельскихъ жителей, загроубѣлыхъ въ работахъ простыхъ, между ушесами каменными, въ горахъ, среди лѣсовъ.

Правила Стоическія должны непременно помѣщены быти въ книгахъ врачей; потому что гораздо надежнѣе укрѣпить тѣло и предупредить болѣзни, нежели лечить ихъ.

Дабы достигнуть сей степени величества, превнѣющей всѣмъ бѣдствіямъ жизни человѣческой, или сей вѣчной мудрости, то надобно знать, что изъ всѣхъ вещей земныхъ, одинъ зависятъ отъ насъ, а другія нѣтъ. Намъ под-

властны только наши дѣйствія самопроизвольныя, какъ то: наши мнѣнія, наши желанія, стремленія нашего сердца, наши склонности и наше отвращеніе. Но намъ совѣмъ не подвластны и не зависятъ отъ насъ: состояніе нашего тѣла, имѣніе, слава, высокіе чины, почести и тѣ вещи, кои не происходятъ отъ нашихъ дѣйствій и все намъ чужды. Мы имѣемъ собственнаго только свою душу: посредствомъ ея можемъ быть независимы, мудры, счастливы; посредствомъ же всего прочаго мы только дѣлаемся слабыми, хворыми, невольными, зависящими, подверженными тысячъ затрудненій и препяствій или многимъ бѣдамъ неминуемымъ: и слѣдственно надобно прежде учиться переносить ихъ.

Чтобъ быть довольнымъ и спокойнымъ, надобно уметь различать вещи — зависящія отъ насъ, отъ вещей — происшедшихъ отъ случая, природы, отъ счастья. Не отъ насъ зависящъ

родиться богатымъ, знатымъ, умнымъ, красавцемъ, здоровымъ; когдажъ изъ сихъ вещей намъ чего недоспавается, то не должно о томъ и сокрушаться; ибо мы въ томъ не виновны. Но отъ насъ только зависятъ — быть честными и добродѣтельными.

Ничто не можетъ препятствовать намъ въ подвластныхъ намъ вещахъ; но не отъ насъ зависящія вещи подвержены бывають многимъ препяствіямъ, говорятъ *Эпиктетъ*. И такъ, если ты считаешь невольныя по природѣ вещи за свободныя, тѣнныя за негибнущія, и зависящія отъ другой власти за свои собственныя; то найдешь всегда много безпокойствъ и затрудненій, будешь досадовать, смущаться и сѣтовать на людей и на судьбу. Напротивъ того, ежели считаешь своимъ одно то, что въ самомъ дѣлѣ есть твое, а чужимъ то, что другому принадлежитъ; тогда никто тебя не обезпокоитъ ничѣмъ

качества, которые кажутся противными его сеголанию; онъ испытываетъ необходимыя житейскія бѣды, сохраняя спокойствіе сердца, внутреннее удовольствіе и міръ душевный; онъ богатъ въ бѣдѣ; обладаетъ всѣмъ, ничего не имѣя; употребляетъ жизнь, потому что въ печеніи ея имѣетъ время познать и возлюбивъ своего Бога; желаетъ умереть, дабы наслаждаться Имъ вѣчно; его сокровища — всѣ его познанія; его друзья — на небесахъ; онъ старается дѣлаться полезнымъ братьямъ своимъ, по крайней мѣрѣ — молился за нихъ; молился: естъ нищаго; жизнь Иисуса Христа всегда у него въ умѣ, и онъ учился подражать ей; говоритъ мало, но всегда съ крошечностію, любовію и благоразуміемъ.

Если бы между людьми, презирающими суетный міръ и поставляющими себя въ славу быть Христіанами, былъ хотя одинъ исцувствительный къ бѣдѣ неумирающему: то о такомъ

вотъ безошибочно сказать можно, что его Христіанство ложное, и что Богъ гнушается поклонами его и моленіями. Самое строгое уклоненіе отъ міра и суеты его, самое полное отреченіе отъ почестей, произвольное заключеніе въ монастырь и храмъ, словомъ: самое глубочайшее покаяніе, слезы и молитвы не представляютъ Небу ничего, кромѣ множества мерныхъ дѣлъ, безплодныхъ трудовъ и подвиговъ, ежели все оное служитъ намъ только предлогомъ къ удаленію отъ вспоможенія пребывающимъ помощи, или угнетенія.

Что иной, кромѣ Спасителя, придумалъ столь глубокую систему блаженства, основанную на презрѣніи богатства и чести и оставленіи всѣхъ удовольствій, общающихся спрашаніями? Мысли, столь возвышенныя, столь проницательныя всѣмъ корыстнымъ человѣческимъ, не могли родиться въ головѣ ни одного человѣка. Только

и ни въ чемъ себѣ не воспрепятствуетъ, ни на кого ропшати и ни кого обвинять не будешь, ничего пропавъ своей воли дѣлать не станешь, ни кто тебя озлобить не можетъ, не будешь имѣть враговъ и ничего вреднаго себѣ не случится: всегда будешь доволенъ своею судьбой. Если боишься смерти, болѣзни, бѣдности, тогда ты уже несчастенъ; если ты прилепленъ къ богатству, къ своему сыну, къ знаемымъ чинамъ, — и какъ все это можешь быть опьянено и похищено, — тогда не говори, что ты сего лишился; но скажи: „я это возвратилъ,“ — ибо все сіе было тебѣ дано.

Не должно бояться ни скорби, ни печали, ни болѣзни, ни смерти; но должно опасаться только порока или злодѣянія своего.

Во всѣхъ обстоительствахъ надобно дѣлать все то, что отъ насъ зависитъ, а впрочемъ быть шверду и

спокойну. Я долженъ ѣхать моремъ; чтожь тогда должно дѣлать? выбратьъ хорошій корабль, кормщика, маistroвъ, благопріятное время года, день, погоду: вотъ все, что отъ меня зависитъ. Но какъ скоро я среди моря, и настанетъ великая буря, тогда уже это не мое дѣло, а кормщика; корабль идетъ на дно, — что я долженъ дѣлать? все то, что отъ меня зависитъ; но не кричать, не вопить, не мучиться, не шарахаться. Если должно мнѣ умереть, то я знаю, что это есть всеобщій законъ, и надобно — чтобы я умеръ; и ежели, не смотря на всѣ свои старанія къ моему спасенію, я надрываюсь и утомляюсь, то что же? вотъ уже тогда я виѣ себя и предаюсь судьбѣ: да поглотитъ меня вѣчность.

Сравнивай съ наслажденіемъ твоё раскаяніе, которое можешь послѣдовать, и противупоставь самому соблазнительному наслажденію — удовольствіе умѣть шоржесшествовать или превосход-

спивавшъ. Мѣра наслажденіямъ для
каждаго естъ одна нужда пѣлесная,
точно такъ, какъ члены наши бывающъ
мѣрою нашему одѣянію. Если люблю
мое пѣло, если я привязанъ къ чув-
ственнымъ удовольствіямъ: то вопъ
уже я погибаю, вопъ я уже невольникъ,
— даю знать о себѣ, на чемъ можно
меня ловить.

Мы властны въ нашей ненависти,
дружбѣ, гнѣвѣ, мнѣніяхъ и нашихъ сло-
вахъ. Гонитель нашъ можетъ заклю-
чить въ темницу, но не можетъ запре-
пить, чтобъ его не презирать, не-
навидѣть и не говорить о его люпо-
сини. Твердость честнаго человѣка,
всякія гоненія великодушно переносив-
шаго, поспавляетъ его несравненно
выше самихъ гонителей.

Если увидишь какой-либо предметъ
тебѣ досадный, и когда оный не изъ
числа вещей подвластныхъ тебѣ, по-
томчасъ скажи, что: „это не мое
дѣло.“

Мы такъ привыкли воображать о
несчастіяхъ, что когда нѣтъ о чемъ
печалиться, тогда кидаемся въ буду-
щее время и ищемъ уже тамъ несча-
стія; и сей мнимый спрахъ, не мень-
ше насмѣющаго, насъ безпокоитъ.

Опъ насъ зависитъ бытъ счастли-
выми. Пользуйся, чѣмъ владѣешь; не
безпокойся желаніями: тогда будешь
доволенъ своимъ состояніемъ.

Не берись ни за что выше своихъ
силъ, разума и состоянія.

Столь славный добродѣтелью и про-
споною права своего Римскій Консулъ
Квинтій Цинциннатъ, рыдалъ, когда
принужденъ былъ принять Консуль-
ство и разспавъ на цѣлый годъ съ
полемъ своимъ, которое самъ воздѣ-
лывалъ. Онъ жилъ въ нѣкоемъ селѣ за-
рѣкою Тибромъ, имѣя одну только бѣд-
ну хижину и пашню, опъ коей пи-
тался трудами рукъ своихъ. Сенатъ,
избравъ его въ Консулы, отправилъ
къ нему съ просьбою о принятіи сего

важнаго званія. Посланные заехали Цинцинната на полъ за сохою, и, поздравивъ его съ новымъ доспониствомъ, звали съ собою въ Римъ. Сія вѣсть — вмѣсто того, чѣмъ всякаго могла возхитить радостью, привела въ уныніе Цинцинната; попому чѣмъ онъ не хотѣлъ оставить бѣдной, но спокойной жизни. Однакожъ, по любви къ отечеству, принялъ сіе предложеніе, и отправлялъ свою должность полъ похвально, чѣмъ просили его еще и на другой годъ принять Консульство; но онъ отказался отъ сего. Вскорѣ потомъ, сдѣлавшись Диктаторомъ, разбилъ онъ Эквовъ, коныры захватили-было Минуція; покорилъ ихъ подъ Римскую власть, и въѣхалъ въ Римъ съ триумфомъ. Но, дабы послѣ бурной дѣятельности вкушать житіе мирное, чрезъ 16 дней сложилъ съ себя Диктаторство, накіе удался въ сельскую жизнь свою и взялся за плугъ. Блаженъ, кто до-

вольствуется малымъ и удаленъ отъ сценъ блестящихъ и опасныхъ! — *Мавій-Курій-Дентатъ*, Римскій же Консулъ, изгнавшій Пирра изъ Италіи, въѣхавшій въ Римъ съ триумфомъ въ 3-й разъ, удался потомъ въ свой маленькой загородной домъ, гдѣ побѣдительными руками своими воздѣлывалъ небольшой садъ свой. Когда же послы Самнитскіе пріѣхали однажды къ нему съ предложеніемъ въ даръ золота, то онъ тогда сидѣлъ подлѣ очага и варилъ самъ рѣпу: при всемъ томъ отвергнулъ блестящіе дары, сказавъ: „не уже ли убожество мое заслѣпляетъ васъ думать, чѣмъ я прельщусь вашими дарами и предпочту ихъ полъ отечества!“

Жадные къ богатству, всегда не довольны своимъ имѣніемъ. Когда мы рождены въ убожествѣ, какая нужда желать быть богатыми? Не лучше ли спать на войлокѣ и быть здорову, нежели на пуховкѣ и быть больну? Не лучше ли желать сохранить покой.

ствіе духа, будучи въ умѣренномъ состояніи, нежели печалиться и смущаться въ великомъ счастьи? Не убожесиво дѣлаешь насъ несчастными, но честолюбіе. Богатство вовсе не избавитъ насъ отъ страха; одинъ только разумъ учинитъ то можетъ: и слѣдственно шопъ, кто обогащаетъ разумъ свой, всегда самъ собою бываетъ доволенъ, и на бѣдность никогда не жалуется.

Ежели ты любишь глиняной сосудъ, то знай, что любишь вещь ломкую; и такъ, когда она разобьется, ты пужись не долженъ. Если любишь сына или жену, то помни, что любишь людей смертныхъ; и когда случится имъ умереть, то не сокрушайся.

Обвинять другихъ въ своемъ несчастіи — есть знакъ невѣжды; обвинять себя самого — есть знакъ начинающаго учиться мудрости; но дѣло мудреца — ни на кого не жаловаться и быть всегда веселымъ и довольнымъ.

Кратковременность нашей жизни подвержена тысячѣ разныхъ приключеній, кои одно за другимъ ее оправляютъ. Ни въ какомъ состояніи не можно избѣжать нечаянныхъ несчастій. Незапная смерть похищаетъ у насъ побѣдныхъ дѣшей, воспитанныхъ съ великимъ раченіемъ, и служившихъ намъ опорой; приходятъ домашніе недоспашки съ прочими неудачами, всемъ безнадежной успѣхъ въ дѣлахъ; сильные испріятели безсовѣстно наступаютъ на горло и своими неправдами лишаютъ имѣнія и приводятъ въ опчальніе; ложные друзья, по оказаніи тысячи обманчивыхъ услугъ, измѣняютъ — когда есть большая нужда въ ихъ помощи; долги или частыя болѣзни лишаютъ насъ невинныхъ веселостей и дѣлаютъ жизнь горестною и неспособною. Можно бы сносить оныя неудовольствія, ни мало объ нихъ не думая; но несчастный нашъ жребій паковъ, что и разумъ нашъ, поработоченный

симъ несгодѣли, и наше воображеніе, само собою преданное симъ печальнымъ предметамъ, непрестанно напоминаетъ, что мы злосчастны. Языческіе Философы, признавъ это, разумными доводами подтвердили: что все, случающееся съ нами въ жизни, бываетъ попущеніемъ по законамъ Провидѣнія, управляющаго пварями и ведущаго къ ихъ концу, и по правиламъ Высочайшей Премудрости, которая не можетъ обмануться въ своихъ намѣреніяхъ. Весьма опасно думать, якобы Всевышній объ насъ не радѣтъ и не былъ пронунтъ ни нашими добродѣтелями, ни пороками: Онъ для насъ — какъ премилосердый Отецъ, и Его попеченія простираются до наималѣйшихъ вещей. Онъ, наказуя насъ, или исправляя, ищетъ въ томъ пользы нашей. Уразумѣвъ сіе толкованіе, можно намъ быть терпѣливыми въ нашихъ несчастіяхъ.

И такъ начинъ съ самыхъ малыхъ вещей. Пролить ли кто свое масло,

украсть ли кто вино свое, разсуди и скажи: чрезъ терпѣніе покупаешь тишина и получается постоянство; а безъ терпѣнія добродѣтельнымъ не сдѣлаешься. Когда кликнешь своего слугу, по подумай, что можешь быть онъ тебя не слышишь, или слышитъ, но не въ состояніи сдѣлать желаемаго побою, и поступи столь разсудительно, чтобъ не въ его силѣ было тебя осердить и возмущить покой твой.

Въ простой жизни не только есть многіе случаи оказать свою добродѣтель, но часто бываютъ обстоятельство, заснавлиющія имѣть привычку къ терпѣнію: нескромность и неосторожность тѣхъ, съ кѣмъ мы принуждены жить; грубость и безпутство слугъ, онѣ коихъ принуждены непрестанно сносить; малѣйшія приключенія и непріятности, многократно бываемыя, нарушающія порядокъ въ дѣлахъ и обращающія ихъ къ худому концу. Сіи бездѣлки могутъ озабошнить, буде объ

нихъ не разсудишь. Но лишаться своего покоя отъ споль маловажныхъ причинъ, весьма глупо. Есть люди, кои гибваются, кидаются, мучаются и дѣлають такіе выговоры за разбитую рюмку, или за обѣдъ — худо изгошвленый, какъ будто бы они всего лишались. Никогда не будешь владѣть собою, если спашешь покоряться гибву: ибо тогда, не разсудя, легко можешь сказать или учинить непристойное. Многіе своесправные люди гибваются на пустяки, находясь въ часномъ безнокойствѣ, и нѣтъ такого человека, копорый бы не могъ ихъ възбѣсить, зная, какую власть можешь имѣть надъ ними. По малымъ шолько вещамъ познаешь можно человека, каковъ онъ; потому что онъ въ нихъ поступаетъ просто и неосторожно. Весьма несносно обращеніе съ тѣми, кои всегда гибвы и за ничто досаждють. Сія строптивость происходитъ обыкновенно отъ худого воспитанія; благово-

спитанные же люди бывають снисходительны къ слабостямъ и грубостямъ другихъ.

Ежели хочешь, чтобъ швоя жена, швой дѣти, или друзья были безмерны, то показываешь чрезъ сіе, что ты лишился ума; также буде желаешь, чтобъ слуга швой никогда не провинился, то значить, что ты также хочешь невозможнаго: ибо швое желаніе состоитъ въ томъ, чтобъ ошибка не была уже ошибкою, но чѣмъ нибудь инымъ.

Кто хочетъ быть вольнымъ, тотъ не долженъ ни желать, ни гнушаться всего того, что онъ другихъ зависитъ: а иначе онъ долженъ быть необходимо въ порабощеніи.

Надобно быть всегда довольнымъ, въ какое бы состояніе судьбою мы приведены ни были. Жизнь наша не что иное, какъ мгновеніе вразсужденіи вѣчности, или какъ капля въ великомъ Океанѣ. Не высокіе чины и не великія

богатства дѣлають человека совершенно счастливымъ, но нѣчно иное, относящееся до душевнаго удовольствія и спокойствія. Два Министра, любимцы Государевы, не могутъ жить спокойно, хотя на нихъ изпощены все его милости: малый знакъ предпочтенія, оказаннаго Царемъ одному изъ нихъ, рождаетъ въ другомъ зависть, которая чрезъ ненависть приводитъ въ чахотку. Если бы сыскали способъ ограничивать свои желанія, то нашли бы средство быть счастливыми, а оно состоитъ въ мудромъ управленіи нашими мнѣніями. Счастье есть не что иное, какъ одна мечта.

Чего потребуешь отъ насъ Природа, то должны мы узнавать изъ шѣхъ вещей, кои для себя почитаемъ ненужными. Напримеръ, чужой слуга разобьетъ чашу, мы говоримъ: это часно случается. Но знай, что когда и твою чашу разобьютъ, должно тебѣ также быть равнодушнымъ. Подобно рассу-

ждай и о важнѣйшихъ вещахъ. Умеръ ли чей сынъ, или жена, всякъ говоритъ, что это власть Божія. Но когда его самого сынъ или жена умретъ, тотчасъ вскричитъ: о горе! о сколько я несчастливъ! — А должно бы столь же хладнокровнымъ быть.

Хотя всякой человекъ признаетъ себя смертнымъ, однако многіе живутъ такъ, какъ будто имъ никогда не умирашь. Иные, переступая уже одною ногой въ гробъ, лишаясь дѣйствія чувствъ и едва дыша, льстящая еще нѣсколько пожизнь, говорятъ о новыхъ приращеніяхъ своихъ доходовъ, объ украшеніи и увеличеніи домовъ, и не думаютъ, что они смертны. *Эпиктетъ* совѣтуетъ: часно думать о смерти — для утѣшенія пожара нашихъ страстей и презрѣнія суесть человеческихъ. *Помни смерть!* Да будетъ смерть часно въ твоей памяти: тогда не придешь въ умъ твой порочныя и соблазнительныя мысли, и зловредныя желанія.

Всѣ твои дѣла и предпріянія начинай слѣдующею молитвой: „Управляй мною, милосердный Боже и ты, необходимая судьба. Куда и къ чему Вы меня предопредѣлили, я вамъ — хопя бы и не желалъ — послѣдую съ должнымъ повиновеніемъ.“

Главное средство сохранити здоровье — состояти въ помя, чинобъ быть всегда готовымъ — терпѣть и веропашать. Болѣзни, скорби, убытки и злоключенія въ жизни неизбежны, и по тому недолжно огорчаться, когда они придутъ. Печаль можешь ли ихъ удалить? Напротивъ того: она болѣе увеличиваетъ болѣзни телесныя и скорби душевныя. Если невозможно помочь въ бѣдѣ, то для чего же убивать себя огорченіемъ попустому? Если же болѣзнь излечима, то огорченіе никакъ не можешь ее вылечить; слѣдственно лучше прибѣгнувъ къ терпѣнію и твердости духа. Ежели боли наши жестоки, то онѣ будутъ непродолжи-

тельны, ибо ничто чрезмѣрное не можешь долго продолжаться; если же онѣ продолжительно, то слѣдственно и сносны; или вы превозможете болѣзнь, или она васъ; во всякомъ случаѣ, вы или она окончатъ. И такъ наше благосостояніе всегда зависить отъ неустрашимости, твердости и предпримчивости: это есть наилучшіе запасы въ схранствованіи жизненномъ. Не бываетъ ли въ продолженіе жизни множества такихъ случаевъ, которые дѣлаютъ ее несносною для человѣка, не имѣющаго мужества и бодрости? Какъ возможно вытерпѣть нищету, бѣдствіе, несправедливостъ, болѣзни, наконецъ смерть, безъ силы душевной, которая ихъ преодолеваетъ?

Сверхъ того, главнѣйшее правило Спонковъ и, можешь быть, всякаго благоразумнаго человѣка, состояти въ помя, чинобъ вѣрны или признавать: что необходимостъ вещей или Судьба дасць законы вселенной. Какой чело-

вѣкъ вздумать бы прошивишься Судьба? Не видимъ ли мы обращающіеся надъ нами огромныя шѣла небесныя, конхъ уносишь время съ неопоспѣжимою скоростію, и съ онымъ вмѣстѣ племя человѣческое, или животныхъ и растений, также какъ и Царства и ихъ гордые и щеславные памятники, кои общавали людямъ безсмертіе? — И такъ вселенная управляема силою Пашуры, симъ Провидѣніемъ, которое распростирается на всѣ вещи, по порядку вѣчному, начертанному Самимъ Богомъ. — Если это правда, (говорятъ *Зенонъ*, *Хризиппъ*, *Посидоній*,) что итъ дѣйствія безъ причины, ни движенія безъ побудителя, и все то, что существуетъ, происходитъ изъ существующаго источника, то посему итъ никакого случая непредопределеннаго на землѣ, какъ то утверждаютъ Эпикурейцы.

Изъ сего заключаютъ, что наши дѣйствія уже не вольны, и слуга *Зенона*

могъ ли извинить или оправдать себя необходимостію своей судьбы въ томъ, что онъ обокралъ своего господина по природной своей неодолимой склонности душевной? Это также предопредѣленіе, которое заставляетъ меня наказывать тебя, отвѣчалъ *Зенонъ*, ибо законъ судьбы пребываетъ, чтобоъ наказаніе слѣдовало за преступленіемъ и чтобоъ бользнь и скорбь сопровождали удовольствіе и радость.

Все то, что справедливо — есть совершенно полезно, хотя бы это было и противъ нашихъ выгодъ; ибо наказываютъ злодѣя для его же пользы, иночио такъ, какъ даютъ слабительное больному. — Сынъ долженъ предпочинать благоденствіе своего отечества благу своего родинеца.

Благо или добро есть не иное что, какъ честность и добродѣтель, а зло — есть стыдъ и безчестіе. Жить согласно съ Пашурою и честно — есть добродѣтель; такова должна быть

цель каждого человека; она состоитъ въ томъ, чтобы поступать по заповѣдямъ Божественнымъ, ибо въ насъ есть нѣкоторая частица Божества. Вотъ совершенное счастье или блаженство, которое возвышаетъ насъ выше всего. Главныя же добродѣтели состоятъ: въ благоразуміи или мудрости, умеренности, твердости и справедливости; а главные пороки заключаются въ противоположнѣхъ.

Всѣ пороки происходятъ отъ невѣжества. — Всѣ болѣзни душевныя происходятъ отъ *неумѣренности*, отъ отступленія здраваго разсудка. Отъ невоздержности происходятъ движенія душевныя, безпокойства; между тѣмъ какъ воздержаніе устанавливаетъ равновѣсіе въ разсудкѣ. И такъ спрашивается не иное что, какъ болѣзни, происшедшія или отъ проступковъ или отъ заблужденій; и нѣкоторые люди бываютъ болѣе подвержены спрашамъ (или слабостямъ и погрѣшно-

стямъ), нежели другіе. Спрашны проходятъ — какъ болѣзни, но пороки существуютъ — какъ безобразіе или уродливостъ тѣла. Всѣ сіи вещи противоположны *Натурѣ*.

Здравый разсудокъ въ отношеніи къ душѣ точно тоже, какъ равновѣсіе здоровья къ тѣлу; и какъ хорошее образованіе тѣла дѣлаетъ его красивѣе, то равномерно и добродѣтель есть совершенный равновѣсъ душѣ. Сія украшается добродѣтельными дѣлами такъ же, какъ и тѣло дѣлается сильнѣе и крѣпче отъ трудовъ и тѣлеснаго упражненія.

Иль жизнь счастливой безъ чести и добродѣтели; благоденствіе наше не можетъ быть надолго твердо, такъ, чтобы не были мы предубѣждены по крайней мѣрѣ въ томъ, что болѣзнь, скорбь и печаль не есть зло или бѣда; прилично только великому или выпренному человеку почищать ничтожными всякія происшествія въ

Небесный Посланникъ могъ предстаить міру съ сими словами: *блаженнѣиши!* Одинъ Онъ могъ преподаить ученіе, изтекшее оиъ святилища вѣчнаго свѣта, гдѣ обитаетъ истина; одинъ Онъ, посланный съ небеси Сыиъ Божій, вѣдающій всѣ тайны Оица.

Какіа лекарства предписываетъ врачъ для возстановленія здоровья иѣлснаго, иѣ же самыа предписываетъ и Евангеліе—для спасенія души. И шакъ Евангеліе есть не только врачеваніе душевное, но и усовершенствованное врачество иѣлсное, равно какъ оно есть усовершенствованіе всѣхъ познаний, кои насъ просвѣщаютъ, и всѣхъ добродѣтелей, кои составляютъ доброту сердца.

Нѣтъ почини никакой болѣзни, котораа бы не имѣла своего начала въ шѣхъ безпорядкахъ, кои запрещаютъ Христіанство; и можно ясно доказать, что если бы всѣ люди жили согласно съ закономъ Евангельскимъ, то болѣзалъ

часть болѣзней и припадковъ, которые столь часто терзаютъ нашу жизнь и сокращаютъ ее, вскорѣ бы исчезли съ лица земли. Тогда бы обрѣли истинное цѣленіе, которому бы мы всѣ обязаны были жизнью здоровою и счастливою; смерть была бы большею частію только послѣднею эпохою мучительной спарости, но твердой и покойной, котораа бы безъ дальнихъ страданій перешла сей законъ Природы и времени.

Сколько видимъ молодыхъ людей, въ лѣтахъ, когда крѣпости силъ еще разцвѣшаніе бы должно, съ поблекшимъ уже цвѣтомъ на лицѣ, съ признаками дряхлости и приближенія ко гробу — оиъ необузданности спарстей.

Но хотя бы счастливое сложеніе и отличная крѣпость силъ нѣкоторыхъ и могли на нѣкоторое время пропнвустать дѣйствию спарстей: но минуша, когда должно прибѣгать къ помощи Науки врачевой, оиъ нихъ не да-

жизни человеческой; онъ находить въ вещи всегда ниже себя; исполненный твердою надеждою на самого себя, онъ стремился къ добродѣтели не ослабляясь. Какой безчувственный человекъ будетъ размахивать безъ удивленія, безъ восхищенія превосходныя дѣла великихъ людей? Злые и бездѣльники не должны ли укрывать свое безчестіе и посрамленіе во мракъ пущины?

Добродѣтель есть высшее благо, къ которому мудрый долженъ стремиться. Верховной власи могутъ быть подчинены токмо рабы и невольники; но добродѣтели — самая свобода человеческая! Таковы большею частію мѣнія древнихъ Стоическихъ Philosophовъ, заключающія въ себѣ высокія свѣдѣнія Морали Стоической, бывшей наукою великихъ людей древности. Еслибъ мы могли надѣяться увидать подобную школу въ наши времена, то конечно бы можно было думать, что она

избавила бы насъ отъ многихъ слабостей нравственныхъ и не mente отъ душевныхъ, кои споль ослабили и повредили новое племя людей.

Благошворное ученіе Христіанской Религіи превосходитъ правила вѣхъ Philosophовъ, о терпѣніи скорбей и приобрѣщеніи твердости духа. Едва Спаситель нашъ, *Иисусъ Христосъ*, былъ распятъ на крестѣ, шо спалъ молился за враговъ своихъ и сказалъ: „Отецъ! прости имъ; ибо не знаютъ, что дѣлаютъ.“ Никакая мораль не можетъ сравниться съ сими божественными словами! Быть немощнымъ и роптать на Божій промыселъ, на страданія, значить не быть уже Христіаниномъ. Промыселъ Божій съ такою премудростію располагаетъ благомъ и зломъ житейскимъ, что каждый въ своемъ состояніи, сколь бы ни казалась участь его благополучною, находить горести, равняющіяся его удовольствіямъ. На землѣ нѣтъ совер-

шеннаго счастія; ибо здѣсь не время утѣшенія, но скорби. Высокосія сана имѣють свои порабощенія; низкосія — свои уничиженія, міръ — свои заботы и прихоти, уединеніе — свои печали и скуку, бракъ — свои непріятности, дружество — свои поперя или вѣроломство, даже благочестіе — свои догады: словомъ, по уставу, неизбѣжному для чадъ Адамовыхъ, всякъ обрѣтаетъ на пути своемъ волчець и шернїя. Благополучнѣйшее по видимому состояніе имѣють свои сокровенныя горести; престоль есть также сѣдалище скорбей, какъ и послѣднее мѣсто; великолѣпные чертоги такъ же вмѣщаютъ лютыя заботы, какъ и хижина земледѣльца: тысяча случаевъ убѣждаетъ насъ, что къ блаженству нашему всегда чего-то недостаетъ.

Вотъ правила Спасителя нашего, *Исуса Христа*, то есть заповѣди Евангельскія. „Возлюби Господа Бога

и своего всѣмъ сердцемъ и вонмѣ, и всею душою и вонмѣ, и всѣмъ разумнїемъ и вонмѣ.“ Сїа есть первая и важнѣйшая заповѣдь. Вторая же, подобная ей: „Возлюби ближняго своего, какъ самаго себя.“ Въ сихъ двухъ заповѣдяхъ состоятъ нашъ главнѣйшій законъ. И такъ во всемъ поступайте съ людьми такъ, какъ хотите, чтобы поступали они съ вами. — Человѣкъ благопкорительный уподобляется икононымъ образомъ Самому Богу. Святосе Евангеліе учитъ насъ: прощаніе обиды, благословлять клянущихъ, благопкорить ненавидящихъ. Самъ *Исусъ Христосъ* сказалъ: (*) „Любите враговъ вашихъ, благословляйте клянущихъ васъ, и вкорите добро ненавидящимъ васъ, и молитесь за оскорбляющихъ васъ.“

Евангельскія заповѣди пребываютъ возможнаго напряженія силъ душевныхъ;

(*) Еванг. Маттея V, 44.

и если ты не имѣешь довольно швердости, то не можешь соблюсти и прочихъ обязанностей, предписанныхъ Религіею. Потребна сила — прощать обиды и благошворить ненавидящимъ; потребна сила, чтобы убѣгать прелестей міра, уклоняться забавъ, къ которымъ влекутъ склонности, — противиться обычаямъ, вкоренившимся въ народъ; потребна сила, чтобы Христіански наслаждаться благоденствіемъ, быть презвымъ въ изобиліи, честнымъ среди сокровищъ плѣнныхъ, безспрастнымъ къ тому, чего не имѣешь, и устремляться горѣ — оны среды забавъ и утѣхъ мірскихъ; потребна сила, чтобы преодолевать себя, укрощая возстающія пожеланія, безпрестанно направлять сердце къ правотѣ — сердце, непрестанно свращающееся оны нея. Вошь все то, чему учить насъ Евангеліе; и если бы мы по симъ заповѣдямъ поступали, то были бы счастливы, здоровы и

долговѣчны; не видали бы мы ни злоупотребленій вышней власти, ни притѣсненія слабымъ и немощнымъ, ни беззаконій въ дѣлахъ, ни чрезвычайныхъ богатствъ, несправедливо приобрѣтенныхъ, ни обществъ перзасемыхъ злобою и враждою и отправленныхъ зависью и ревностью.

Желать всего того, что угодно Богу и предать себя въ волю Его: вошь единственное средство быть счастливымъ и спокойнымъ. Вошь примѣры швердости духа.

Филиппъ Македонскій писалъ къ Спартамъ: *если завладѣю Спартою, то разрушу ее до основанія*. Спартанцы отвѣчали однимъ словомъ: *если!* Мы воехщаемся симъ оиѣномъ, одушевленнымъ неуспрашимостью, повиновеніемъ къ законамъ, любовью къ отечеству и утѣренностью, что согласіе и единодушіе все преодолеваютъ.

Петръ Великій, при первомъ началіи работы Ладожскаго канала, опре-

дѣлать, чинобъ владѣльцы деревень Новгородской и Пепербургской Губерній посылали на оную работу крестьянъ своихъ, и будучи въ Сенатѣ, самъ подписалъ указъ о семъ. Князь Яковъ Оедоровичъ *Долгорукой*, къ коего пророзливоспи и онышности Великій Государь имѣлъ отличное уваженіе и довѣріе, завидѣ будучи другими важными дѣлами, случившимися въ тотъ день, не присутствовалъ тогда въ Сенатѣ, и потому не зналъ, что безъ него происходило въ ономъ. На другой день, когда надлежало приступить къ исполненію указа того, прибылъ Долгорукой въ Сенатъ, и, по обыкновенію своему, прежде всего спросилъ: о чемъ вчера въ Сенатѣ было разсуждаемо? Ему подали подписанный всѣми Сенаторами протоколъ, въ которомъ записано было Монаршее повелѣніе о томъ, чинобъ крестьяне Новгородской и С. Пепербургской Губерній употреблены были для копанія Ладожскаго канала.

Князь, по прочтеніи протокола, началъ съ жаромъ говорить, что такое повелѣніе противно государственной пользѣ, и что о томъ непременно должно доложить Государю въ самой скорости, дабы не поспѣшествовать конечному разоренію сихъ и безъ того уже предъ другими истощенныхъ Губерній; и какъ онъ продолжалъ ревностно оспаривать сіе не довольно обдуманное опредѣленіе, то, дабы убѣдить его, что того перемѣнить уже не лзя, Сенаторы подали ему подписанное самимъ Государемъ опредѣленіе: но Долгорукой, слѣдуя единому рвенію своему къ благу общему, къ изумленію всѣхъ Сенаторовъ, разорвалъ сіе подписанное Монархомъ опредѣленіе. Всѣ Сенаторы ужаснулись, встали съ мѣсть своихъ и спрашивали его: знаешь ли онъ, что сдѣлать, и что ему будетъ за сию дерзкій поспушокъ? — *Знаю, что я сдѣлалъ*, отвѣчалъ онъ, *и буду за сіе отвѣтствовать предъ*

Богомъ, предъ Государемъ и предъ Отечествомъ! — Въ самое это время Петръ Великій входитъ въ Сенатъ; онъ удивляется смятенію Сенаторовъ и спрашиваетъ: что значитъ необыкновенный ихъ шумъ? Генералъ - Прокуроръ съ престономъ подалъ ему подписанное имъ и изорванное Долгорукимъ опредѣленіе. Монархъ, слывъ пронесеніемъ сначала приведенный въ сильный гнѣвъ, спросилъ съ жаромъ Кнзя: что побудило его сдѣлать столь неслыханное преступленіе противу верховной власти? — „Не что иное, какъ ревность моя къ „швоей славы къ благосостоянію шво- „нихъ подданныхъ. Не гнѣвайся на меня „Петръ Алексѣевичъ,“ продолжалъ онъ: „Я надѣюсь на швое благоразуміе, что „шты собственную свою землю не хо- „чешь разорить такъ, какъ Карлъ XII „разорилъ свою. Ты поспѣшилъ дать „сие повелѣніе, и не размыслилъ, въ „какомъ состояніи находятся обѣ сіи

„Губерніи, которыя доселѣ больше „нежели всѣ вмѣстѣ провинціи Рус- „скія въ настоящую войну претерпѣли. „Сколько въ нихъ людей вымерло, и „сколь великъ въ оныхъ нынѣ недо- „статокъ въ народѣ! Чѣмъ пренятъ „существъ шебъ, къ работѣ сего не- „обходимо-нужнаго для швоего Пешер- „бурга канала взять работниковъ изъ „другихъ провинцій, изъ каждой поне- „многу? Онѣ несравненно болѣе могутъ „дать людей, нежели сіи двѣ починъ „безлюдныя Губерніи, и онѣ онѣ того „не много потеряютъ. Сверхъ того „есть у шебя довольно военноплѣ- „нныхъ Шведовъ, конѣ ты, вмѣсто „собственныхъ своихъ подданныхъ, къ „сей тяжкой работѣ употребить мо- „жешь.“ — Монархъ все это выслушалъ съ начертаннымъ на лицѣ его удивленіемъ. Все это хорошо, сказалъ онъ; но началъ жъ рвать подписанное мною опредѣленіе, зная, что это такая дерзость, которая вѣдѣ не

моженъ быть перепима? — *Въ этомъ то только я и виноватъ, Государь, что не утерпѣлъ, отвѣтствовать сей вѣрный подданный.* — Послѣ сего Монархъ нѣсколько подумалъ, и, обратясь къ прочимъ Сенаторамъ, сказалъ: *Хотя я было такъ сперва и положилъ, однако жъ сіе дѣло еще разсмотрю, и дамъ Сенату мое последнее о томъ повелѣніе.* На этомъ дѣло сіе и остановилось; въ послѣдствіи же Великій Государь, для копанія Ладожскаго канала, нашелъ другія средства, по тщательному разсмотрѣнію онаго чаятельно съ Долгорукимъ, на коего онъ шолко полагался. Вскорѣ попомъ отправить на работу оную нѣсколько тысячъ военнопленныхъ Шведовъ.

Другой примѣръ:

По рапортамъ узналъ Петръ Великій, чпо въ Петербургѣ оставалось только на мѣсяцъ хлѣба для служащихъ; подрядчики не могли доснавить онаго прежде

прехъ мѣсяцевъ; купивъ же у торгующихъ въ городѣ, тогда потерпѣли бы жители голодъ: чпо жъ дѣлать? Государь безпокоился; озабоченный же другими дѣлами, предложилъ Сенату, чпобъ онъ употребилъ удобное и неоплагишельное народу средство — предупредить недоснапокъ въ хлѣбѣ. Сенатъ не нашелъ лучшаго пособія, какъ наложить на Новгородскихъ крестьянъ по четверику на душу. Монархъ, не разсмотря, утвердилъ, и повелѣлъ немедленно послать о семъ, куда слѣдуетъ, указы, прибавя только: *къ сбору онаго хлѣба назначте людей честныхъ.* Определеіе всѣми Сенаторами подписано, исключая Князя Долгорукаго, который не былъ тогда въ Сенатѣ, и, указы для отправленія уже заготовлены. Князь пріѣхалъ, и ему подали определеіе для подписанія, сказавъ: Вашего Сіапельства только и ждали, дабы разослать указы. Русскій Ариешидъ, прочитавъ определеіе, требуетъ сургучу

и огня, и собравъ всѣ заговоренные указы, съ опредѣленіемъ вмѣстѣ, запечаталъ въ одинъ пакетъ, положилъ въ карманъ, и, не сказавъ ни слова, вышелъ изъ Сенаша и поѣхалъ къ обѣдин. Сенашоры удивленные, одни сожалѣли о немъ, а большая часть радовалась, что *умникъ* (такъ они называли его шутливо) поднадесть гнѣву Государеву, по дѣлу, которое не терпитъ опсѣрокъ и утверждено Петромъ. Въ то же время доносятъ Монарху, бывшему тогда въ Адмиралтействѣ, о случившемся, прибавя: „онъ-де часно спорами своими оспанавливаесть скорое печеніе дѣлъ, а иногда дерзаетъ и ваше повелѣніе презираетъ.“ — Петръ, прочитавъ донесеніе сіе, воспаляется величайшимъ гнѣвомъ; — пріѣхавъ въ Сенашъ, спрашиваетъ: гдѣ Долгорукій? — Уѣхалъ къ обѣдин. Государь посылаетъ за нимъ. Докладываютъ Князю Монаршее велѣніе, чтобы онъ явился въ Сенашъ. — *Слышу.* — Монархъ чрезъ сейоп-

вѣсть переплетъ переплетъ, посылаетъ гнѣвомъ и посылаетъ, чтобы въ шопъ же часъ явился Князь къ нему. Посланный получаетъ шопъ же отвѣтъ. Государь больше и больше раздражается. Непріятели Долгорукаго не упустили случая сего — чернинь его: иные, какъ бы про себя, говорили громко: какое дерзкое упорство! другіе самому Петру: изъ сего можете разсудить, Ваше Величество, что мы ошъ него терпимъ. Огорченный Петръ еще посылаетъ, повелѣвая сказать ему, если онъ замедлитъ прииди, то поступлено съ нимъ будетъ какъ съ ослушникомъ и презрителемъ верховной власти. Долгорукій и на это не отвѣчаетъ, молится, повторяя нѣсколько разъ въ слухъ слова: *Воздадите Божіа Богови, а Кесарева Кесареви.* Посланный спрашиваетъ у Князя, что прикажете донести Государю? — *Все, что видишь и слышишь.* — Доносятъ и о семъ. Между тѣмъ обѣдня опомшла,

и Князь вкорѣ самъ прїѣзжаетъ въ Сенапъ. Лишь только успѣтъ войти, Монархъ спремится къ нему, одною рукой хващаетъ его за воротъ, другою поднимъ обнаженный кортикъ, говоритъ: „ты долженъ умереть какъ провинникъ Государя и послушникъ воли и повелѣнія его!“ — Но напріотъ, Князь Долгорукій, не терпѣтъ духу, обнажаетъ грудь и говоритъ твердымъ голосомъ: *„Рази, вотъ грудь моя, рази; я не боюсь умереть за правду, и ты будешь другой Александръ, а я — другой Клитъ!“* — Монархъ опускаетъ руки, и, какъ бы устращаясь чего, недвижимый, смотритъ ему въ глаза и говоритъ: „Какъ дерзнулъ ты остановить опредѣленіе, утвержденное мною?“ — *„Ты самъ повелѣлъ представлять тебѣ истину и стараться о славу и пользу народа твоего: такъ могу ли по совѣсти исполнить то, что противно истинѣ, тебѣ и пользы народной?“* —

Смягченный такимъ отвѣтомъ Петръ спросилъ: гдѣжъ возьмемъ мы хлѣбъ? или ты хочешь видѣть ужасное зрѣлище голода! — „Нѣтъ, Государь, сохрани насъ Богъ отъ того; средство, опираишь мнимую опасность, не заслуживаешь такого безпокойства твоего и сихъ господъ, моихъ товарищей (указывая на Сенапоровъ). Если бы поусердіе подумали, что нашли бы, что средство что въ нашихъ рукахъ, и выгода была бы та, что твои подданные Новгородской Губерніи, болѣе другихъ отъ войны въ теченіи двухъ-сохъ лѣтъ нягомы несшіе, не обременились бы новымъ налогомъ. — Какое же средство? вопрошаешь успокоенный Государь. — Сядь, отецъ - Государь, я тебѣ скажу, гдѣ взять хлѣба. — Петръ и Сенапоровы сѣли. Долгорукій продолжалъ: „провіантъ твой будетъ „не прежде двухъ мѣсяцовъ, а до того времени есць у меня столько-то „кулей, на продовольствіе жѣ дому мо-

„его надобна мнѣ только половина или „немного побольше, а посему естъ около „половины излившаго; у Князя Мен- „шикова, за всѣми его расходами, какъ „я заподлинно знаю, оспается гораздо „еще больше половины; у Адмирала Го- „ловина тоже, — у того и у того споль- „ко жъ;“ — и наименовавъ всѣхъ по- „именно, разсчитать, что оспанковъ ость „господъ болѣе, нежели нужно на про- „довольствіе въ два мѣсяца солдатъ и „бѣдныхъ, пока прибудетъ хлѣбъ. „И „такъ возьми оспатки у насъ, а какъ „придетъ ожидаемый хлѣбъ, то и мо- „жешь взяшую муку возвратишь по- „вою, мы же довольнѣе оспанемся, по- „луча свѣжую; войско швое и всѣ бу- „дутъ снабдены, а бѣдные Новогород- „цы не будутъ терпѣть штрафы и „жалованья на швою несправедли- „вость. Еще скажу: не думаешь ли ты, „Государь, что крестьянинъ оидѣ- „лается однимъ четверикомъ? нѣтъ! „ему мало будешь и двухъ, *воры ком-*

„мисары сыщутъ къ тому средства; „они подъ предлогомъ, будто бы му- „ка дурна, прогорѣла, не спануть „овую принимай, и мужикъ плачетъ, „да даешь вдвое; о Новогородцахъ же „нечего и говорить!“ Монархъ, вы- „слушавъ все это, обратился къ Сенапо- „рамъ: чпожъ Вы молчите и не про- „тиворѣчите? правду ль *умникъ* - то „говорить, или нѣтъ? — Всѣ признались, „что Князь говорилъ дѣльно и справед- „ливо; всѣ предлагаютъ ошданъ изли- „шекъ своей муки. *Изъ сего вижу я,* „заключилъ Монархъ, *что вамъ можно* „снести его упорство и *противорѣ-* „чїе. — Великій Государь съ чувствитель- „ностію просилъ у Долгорукова прощенія въ запальчивости и неосмошри- „тельности своей, понадѣясь и положась „на ложное Сенатское мнѣніе. Петръ, „прося прощенія у подданнаго своего и не „разъ, возвысился такъ, какъ почши „ни кто изъ смертныхъ не возвы- „шался!

Ни кто не имѣлъ болѣе истинной пивердоѣсти, какъ Фридерикъ II, Король Пруссій. Онъ облянъ *себѣ* своею храбростію и мужествомъ, (какъ Корнель сказалъ,) онъ долженъ былъ только *себѣ* своею славою.

Дѣйствительно, въ первомъ сраженіи, въ коемъ Фридерикъ находился, онъ — для большей безонасности — ушелъ и спрячался подъ мостъ. Одинъ его офицеръ приходилъ къ нему и говорилъ: *Ваше Величество! побѣгъ вашъ разстроитъ всю армію.* Тогда Король преодолаеши себя; онъ побѣждаетъ прежде страхъ, а потомъ и непріятеля. Съ сего времени его неутомимостъ превзошла всѣ препяшества, какъ внутреннія, такъ и наружныя. Будучи тѣлосложеніа слабаго и здорова разспроеннаго, онъ умѣлъ укрѣпить оныя.

Камердинеръ его имѣлъ приказаніе входить во всякое время въ его комнату, въ плъ часовъ утира, будиши его

когда онъ спалъ, и сбросиши его одѣяло, если онъ не скоро вставалъ. Въ одно время, когда Король ему приказывалъ оставиши его въ покоѣ: *Я васъ очень хорошо знаю, отвѣчалъ ему камердинеръ, — вы меня прогоните, если васъ послушаюсь.*

Т е р п ѣ н і е.

Терпѣніе естъ удѣлъ пунниковъ временной жизни, желающихъ достигнуть жизни вѣчной.

Терпѣніе — ключъ къ радости, неперпѣніе — къ раскаянію.

Терпѣніе естъ лекарство отъ всѣхъ бѣдъ и скорбей.

Храниши тайну, сносиши обиды и упоирибляши въ пользу праздное время — сущъ при вещи, ируднѣиши въ свѣтѣ.

Терпите несчастные: ибо кто желаетъ розы, тотъ долженъ желать и терниа.

лека. Чѣмъ же дѣлаетъ съ ними врачъ? предписываетъ то же воздержаніе, которое повелѣваетъ Евангеліе, и иногда гораздо строжайшее, нежели какое налагаетъ Иисусъ Христосъ: врачъ пребываетъ тѣхъ же лишеній и тѣхъ же пожертвованій, которыя кажутся невозможными, когда пребываетъ ихъ Религія; онъ скажетъ: нѣтъ спасенія, нѣтъ надежды, если больной не будетъ остерегаться отъ того, что разстроиваетъ его здоровье, ежели не подкрѣпитъ себя воздержаніемъ самымъ строгимъ.

Иногда врачъ пребываетъ даже пожертвованія склонностями: говоритъ, что дѣйствіе лекарствъ зависитъ отъ свободы душевной, отъ спокойствія сердца, отъ спаранія удалитъ онъ себя всѣ мечтанія, всѣ пожеланія, всѣ воспоминанія, которыя могутъ возбудить или раздражить дѣйствіе чувствъ. Такимъ образомъ отъ одной разстройки здоровья, вчера пресытившійся всеми

устьхами, сегодня лежитъ на одрѣ горести, и, при умноженіи своихъ болѣзней, также отрывается отъ міра, какъ и благочестивые Христіане.

Религія есть усовершеніе, послѣдняя степенъ, полная всего того, чего естественно ищетъ человѣкъ для своего блаженства.

Что становится съ тѣмъ государствомъ, въ которомъ не будетъ Религіи, всегда его подкрѣпляющей, ни нравственности, удерживающей стремленіе страстей? Какъ можетъ существовать общество, въ которомъ каждый дозволитъ себѣ пользоваться всемъ, что только захватить можно и не будетъ имѣть другаго закона, кромѣ права сильнаго, кромѣ своихъ выгодъ? А какъ обыкновенно выгоды однихъ противны пользѣ другихъ, но что изъ того выйдетъ? Непрестанныя распри и хищенія повсемѣстныя; бѣдный ограбитъ богатаго, лѣнивый трудолюбиваго; ни кто не будетъ безопасенъ отъ смерти

Тоска. Склонность къ самоубійству.

Сія болѣзнь происходитъ отъ худого воспитанія, отъ чтенія книгъ одобряющихъ самоубійство, отъ случившихся примѣровъ, отъ презрѣнія и незнанія закона, отъ излишняго или мнимаго просвѣщенія, отъ напряженнаго духа воинственнаго, отъ худыхъ нравовъ, отъ онанизма или малакіи, отъ злоупотребленія кривыхъ спиртуозныхъ напитковъ, отъ полнокровія и желчныхъ нечистотъ въ желудкѣ. Если человекъ при воспитаніи съ малолѣтства не научился уважать правилъ Священнаго Писанія и закона, выполнятъ должностя общественныя, переносятъ превратности человѣческой жизни; тогда онъ будетъ болѣе расположенъ къ лишенію себя жизни, какъ скоро случится съ нимъ какое нибудь огорченіе или несчастіе.

Одна женщина, послѣ нѣсколькихъ

огорченій, почувствовала запоръ мѣсячныхъ кровей, получила головную боль и желаніе прекратить свою жизнь; спустя четыре мѣсяца, она уходитъ изъ своего дома, оставляетъ письмо къ мужу своему: что жизнь ей наскучила и что она идетъ утопиться; она приходитъ въ Сентъ-Клау, чтобы совершить свое намѣреніе, не желая приномъ, чтобы найдено было мертваго тѣла ея; но, во время дороги, мѣсячныя крови у ней открываются, и тогда она очень хорошо почувствовала свое заблужденіе и подумала лишить себя жизни.

Сколько было людей, коихъ бѣдность или печали побудили посягать на свою жизнь, и кои были отвращены отъ онаго пріятными стараніями, утѣшеніями, надеждою на лучшее будущее и хорошею пищею! Нравственность и Религія могутъ отвратить желаніе къ самоубійству, зависящее отъ

спрастей или отъ сильныхъ движеній душевныхъ.

Однако нѣкоторые Медики предлагають лекарство собственнодѣйствующее противъ самоубійства. Нѣкоторые изъ нихъ увѣрены, что печенка есть главная причина болѣзни, что желчь есть первое начало: и они совѣщаютъ давать слабительныя, очищающія печень. Другіе Медики совѣщаютъ пустить кровь излишнюю, дабы очистишь засоренныя сосуды въ мозгу. Славный *Теденъ* и Докторъ *Леруа* совѣщали изобильное питье чистой и холодной воды, и починали ее собственнодѣйствующимъ лекарствомъ отъ склонности къ самоубійству. Теденъ говоритъ, что онъ анпробовалъ это надъ собою и надъ другими. — Если же сія болѣзнь происходитъ отъ слабости и великаго расслабленія, тогда должно давать по 30 гранъ хины съ шестю долями

грапа опія и съ двумя гранами мускуса, черезъ два часа.

Т р у д о л ю б і е.

Человѣкъ рожденъ для труда, также и для общества.

Трудъ есть непочинкъ всѣхъ удовольствій, вѣрѣйшее лекарство отъ скуки.

Нынѣ благороднѣе того, что трудомъ спискиваетъ себя пропитаніе.

Спѣша дѣлать то, что не къ спѣху, выигрываетъ время для того, что нужно сдѣлать къ спѣху.

Трудъ ведетъ насъ къ счастію. Будемъ беречь время, воспользуемся каждою минутой, и не упустимъ ни одной въ праздной и суетной безполезности. Скука не менше удручаетъ какъ и скорбь, простирая даже на Царей свой лѣтъ; не смѣетъ приблизиться къ мудрецу, который, всю жизнь занимался пользою и добродѣтельно, составляетъ изъ нихъ непрерывную цѣпь истинныхъ удо-

вольствий. Онъ починаетъ трудъ за первѣйшую обязанность, за друга людей и утѣшителя ихъ, и по его мнѣнію, ничего не дѣлать — есть несносное бремя.

Въ самомъ дѣлѣ, сколь жалки сѣи безпечныя существа, которыя не умѣютъ заниматься ничѣмъ полезнымъ! Будучи бесполезны себѣ и другимъ, они мершвы на землѣ; или если и показываютъ какіе-либо признаки жизни, то въ безпорядкахъ и порокахъ, конъ всегда бывають неизбѣжнымъ слѣдствіемъ праздности. Древніе думали, что для предохраненія юности отъ заразы разврата, должно ее приучать къ упражненіямъ и трудамъ тѣлеснымъ и душевнымъ; а у Аѳинянъ законы Драконовы осуждали на смерть уличеннаго въ праздной жизни.

Никто исключительно не освобождается отъ труда. Сколь ни были бы мы богаты, но — одолжены обществу, какъ члены его; а когда каждый, соразмѣрно

своимъ способностямъ и силамъ, способствуетъ общему счастью, то прилично ли намъ подражать трушню, который пожираетъ только приготовленный запасъ, а самъ не собираетъ? Но богачи не дѣлаются ли иногда бѣдняками? Не требуетъ ли онъ насъ благоразуміе гошовиться на всякой случай? Мудрецъ трудолюбіемъ своимъ исправляетъ свои несчастія, а въ благополучныхъ обстоятельствахъ безпрестанно ожидаетъ ихъ.

Трудолюбіе, единодушіе и благоуспѣхъ никогда не оспаются безъ награды. Здоровье и спокойствіе суть плоды труда, который для всѣхъ истинное сокровище.

Тщеславіе. Гордость.

Тщеславіе есть слабость, а гордость порокъ.

Тщеславіе вредитъ много мужчинамъ, но еще болѣе женщинамъ.

Чѣмъ гордился человекъ? Его зачатіе — грѣхъ, или случай, рожденіе его — болѣзнь, жизнь — трудъ, смерть — необходимостъ.

Человекъ богатый сполько гордѣ, что считаесть себя выше равныхъ и высшихъ себя. Но имъ онъ не показываесть сей гордостни, а обнаруживаесть се только тогда, когда бываесть съ низшими. Такимъ образомъ, начиная отъ вельможи до ничтожнаго бѣдняка, мы все думаемъ быть выше своего состоянія.

Нѣтъ ничего безумнѣе и смѣшнѣе гордаго человека.

Богъ гордымъ пропившися, смиреннымъ же даесть благодасть.

Если хощите, чинюбъ все васъ любили и уважали, то будьте учтивы и ласковы со всеми. Когда же, напропивъ того, отъ грубаго и гордаго обхожденія вы сдѣлаесть неспособными для нихъ, конъ васъ окружающъ, то низшіе васъ возненавидятъ, высшіе будутъ васъ

презирають, и все будутъ насмѣхаться надъ вами.

Одинъ знашнаго рода Аѳинянинъ, увидѣвъ Діогена на кладбищѣ, спросилъ его, чѣмъ онъ тамъ дѣлалъ: „я искалъ, сказалъ ему Діогенъ, *костей вашего родителя между костями простолюдиновъ: но все здѣсь, кажется, такъ перемѣшано, что не могу ихъ и отличить.*

Всякой, любя себя самага, почитаесть себя всегда достойнымъ высочайшаго званія. Малѣйшій въ свѣтѣ гордецъ, если онъ не будетъ стараться умѣришь себя, захочетъ быть Государемъ, если будетъ ему возможно.

Нельзя имѣть гордостни, когда имѣеъ любовь къ своему ближнему. Возможно ли, чинюбъ человекъ, любящій ближняго своего, могъ рѣшиться пренебрегать его.

Себялюбіе почти всегда наказываесть всеобщимъ презрѣніемъ.

Отъ самолюбія, всегда говорящъ болѣе о самихъ себѣ, и отъ онаго же не

хотятъ, чтобы другіе о себѣ говорили.

Изъ всѣхъ пороковъ, гордость вообще всѣмъ ненавидима, поному что она несносна даже и для надменныхъ.

Умный человѣкъ желаетъ имѣть репутацію честнаго и добраго человѣка; глупый же хочетъ быть только богатымъ, чтобы имѣть наилучшее кушанье, огромной и великолѣпный домъ, не по своему состоянію.

Праздность есть мать всѣхъ пороковъ, высокомеріе мать всѣхъ грѣхамъ.

Самолюбіе никогда не удовлетворяется и не можешь быть доволенъ, поному что, по сему чувству, мы предпочитаемъ себя другимъ, требуемъ, чтобы и другіе насъ предпочитали болѣе себя, а это невозможное дѣло.

Гордость приводитъ въ презрѣніе и унижаетъ все: умъ, добродѣтели и таланты.

Гордецы не благоденствуютъ никог-

да. Порожнія бочки дѣлаютъ болѣе шуму, нежели наполненные.

Если ты приобрести какой-либо талантъ, то не будь къ нему пристрастенъ; не имѣй объ немъ слишкомъ высокаго мнѣнія. — Свѣтъ охотно унижаетъ тщеславныхъ и возвышаетъ унижающую себя скромность. Не говори никогда другимъ о самомъ себѣ — ни добраго, поному что они тебѣ не повѣрятъ; ни дурнаго, поному что они будутъ подозревать еще болѣе, нежели ты имъ скажешь. Особенно остерегайся говорить безпрестанно о себѣ самомъ. Басня представляетъ ворону гордую и тщеславную: хитросеть лисцы была среднимъ къ ея обличенію и наказанію. Не имѣйте тщеславія слушать похвалы льстецовъ; они поведутъ васъ къ большей и важнѣйшей потерѣ.

Тщеславіе или хвастовство есть пища глупыхъ людей. Хвастовство ничего хорошаго не производитъ, а отъ гор-

досши не ожидайте ничего, кромѣ пороковъ.

Люди высокомерные и тщеславные подобны хлѣбнымъ колосьямъ; тѣ, кои поднимаютъ болѣе голову, бываютъ гораздо пусше.

Удовольствіе отъ тщеславія никогда не сравнится съ сладостію благошворенія.

Т я ж б ы.

Спаринная пословица говоритъ: *и худой миръ лучше доброй брани.*

Два человека нашли усприцу, изъ коихъ каждый хотѣлъ ее съѣсть, но не соглашаяся въ томъ между собою добровольно, они пошли оба къ судѣ, который, выслушавъ ихъ ссору, раскрылъ усприцу, и—давши челоушечкамъ каждому по раковинкѣ, самъ проглотилъ усприцу въ ихъ глазахъ, сказавъ, что онъ это взялъ за работу.

Спаситель нашъ, *Исусъ Христосъ*, сказалъ: „Когда ты идешь съ соперникомъ своимъ къ судѣ, то еще на пути старайся скорѣе примириться съ нимъ, чтобы онъ не опдалъ тебя судѣ, а судья не опдалъ бы тебя поременному приставнику, и не ввергнулъ бы тебя въ темницу. Истинно говорю тебѣ: не выйдешь оттуда, пока не опдашь до послѣдней полушки.“ (Читай: Евангеліа Матфея, главу V, стихъ 25, 26).

„Тщетно надѣются имѣть безпристрастныхъ судей, ежели не дано добрыхъ нравовъ гражданамъ,“ — сказалъ *Фокіонъ*.

Одинъ богатый банкиръ въ Неаполѣ, умирая, опдалъ своего единороднаго сына монахамъ въ инокшорую пустыню, дабы воспитанъ и потомъ посвирить его въ монахи, оставя имъ все свое имущество, состоящее изъ 100 тысячъ червонцевъ; но онъ прибавилъ въ завѣщаніи своемъ, что если

внѣ его захочетъ приять другое званіе въ жизни, то чтобы онъ тогда уже ему возвратили то, что они пожелаютъ. Сей сынъ, достигнувъ совершенныхъ лѣтъ, не могъ согласиться остаться въ духовномъ званіи, и потребовалъ имуществъ своего родителя. Монахи предложили ему только 10 тысячъ червонцевъ; онъ будучи въ неудовольствіи, принесъ жалобу Герцогу Оссонъ, Вице-Королю Неаполитанскому. Монахи слышавъ на почтныя слова завѣщанія; на сіе Герцогъ объявилъ сими словами: „Это весьма справедливо, оныи мои, чтобы завѣщаніе въ точности было исполнено; въ немъ сказано, чтобы вы отдали сыну то, что вы пожелаете; изъ числа ста тысячъ червонцевъ, кои родители вамъ оставили, вы желаете 90 тысячъ, следовательно сію сумму должно отдать сыну.“

Уединеніе.

Кто полюбитъ свою келью, тотъ найдетъ въ ней миръ, сказано въ книгѣ: О подражаніи Іисусу Христу.

Блаженъ, кто удался безпокойныхъ суетъ и шумныхъ забавъ свѣта сего, наслаждается удовольствіями пріятнаго уединенія, и коего лучшая бесѣда въ домашнемъ кругу, или съ самимъ собою. Онъ сперва скучаетъ; но мало по малу открываетъ, въ уединеніи своемъ, множество удовольствій, о коихъ прежде советъ не имѣлъ помышля. Созерцаніе Природы представляетъ ему неизсякаемый источникъ живѣйшихъ наслаждений. При томъ же трудъ облегчаетъ скуку одиночества. Глазъ непосредной совѣсти его заславляетъ его взирать съ презрѣніемъ на безуміе и нищету временной славы. Онъ печется только о спокойствіи душевномъ, не боится ни непостоянства счастья, ни своеволія судьбы; гнушается корысто-

любія, пренебрегаетъ плѣнность сокровищъ земныхъ. Пользуясь насло-
ящимъ временемъ, не беспокоится о
будущемъ; не бываетъ никому въ плѣ-
госнѣ; не случается съ нимъ никогда
досадительной нужды пропировѣчь
своимъ мыслямъ, ни поработаться
прихотямъ вельможъ. Чуждый всякаго
чиноначальства, не превозносится зло-
правіемъ повелителей, не заботится
о ихъ благосклонности, не обязанъ ни-
кому угождать подобострастно и
излишнюю учинивоснью. Въ невозмо-
жности своей наноситъ ближнему оби-
ды, почитаетъ себя счастливымъ.
Научается прошедшими обстоятель-
ствами, примѣчаетъ настоящія, и всѣ
мысли свои ограничиваетъ токмо по-
печеніемъ о самомъ себѣ, не мѣша-
ясь въ дѣла чужія. Равнымъ обра-
зомъ, будучи не причастенъ ни гордо-
сти, ни тщеславію, сребролюбію почи-
таетъ дурачествомъ, роскошь смѣш-
нымъ сіяніемъ, зависѣть подлостью,

плѣнность грѣхомъ. Языкъ его не устаетъ
онѣ всечаснаго прославленія чудесъ
Создателя и не занимается никакимъ
суетловіемъ. Не имѣя случая ни оскорб-
ляться, ни гнѣваться, вѣритъ ему ниче-
го противнаго. Занятый всегдашнимъ
обращеніемъ съ почтенными мужами
древности, не внемлетъ глупому мно-
горѣчію современниковъ своихъ; презвѣ
и воздерженъ въ нищѣ и пищѣ, не вре-
дитъ здоровью своему на пиршествахъ
ни лакомствомъ, ни пресыщеніемъ. Мо-
жетъ имѣть все, что пожелаетъ;
ибо того и не хочетъ, чего имѣть не
можетъ. Спитъ въ обіяніяхъ пишины
покойно, и пробуждается съ веселіемъ.
Умѣетъ употреблять время въ пользу
себя. И такъ ведетъ жизнь свою, нѣтъ
непрерывной цѣпи невинныхъ и сладо-
стнѣйшихъ ошрадъ сплешенную. Разго-
воръ его съ небесами, куда и мысли
свои онѣ непрестанно устремляетъ.
Не желаетъ плѣнныхъ сокровищъ вре-
мени, въдалъ пищу оныхъ; по

воздыхаетъ о небесныхъ, по извѣстной ему ихъ невещественности, къ которымъ онъ духъ свой прилѣпляетъ. Наконецъ, ожидаетъ смерти безъ желанія и безъ болзни.

Спокойствіемъ продолжается жизнь. Свѣтъ огниваетъ насъ у самихъ себя; уединеніе же возвращаетъ. Свѣтъ есть не иное что, какъ полна бѣглцовъ, бѣгущихъ собственно отъ самихъ себя.

Умѣренность.

Умѣренность есть воздержаніе себя въ жишескихъ наслажденіяхъ, а особенно въ пищѣ; это вѣрнѣйшій способъ сохранить свое здравіе; безъ здравія же и жизнь бываетъ въ шоготъ, и превосходныя нравственные качества наши исчезаютъ. Умѣренность удерживаетъ наши желанія въ своихъ границахъ; научаетъ убѣгать излишняго, и наслаждаться просто дарми Нашуры. Должно приучать за-

ранѣ молодыхъ людей, даже избыточныхъ, вести жизнь умѣренную и презвую; ибо иногда могутъ случиться такіа обстоятельствова, въ коихъ сіа первая привычка можетъ имѣть много вліянія на счастливое ихъ сосполніе.

Лучшее лекарство отъ душевныхъ и плѣсныхъ спраданій, есть — умѣренность.

Нѣтъ мира, нѣтъ счастья на землѣ безъ крайняго умѣренія нашихъ желаній и чувствованій. Человѣкъ долженъ быть шерпѣливъ — для того, что онъ слабъ. Умѣренность есть его мудрость. Даже почти всѣ его добродѣтели дѣлаются пороками, когда простираются до чрезмѣрности. Излишество есть человѣческая глупость. Ничто чрезмѣрное не дѣлаетъ намъ прочнаго счастья: самая возвышенная степень возлагаетъ на насъ безчисленныя несносныя пижесни; необъятное богатство вводитъ въ неисчетныя замѣшательствова; умѣренность только сосна-

являетъ самое прочное состояніе, какое только можно имѣть на землѣ. Вся излишества удовольствій бывають совершенно соразмѣрны въ жизни нашей съ печалями. — Если бы мы хотѣли сдѣлаться только счастливыми, то сіе бы весьма легко было исполнить; но, къ сожалѣнію, мы хотимъ всегда быть счастливѣе другихъ, а сіе-то и чрезвычайно трудно; ибо другихъ обыкновенно считаемъ мы счастливѣе, нежели они суть въ самомъ дѣлѣ. (*Монтескь*).

„Природа пребудетъ необходимаго, самолюбіе пріятнаго, а спроси излишняго.“ (*Бурдау*).

Умѣренность есть добродѣтель, побуждающая насъ сохранять во всемъ благоразумную мѣру. Она обуздываетъ въ насъ гнѣвъ и снабжаетъ терпѣніемъ къ перенесенію обидъ, удерживаетъ отъ распочинчивельности или роскоши, и отъ гордости. Умѣренной человекъ не гордится въ счастіи и не унываетъ

посреди бѣдствій. Душа его есть изображеніе тихаго моря, невозмущаемаго никакимъ вѣтромъ.

Прекрасно изрѣченіе Сенеки: *Старайся такъ наслаждаться удовольствіями настоящими, чтобы не поередить будущими!*

Всякая вещь отъ рѣдкаго употребленія кажется пріятнѣе.

Упрекали некогда Сюлли, что онъ имѣлъ споль очень умѣренный. „Если гости мои, опивчаль онъ, честные и воздержные люди, то для нихъ достаточно; если же они негодяи и неумѣренные, то для нихъ и этого уже много.“

Докторъ Гекетъ, посѣщая своихъ больныхъ богатыхъ, ходилъ часто на кухню цѣловать поваровъ. *Любезные друзья*, говорилъ онъ имъ, *я вамъ премного обязанъ за все ваши одолженія, кои вы оказываете намъ, врачамъ: безъ васъ и безъ вашего искусства мы бы все пропали.*

насплыть сивной; вездѣ пойдешь замѣ-
шательство, волненіе и убійство.
Вопь каковы были бы послѣдствія,
для всѣхъ насъ общія; вопь каковъ
былъ бы плодъ невѣрія во всемъ мірѣ,
если бы ему удалось только низпро-
вергнуть Религію!

Самая высочайшая степень совер-
шенства, до которой только можно
возвести истинное благосостояніе об-
щества, есть плодъ правилъ Евангель-
скихъ; оными, сильные и богатые какъ
бы принуждаются раздѣлять счастье
свое съ несчастными и угнетен-
ными, и сія находятъ здѣсь твердую
подпору и безопасность! Вопь почка,
до которой никогда не достигаютъ
законоположенія человѣческія; и нико-
гда они не произведутъ того, что про-
изводитъ Евангеліе. Таково его прево-
сходство, отличающее его отъ всѣхъ
постановленій политическихъ, отъ
всякаго правоученія, каковыя только
отъ самыхъ древнихъ вѣковъ являлись

въ мірѣ. Евангеліе представляетъ вѣр-
ный способъ устроить миръ во вселен-
ной, водворить согласіе между человѣ-
ками и блаженство въ государствахъ.

Въ числѣ всѣхъ Религій, намъ извѣ-
стныхъ, одна Христіанская доказы-
ваетъ и оправдываетъ стремленіе
сердца человѣческаго къ непоколебимо-
му и твердому блаженству. Безпре-
дельность желаній человѣческихъ не
можетъ ни удовлетворена, ниже изъ-
снена быть никакою философскою си-
стемою. Одинъ Іисусъ Христосъ по-
даетъ намъ надежды наслажденія, со-
размѣрнаго нашимъ требованіямъ и на-
шимъ несытнимъ желаніямъ позна-
ній; одинъ Онъ можетъ пренести насъ
въ безпредѣльность вѣчности.

Два изрѣченія изъ Евангелія поучи-
тельны многихъ философскихъ книгъ:
прочитавъ славнѣйшихъ Писателей
языческихъ, не найдете въ нихъ ни-
чего такого, что можно бы сра-
внить съ этими двумя заповѣдями Еван-

У ч е н і е.

Ученіе есть обращеніе ума къ Наукѣ, къ Словесности, къ Художествамъ. Оно приучаетъ насъ къ трудолюбію, просвѣщаетъ въ опиравленіи нашихъ должностей и утверждаетъ наше благоденствіе. Ученіе есть истинное всеобщее лекарство отъ всѣхъ болѣзней; оно облегчаетъ напасти и бѣды, и удаляетъ наклонности порочныя.

Диогенъ сказалъ, что ученіе похвально потому, что оно дѣлаетъ юношей презвыми, старыхъ утѣшаетъ, нищихъ обогащаетъ, богачей украшаетъ.

Для человѣка всякое ученіе столь же необходимо, какъ воздухъ, копорымъ онъ дышитъ, какъ пища, копорой поддерживается онъ физическое свое существованіе. Пословица говоритъ: „Не посѣвъ не жнутъ,“ — то есть, не должно ожидать награжденія, не

потрудившись.... Кто посѣвъ знаній въ юности, поотъ сожнетъ радости и удовольствіе въ старости.

Всякой благосовитанный человѣкъ долженъ непременно знать правописаніе и умѣть писать, если не красиво, то по крайней мѣрѣ четко и правильно.

У ч т и в о с т ь. В ѣ ж л и в о с т ь.

Учтивость есть самая благодѣтельная выдумка общежитія, есть плодъ хорошаго воспитанія и существенный признакъ благородства. Она имѣетъ свойство привлекать къ себѣ благосклонность людскую безъ многихъ трудовъ, и самая грубость не можетъ безъ смятенія ей противиться. Она веститъ ничего, а часто приносить великія выгоды. *Коммацио* внятно говоритъ: „Благоволеніе людское приобрящается чаще добрымъ поведеніемъ, нежели многотинностию злаша.“ И вѣрно, что непринужденная учти-

воспѣ производить чрезвычайныя дѣйствія: она принуждаетъ разумнаго человека быть честнымъ, скупаго превозмощи, свирѣпаго укрощаетъ, а глупаго опдалаетъ. Она бываетъ въ Государяхъ украшеніемъ, въ первоклассныхъ гражданахъ пріятностію, а въ просполюдинахъ диковиною; служишь человеку предшательствомъ, и часто доставляетъ ему больше чести, нежели бы надлежало.

Учтивость — вездѣ уважаемая, но не всегда наблюдаемая — есть нѣкотораго рода вниманіе относително къ другимъ, чтобы чрезъ наши слова и поступки, другіе были довольны какъ сами собою, такъ и нами.

Учтивость наша не всегда внушаетъ въ другихъ доброту, благотворительность, справедливость, снисходительность, благодарность; но она даетъ тому по крайней мѣрѣ наружный видъ, и заставляетъ казаться

человѣка снаружи такимъ, какимъ онъ долженъ быть внутренно.

Для того, что золото рѣдко, изобрѣли позолоту, которая не имѣла прочности настоящаго золота, имѣетъ весь блескъ онаго: и такъ, чтобы замѣнить доброту сердца, которой у насъ не достаетъ, мы изобрѣли учтивость, показывающую нашу доброту наружную.

Учтивость въ нѣкоторомъ отношеніи важнѣе дружбы. Можно обойтись безъ друзей, но не можно безъ общества; а безъ учтивости нѣтъ общества. Снискивая любовь другихъ, а съ нею миръ и согласіе, она способствуетъ къ сохраненію между нами сего сладкаго союза, соединяющаго прелесть общественной жизни.

Если бы вельможи входили сами въ себя, размышляли бы объ удовольствіи, которыми наполняютъ души обласканныхъ ими; но не были бы скупы на свои ласки: пріятное чувство тѣхъ

и другихъ было бы сладкою взаимною наградою. Такой образъ мыслей имѣлъ *Траянъ!* Любимцы его, видя, что онъ всѣхъ принимаетъ съ величайшею ласкою, представляли ему, что онъ забываетъ величіе Имперіи. „Я хочу, оповѣщивалъ онъ, чтобы подданные мои нашли во мнѣ такого Императора, какого бы я желалъ имѣть, если бы былъ простымъ человѣкомъ.“

Ложное величіе ужасно и неприступно; оно какъ будто боялся, чтобы не разсмотрѣли его вблизи, чтобы не увидѣли то, что оно есть — истинная малость.

Одна знатная Нѣмецкая Дама приняла къ себѣ однажды Французскихъ офицеровъ съ видомъ снисхожденія и важности; это имъ очень не понравилось; они вскорѣ оставили ее, одинъ за другимъ; послѣдніе же изъ нихъ сказали слугѣ, ихъ провожавшему: „поди съдай компанію своей госпожѣ.“

Ласковости должна быть исключи-

тельною добродѣтельною людей великихъ, или занимающихъ важныя мѣста. Чѣмъ кто возвышеннѣе другаго, тѣмъ болѣе долженъ быть тихъ и привѣтливъ. Желаете ли быть любимы? — будьте челоѣколюбивы, снисходительны и доступны. Показывайте всѣмъ сей видъ благородной и простой, привлекающей сердца. Дѣлайте, чтобы, послѣ разговора съ вами — всякой былъ собою доволенъ, а вами восхищенъ. Изгоните изъ вашихъ словъ нерасположенность и гордость, которыя ничего не прибавляютъ къ величію, а много отнимаютъ отъ великихъ... Предупредите вашимъ пріемомъ челоѣка, не смѣющаго къ вамъ подступиться, и облегчите робкое замѣшательство, страшющееся произнести слово!...

Меръ одного небольшого Французскаго городка, поднося ключи Королю, долженъ будучи сказать ему рѣчь, началъ такъ: „Государь! радость наша, при видѣ вашего величества,

споль велика, что "... и въ эту минуту онъ такъ оробѣлъ, что нищенно спарался вспомнить послѣдующее и, заикаясь нѣсколько разъ, повспоралъ послѣднія слова. — „Конечно,“ — сказалъ ему Государь ласковымъ тономъ, *„радость ваша такъ велика, что вы не можете ее выразить.“*

Учтивый человѣкъ спарается содѣлать другихъ довольными имъ и самими собою; ибо сильнѣйшая спрается людей сослонишь въ желаніи быти любиму и уважаему; совершенная учтивость заставляеть особенно оказывать всѣмъ уваженіе и почщеніе, не проганъ тонко ихъ самолюбія и даже льстишь оному. Это не по, чтообъ всегда нужно было льстишь грубо и унижаясь: лестишь всегда порокъ; и испинно вѣжливый и справедливый человѣкъ, постыдился бы употреблять оную. Но если невозможно правиться безъ употребленія припрворства и лжи,

то должно пожертвовать учтивостію испиниъ.

Учтивость, происходящая изъ чувствъ Христіанскихъ, есть совершеннѣйшая и приличнѣйшая; поелику она всегда происходитъ отъ сердца благодѣтельнаго, отъ друга человѣчества, отъ желанія сдѣлать всѣмъ удовольствіе; это вѣжливостъ, постолиная, чиспосердечная, справедливая, а неприпрворная учтивостъ, которая иногда употребляется для полученія какой-нибудь выгоды.

Испинная вѣжливостъ есть превосходитѣйшее качество, способное обрацать на свою сторону сердца. Ея могущество споль сильно, что она побѣждаетъ даже враговъ, и даже иногда обезоруживаетъ ихъ.

Всѣ спараются быть въ обществѣ съ вѣжливымъ человѣкомъ. Спросили нѣкогда *Фонтенелля*, бывшаго умнѣйшимъ и вѣжливейшимъ человѣкомъ своего времени, какимъ средствомъ онъ

приобрѣлъ споль много друзей и не имѣлъ ни одного врага? Посредствомъ сихъ двухъ аксіомъ, опивѣчалъ онъ: *все съ сѣтъ возможно, и всякой правъ* (tout est possible, et tout le monde a raison.)

Такимъ-то образомъ поступаетъ всякой благоразумной и вѣжливый человекъ. Будучи увѣренъ, что во многихъ случаяхъ гораздо лучше сохранить шипину, нежели упорствовать, обнаруживая правду безъ большей нужды, онъ предупреждаетъ споры или ихъ останавливаетъ, уступая прилично и подлаживая ко мнѣніямъ другихъ всегда, когда это только не касается до его совѣсти, чести ближняго, и закона. Если же иногда онъ бываетъ въ необходимости опаривать мнѣнія другихъ, то онъ это дѣлаетъ съ учтивостію и смирениемъ, кои составляютъ любить правду, имъ прозисненную, и которая принуждаетъ согласиться, не обижая самолюбія.

Благовоспитанный человекъ со всѣмъ

бываетъ вѣжливъ. Кавалеръ Вилліамъ Гоэльсъ, Губернаторъ въ Виргиніи, разговаривая съ однимъ купцомъ на улицѣ въ Вильямсбургѣ, увидѣлъ проходящаго невольника, которой сдѣлалъ ему поклонъ; онъ ему поклонился также. Какъ, сказалъ купецъ, ваше превосходительство унижаете себя до того, чтобы поклониться невольнику! — *Безъ сомнѣнія*, сказалъ Губернаторъ, *для меня было бы весьма обидно, если бы невольникъ оказалъ себя болѣе учтивымъ, нежели я.*

Ф и л о с о ф і я .

Философія — школа добродѣтели и великодушія, которая приутошляетъ сердце человека ко всѣмъ великимъ дѣланіямъ и возвышаетъ его превыше предразсудковъ и пороковъ. (Вирей).

Философія учитъ насъ побеждать наши спрасни. Человекъ, управляемый

ими, всегда находится въ крайности, въ напряженномъ состояніи, и не можетъ достигнуть спокойнаго расположенія, которое столь необходимо къ сохраненію жизни.

Должно приучать духъ свой къ безстрастію и философскому равнодушію, и стараться сообщать ему твердость въ печальныхъ провешествіяхъ. Сіе будетъ предохранять отъ физическаго вреда мгновенно потрясающихъ впечатлѣній и давать въ непредвидѣнныхъ опасностяхъ спасительную рѣшимость и отвагу.

Независимость, сіе верховное благо въ жизни, принадлежитъ только однимъ Философамъ.

Истинный Философъ познается презрѣніемъ его къ земнымъ вещамъ; потому что *свобода духа* никогда не можетъ согласиться съ попеченіями и заботами мірскихъ суетъ.

Философъ *Анахарсисъ* писалъ нѣкогда къ *Крезу*: „Знай, Крезъ, что въ

Аѳинскомъ училищѣ обучаемся мы не повелѣвать, но быти въ повелѣніяхъ и повиноваться; не говорить хорошо, но умѣть молчать; не спорить, но точно исполнять предписанное намъ; не мстить, но больше прощать; не чужое имѣніе присваивать, но удѣлять изъ своего собственнаго другимъ; не почести искать, но стараться быти добродѣтельными; не богатства домогаться, но умѣть довольствоваться малымъ. Воистъ въ чемъ состоятъ истинная мудрость; а въ прочемъ одно только прихворство и лицемеріе.

Философія способствуетъ къ исправленію нравовъ, усовершенствованію разума и украшенію ума многочисленными познаніями, какъ полезными, такъ и любопытными. Она-то изцѣляетъ насъ отъ народныхъ мѣній и предразсудковъ, выводитъ изъ заблужденій, приближая насъ къ первымъ началамъ, внушая намъ, что мы рождены для справедливости и добродѣтели,

и оцупительными примѣрами показывается, что есть верховное Существо, Которое всѣмъ управляетъ и надъ всѣмъ начальствуетъ. Мірѣ, во всѣхъ своихъ часняхъ, возвышаетъ и открываетъ своего Творца; но, по большой часни, для глухихъ и слѣпыхъ, кои имѣютъ уши, и не слышатъ — имѣютъ очи, и не видятъ. Философія намъ представляетъ вселенную, какъ обширнѣйшую картину, коея каждая часть имѣетъ свое назначеніе, всякая черта свою пріятность и красоту, но въ коей все вмѣстѣ еще чудеснѣе. Показывая намъ столько прекрасное зрѣлище, она заставляетъ насъ замѣчать: какой во всемъ порядокъ и соразмѣренность; съ какою гармоніею сей общій и частный порядокъ наблюдается и сохраняется; а чрезъ то самое заставляетъ насъ признавать верховное Существо и вездѣ дѣющую, всѣмъ управляющую.

Хозяйство, домоводство.

Если человекъ не имѣетъ большаго достатка, то скупость его не можетъ быть предосудительна: ибо не меньше похвалы и въ томъ, чтоо бы важное сохранить, какъ и важнѣе. Добраго хозяина почитаютъ всегда благоразумнымъ, и кто по счастію одаренъ такимъ качествомъ, тому не можно обойтись безъ нѣкоторой скупости; а безъ того — прощай и домоводство. *Меценатъ* сказалъ Августу, говоря о способахъ къ сплоченію имѣнія, сказать, что должно радоваться не столько многимъ доходамъ, сколько малымъ расходамъ. Но хоня домоводство и почитаютъ добродѣтельно; однако же надобно согласиться, что нѣтъ никакой изъ добродѣтелей ближе онаго къ пороку: потому что оно въ ближайшемъ свойствѣ съ сребролюбіемъ; а гдѣ хозяйство, тамъ обыкновенно близко и любостыжаніе. Примѣчено, что дѣши,

кон рановременно бываютъ домовиты, съ лѣтами дѣлаются серебродобы, и чинъ человекъ съ бережливостію не старѣе двадцати лѣтъ, достигши 30-лѣтняго возраста, чинъ и за собственнымъ своимъ споломъ жалѣетъ наѣдаться досыта. Впрочемъ кажешся, хозяйство, означая дѣйствіе ума, предоставлено совершеннымъ лѣтамъ; а пошому и находится шолько въ спарикахъ и въ женщинахъ, которыя естественнѣе будучи подвержены безпричиннымъ спрахамъ, болясь со временемъ недосыатка, какъ въ изобиліи, такъ и въ самой нуждѣ.

Доброе хозяйство есть средина между расточительностью и скупостью, и должно сполнѣ такъ швердо, чинѣ не клониться ни къ шой споронѣ, ни къ другой. И такъ не меньше надобно разума въ поведеніи, сколько знанія въ домоводствѣ; а сін два свойства рѣдко случаются вмѣстѣ. Разсмаширивая въ шонкоспи добрыхъ хозяевъ мо-

его вѣка, вижу многихъ изъ нихъ порабощеннымъ самому гнусному серебродобию. Человекъ склонный къ вину сдѣлается современемъ пьяницею; любострасшый — преданнымъ женскому полу; равномѣрно кшо не щедръ, шолтъ современемъ будетъ любить всячески приобрынашъ; не преминетъ упошреблять и всякіе проски для накопленія.

Хвала добродѣтельной женщинѣ, которая, посвящая свое время хозяйству, а не льстивымъ приманкамъ свѣта, водворяетъ въ домѣ своемъ порядокъ и благоустройство, и выполняетъ во всей полнотѣ обязанности супруги и матери! Миръ и обиліе шшверждаются навсегда въ небольшомъ ея владѣніи; шамъ въ дни лены — и, между шѣмъ какъ большая часть женщинъ проводятъ жизнь непрестанно оправляя спѣдающими безпокойствами, обыкновеннымъ слѣдствіемъ пышныхъ, шумныхъ обществъ, скромная мать своего семейства, счастливая его благо-

денствіемъ, находитъ сладчайшую награду въ сердцѣ своего супруга и въ ласкахъ дѣтей своихъ.

Ничто такъ много не способствуетъ бережливости, какъ чистота и порядокъ, чтобъ имѣть всегда всякую вещь на своемъ мѣстѣ. Сіе правило почти ничего не значить; однако оно приноситъ великую пользу, если строго и въ точности будетъ наблюдаемо. Имѣете ли нужду въ какой-нибудь вещи, вы не перелаете никогда ни одной минуты, чтобъ ее искать; нѣтъ ни замѣнательствъ, ни споровъ, ни основовокъ, ни затрудненій, когда въ сей вещи имѣете нужду; вы пошлете ее находить, и когда она вамъ уже не нужна, то въ ту же минуту кладете ее на то же мѣсто, гдѣ вы взяли ее. Сей необходимый порядокъ производитъ чистоту и опрятность. Безъ сего устройства многіе теряютъ много времени, искавши какую-нибудь вещь,

выходя изъ терпѣнія, сердятся, особенно когда вовсе не найдутъ нужного.

Многіе разоряются болѣе пусыми издержками, чѣмъ небрежливости, не желая оныхъ большихъ расходовъ. Кто умѣетъ въ пользу употребить малыя вещи, тотъ пріобрѣтетъ достаточное имѣніе. Всѣ большія вещи состояются изъ малыхъ, кои рачительно собираются. Кто ничего не шлетъ, тотъ скоро разбогачится.

Х р а б р о с т ь .

Древніе съ довольною точностью дѣлали опредѣленіе храбрости, называя ее добродѣтелью, вступающеюся за справедливость. Въ самомъ дѣлѣ, одна глухость будетъ желать грома въ тихую погоду; употреблять же всѣ средства противъ наступившей бури прилично мудрому человеку. Когда обстоятельства и необходимость требуютъ, должно жертвовать самимъ

собою и предпочиташъ смерть рабству. Послѣ сильнаго разбитія Персовъ на Марафонскомъ сраженіи, на коемъ командовалъ *Мильтіадъ*, и преслѣдуя оныхъ до флота ихъ, *Синежиръ*, Аѳинскій воинъ, ухватился правою рукою за одно изъ судовъ, наполненныхъ бѣгущими, и не выпускалъ оное, пока руку ему отрубилн; шунтъ взялся онъ лѣвою, и, поперявши также и сію, уцѣпился за судно зубами. Удивительно въ храбрости сего человека то, что таковое пораженіе его не успрашило, и что потерявъ обѣ руки, онъ не оробѣлъ, но наконецъ прибѣгнувъ къ оружію, опять природы къ употребленію сему не назначенному!

1770 Года Июля 20, нашъ Герой, Графъ Пётръ Александровичъ *Румянцовъ* - Задунайскій, примѣнилъ движенія въ лагерь Турецкомъ при Кагулѣ, обратился къ своимъ Генераламъ и сказалъ: „Если Турки осмѣлятся въ семь мѣстъ разбить хотя одну свою

палатку, то я въ эту же ночь сниму ее.“ Въ слѣдствіе чего на 21-е число, въ часъ по полуночи, и пошелъ онъ съ арміею, изъ 17,000 человекъ состоящею, на Визиря Галиль-Бей, имѣвшаго около 150,000 Турокъ (и кромѣ сего было 100,000 Ташаръ при Ханѣ), разбилъ сіе ополченіе, взялъ весь лагерь, обозъ и 140 пушекъ. — Сей Герой не спрашивалъ о числѣ непріятеля, но только: гдѣ онъ?

Сраженіе Моргартенское (въ 1315 году) столь же знаменито въ лѣтописяхъ Швейцарин, сколько и битва при Термонлахъ, въ Греціи. Когда Швейцары свергли съ себя нго Австрійцевъ во время царствованія Эрц - Герцога Албрехта, то сынъ его Леопольдъ, желая отмстить, предпріятъ поразишь Швейцаровъ, предводительствуя двадцати-тысячною арміею. Швейцары ожидали его въ числѣ около 1300 человекъ при Моргартенѣ, и были гораздо счастливѣе, нежели Лакедемонцы

гельскими: *Возлюбиши Господа Бога твоего отъ всего сердца твоего и отъ всея души твоея, и ближняго твоего яко самъ себя.*

Чистота и невинность дѣлъ должны сопровождать вѣрующаго; ибо Вѣра безъ дѣлъ недостаточна ко спасенію.

Блаженъ человекъ, любящій по званію, въ которое Промыслъ его поставилъ! Религія даетъ новую цѣну совершенному исполненію нашихъ обязанностей и превращаетъ труды и скорби наши въ удовольствія. Истинный Христіанинъ почиаетъ себя счастливымъ, заключая себя въ границы должностей своихъ, которыя божественный Промыслъ ему предназначилъ; онъ вѣдаетъ, что, прилѣжа къ самымъ высокимъ и низкимъ должностямъ, онъ драгоценнѣе въ очахъ Божіихъ, нежели безъ радія въ блестящемъ санѣ управленія цѣлымъ свѣтомъ; вѣдаетъ, что онъ поставленъ тамъ, гдѣ Богу угодно, чтобы онъ былъ; а

дѣлая угодное Богу, онъ находится въ благороднѣйшемъ и почтеннѣйшемъ состояніи, въ какомъ только быть можетъ, и оспаваясь въ безызвѣстности, онъ живетъ для Того, въ рукахъ Коего сила и держава на небеси и на земли, и каждая минута сей безызвѣстной жизни обѣщаетъ ему неоцѣненное благо въ небесномъ царствіи Его.

Пути Господни почти всегда просты и одинаковы, и для спасенія нашего нѣтъ нужды всегда прибѣгать къ пылкимъ подвигамъ и вести жизнь необыкновенную. Религія, оспавляя насъ въ нашемъ обществѣ, въ нашемъ семействѣ и въ нашемъ званіи, не требуетъ отъ насъ ничего иного, кромѣ того, что мы сами по себѣ должны дѣлать ежедневно. Единственная ея цѣль состоитъ въ возвышеніи нашихъ мыслей, въ очищеніи нашихъ побужденій и учненіи насъ счастливыми чрезъ впечатлѣніе въ наши намѣренія вѣчной пользы нашей.

при Термопилахъ, обративъ въ бѣгство всю многочисленную непріятельскую армію, и брося на нихъ съ горъ великое множество камней, подъ которыми погибло не мало Австрійцевъ.

Цѣломудріе.

Баяръ — знаменитый Рыцарь — не всегда былъ образцемъ строгатаго воздержанія и цѣломудрія, не всегда уподоблялся *Cicero*ну; — но, при всемъ томъ, уважалъ невинность и добродѣтель. Сколько разъ встревоженная спыдливость прибѣгала подъ его кровительство, и находила у него надежное убѣжище! Нѣкогда одна женщина, болѣе мачиха, нежели мать, принудила дочь свою идти къ Баяру, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы получить хорошую плату за пожертвованіе невинностью. (Таковыхъ примѣровъ — къ спыду чловѣческаго рода — мы видимъ не мало!) Красота дѣвцы прель-

стила храбраго; огонь пламенной страсти возгорѣлся въ сердцѣ его; — но мысль, что онъ поразитъ безчестіемъ нищету и юность, освѣтила мракъ ума его и удержала отъ преступленія: великій не сдѣлался малымъ. Какъ скоро любезная дѣвица увидѣла Баяра, тотчасъ бросилась къ ногамъ его, и, орошая ихъ слезами, сказала: „Позвольте мнѣ быть увѣренной, что вы, милосливый государь, не лишите меня честнаго несчастную жертву бѣдности. Я ничего не имѣю, кромѣ невинности. Захотите ли вы ошанить у меня драгоценнѣйшее мое сокровище? Нѣтъ, вы будете защитникомъ и покровителемъ моимъ!“ — Встань, милая моя! сказалъ ей Баяръ: ты возвратишься столь же невинною, какъ и была, но гораздо счастливѣе. Послѣ того онъ немедленно препроводилъ ее въ надежное мѣсто; а на другой день, призвавъ къ себѣ мать ея, сдѣлалъ ей строгой выговоръ. Великодушіе его

простерлось далѣе: онъ подарить боо франковъ на приданое дочери, прибавя къ тому 100 ефимковъ на свадебныя издержки. Вскорѣ послѣ того сія любезная дѣвушка имѣла счастье выдти замужъ за добраго и умнаго человека. Благородство Баяровой души, прибавляешь новѣйшій Писатель жизни его, награждено было удовольствіемъ, которое онъ чувствовалъ, сохраняя честь бѣдной дѣвицы, которая, сдѣлавшись доброю женою и почтенною матерью семейства, оспалась навсегда образцемъ добродѣтели.

Публий Корнелій *Сципіонъ* (Африканскій) посланъ былъ онъ Римлянъ въ Испанію 24-хъ лѣтъ онъ рожденія своего; завоевалъ оную въ 4 года, испребивъ всю непріятельскую армію, и завладѣвъ въ одинъ день богатымъ Новымъ Картагеномъ. Между плѣнными, взятыми въ семь городъ, приведена была къ Сципіону прекрасная дѣвица (невеста *Аллюція* — Князя Цельшин-

берскаго), красоты необыкновенной; юный Римскій герой, увидѣвъ ее, былъ пораженъ ея прелестями: онъ тогда былъ только 27-ми лѣтъ, холостъ и — завоеватель непобѣдимый. Но Сципіонъ умѣлъ, по видимому, равно побѣждать непріятелей Рима и свои собсвенныя страсти; онъ тотчасъ велѣлъ призвать къ себѣ Аллюцію и сказалъ ему: *Ваша невеста находилась теперь въ моемъ домѣ, какъ бы у своихъ родителей; я поступалъ съ нею такъ, чтобъ мнѣ возможно было сдѣлать вамъ ею подарокъ, достойный васъ и меня: и за это самое не требую отъ васъ ничего, кромѣ вашей дружбы къ Римлянамъ.* Сципіонъ послѣ сего послалъ за родителями невесты, кои привесли великую сумму денегъ для выкупа своей дочери; но когда они положили къ ногамъ Сципіона золото и серебро, то онъ, оборотивъ къ Аллюцію, сказалъ: *Синъ деньги я прибавляю къ тому приданому, ко-*

торое вы должны получить за вашею невестою. Можно ли не удивляться великодушному поступку сего юного Римлянина, который не имѣлъ другаго просвѣщенія, кромѣ естественнаго закона!

Зависть и клевета такъ сильно вооружаются противъ красоты, что прекрасной женщины гораздо легче быть въ самомъ дѣлѣ цѣломудренною, нежели слышь такою.

Человѣкъ.

Человѣкъ рѣдко бываетъ шѣмъ, чѣмъ кажешься — мудрый никогда. (*Коцебу*).

Что великъ между людьми, шюнь не всегда великъ самъ съ собою.

Сколько естъ людей, которые вдали ничто, а вблизи ничто!

Свойство человека можно узнать по его друзьямъ и книгамъ.

Самый слабый человекъ можешь быть нуженъ самому сильному.

Человекъ естъ минутный госпъ міра.

Жизнь естъ — море, человекъ — корабль.

Пороки, которымъ человекъ порабощенъ, навлекають на него гибель и наказаніе Всевышняго; сребролюбію его наследуешь ненасытная жадность къ спяжанію; сладострастію — печали и сердечныя сокрушенія, досадамъ — болѣзни, обжорству — разслабленіе, зависти мученія, а лѣности убожество.

Безумныя суеты занимають его юность, пустые замыслы суеть учась зрѣлыхъ лѣтъ его, а сожалѣніе и раскаяніе предоставлены въ долю старости его.

Ч е с т о л ю б і е.

Страсть господствующая надъ всеми классами общества, начиная отъ престола до хижины. Между сильными произвела она жестокия и смертоносныя брани, набѣги, похищенія, и все принадлежащее къ власнолюбивой системѣ побѣдителей. Между слабыми, сія страсть, долженствующая быти только благороднымъ соревнованіемъ, превратилась въ зависть, раздоры и злобу; опидались совмѣстника, поносили невинность, обвинили добродѣтель, — вотъ средства употребляемыя честолюбіемъ въпорого рода для достиженія своей цѣли. Честолюбивый, будучи помраченъ достойнымъ, чувствуетъ зависть и скоро потомъ ненависть.

Низость есть большая дорога, по которой честолюбіе бѣжитъ ко славѣ.

Человѣка не утѣшаютъ завоеваніе цѣлой вселенной, если не сопряжено съ

симъ понятіемъ о безсмертіи его имени; ему нужна гораздо обширнѣйшая будущность, нежели земное его существованіе. Казалось бы, что одной чувствительности довольно для обузданія мірскаго честолюбія: человекъ, заслуживъ удивленіе, увѣнчавшись лаврами, возбуждаетъ зависть... Слава дорого ему стоитъ. Пожалѣемъ о честолюбцѣ: онъ получалъ вѣнецъ, но, можетъ быть, потерялъ друга. Дивятся и рукоплещаютъ ему люди равнодушные; но что ему въ этомъ пользы, если его другъ въ тайнѣ ему завидуетъ?

Ч е с т ь.

Честь подобна глазу, нестерпящему ни малѣйшей соринки, могущей помрачить весь глазъ, — и такъ же драгоценному камню, котораго самой малой порокъ убавляетъ много цѣны. Она такое сокровище, которое, будучи по несчастію

однажды потерян, навсегда уже невозвратно.

Тѣло безъ души значитъ одинъ прутъ; а человекъ безъ чести не иное что, какъ мертвецъ, котораго всѣ удаляюща сь презрѣніемъ; ибо кажешся, будиши оныя него воплещь.

Честь есть одна изъ важнѣйшихъ пружинокъ человѣческихъ дѣлій. Сколько великихъ подвиговъ, сколько благородныхъ и полезныхъ прудовъ произвело оныя сего благодѣтельнаго побужденія! Свѣтъ довольно видѣлъ великихъ мужей — ихъ славныя дѣла и пожертвованія. Честь была ихъ руководителемъ; — сіе волшебное слово произвело чудеса. „Смощирише на развѣвлюющіа перья моего шлема,“ вскричалъ храбрый *Генрихъ IV*, — „они поведутъ васъ всегда по пути чести.“ Достаточно было сихъ словъ, чтобы рѣшить побѣду!

Молодые люди, ищите чести, но будьте разборчивы! Не ослабляйтесь

звукомъ сего слова, часто имѣющимъ пустое значеніе; повѣряйте ваше чувство, влекущее васъ къ оплечіямъ: истинная честь всегда подруга добродѣтели. Безъ добродѣтели же нѣтъ истинной чести.

Ч т е н і е.

Платъ, Спиховорецъ и Философъ, въ молодости своей былъ очень снисходителенъ къ суешностямъ свѣта, и по излившейся природной своей живости былъ весьма непостояненъ въ поведеніи. Онъ началъ жизнь свою солдатскою службою, послѣ испыталъ счастье на морѣ, потомъ научился пекарному, а послѣ перенялъ и поршное мастерство; былъ купцомъ и, Богъ знаетъ, какого искусства не извѣдалъ. Когда спросили его: въ какомъ состояніи онъ болѣе находишь покою и удовольствія? — онъ отвѣчалъ: „нѣтъ состоянія, въ которомъ бы не хотѣлось переменъ; итъ чести-

наго званія безъ труда и безпокойства; нѣтъ благоденствія столь твердаго, которое не кончилось бы; ни веселья столь пріятнаго, что бы оное наконецъ не наскучило; и если я ощущаю нѣсколько тишины и спокойствія, то съ того только времени, какъ прильпился къ чтенію.“

Главнѣе имѣлъ основательную причину признаваться въ сей несправѣ; ибо пока занимаемся мы суетами свѣтскими, то только мучимся, желаемъ, ищемъ, просимъ; а получа и испытавъ все, довольно только нѣсколькихъ часовъ усажденія, чтобы внушить намъ опроверженіе. Главная вина оному та, что мы никогда не цѣнимъ достойно того, что имѣемъ; а поставляемъ за великое только то, чѣмъ другіе владѣютъ.

Графъ *Оксенитириъ* говоритъ: — „Могу сказать со всею искренностью, что я хотя впрочемъ безмѣрно былъ испрашенъ къ обхожденію съ живыми

людьми, но никогда не находилъ такого совершеннаго удовольствія, какое нынѣ ощущаю, бесѣдуя съ славнѣйшими мѣртвецами древности! Напримѣръ, нынѣшняго утра, не выходя изъ покоя, былъ я при столѣ Антіоха — Царя Сирійскаго, гдѣ находились Посланники разныхъ земель. Разговоры тушь происходили самые любопытныя; ибо каждый изъ сихъ Министровъ старался выхвалять свое государство: Римскій утверждалъ, что ни въ которой части свѣта служеніе богамъ не опирается съ полнѣйшимъ благоговѣніемъ, какъ въ Римѣ; — Кароагенскій Министръ хвасталъ, что у нихъ перваго разбора люди неупомимы въ быхвахъ, народъ въ рабствѣ, и Ученые въ наснавленіи юношества; — Сицилійскій весьма возносилъ нелюбимое, съ каковымъ судъ производится въ его опечесствѣ, и что несправѣ у нихъ столь любима, что нѣтъ никакихъ раздоровъ между гражданами; — Родосскій сказывалъ,

что у нихъ старые люди живутъ разумно, молодые цѣломудренно, женщины молчаливы. Я отверлъ-было уста обличить ложь его; но Афинскій Посолъ поспѣшно начавъ рѣчь, хотѣлъ, убѣдить, что въ ихъ Республикѣ законы не терпятъ первенства въ богатыхъ, лѣности въ народѣ, пышности въ начальствующихъ. Лакседемонскій Посолъ излагалъ, что зависть въ землѣ ихъ незнаема: ибо въ ней всѣ равны, что сребролюбіе изъ нее изгнано общественностью имѣнія, и — весь народъ тамъ въ непрестанномъ упражненіи. Послѣдній былъ Сиціонинъ, который, что бы больше привлечь себя въ родъ, божился, что въ отечествѣ его никогда не допускаютъ чужеземцевъ — для того, что они всегда вводятъ съ собою новостіи; что никогда въ немъ не видано лекарей: заплѣтъ что они неспребляютъ людей здоровыхъ; что всѣ спрятіе опшуда изгнаны: за то, что они въ тяжбахъ защищаютъ неправыхъ. — Такое

обхожденіе кажется мнѣ гораздо занимательнѣе того, которое я прежде имѣлъ съ своими пріятелями, когда упоенные, за рюмками и закусками, говорили все, что только распушенно и своевольство выдумать могутъ, за что раскаяніе велило мнѣ нынѣ проклинать большую часть обращенія съ живыми: ибо починя не проходило дня безъ того, что-бы Бахусъ не изрыгнулъ какого нечесія, или Венера не ввернула слѣва, ея доспойнаго. Наконецъ: кромѣ того, что сіи Вакханскія общества прогнѣвляютъ Бога, — и самое время, будучи въ вишѣ потопляемо, дѣйствительно погубляется; а тѣ часы, кои въ удовольствіе Венеры оскверняются, должны равняться съ толкимъ же числомъ годовъ, отъ жизни опіяныхъ: кромѣ множества болѣзней, чрезъ то себѣ приготавливаемыхъ. И такъ нынѣшнее мое состояніе опшодѣ не кажется мнѣ несноснымъ; ибо примѣчаю съ *Сенекою*, что: сколько разовъ я ни былъ между

людьми, всегда опиходилъ худшимъ; если же иногда и задумываются въ уединеніи моемъ, то конечно не о непріятностяхъ настоящаго времени, но о худомъ употребленіи прошедшаго и о неизвѣстности будущаго. Милосердый Богъ да проспишетъ мнѣ минувшее, и да облегчитъ будущее!“

Читай не многое, но много.

Трудно сыскать книгу назидательнаго Библии. Библия есть книга для всѣхъ сослодій, для всѣхъ умовъ, для всякаго возраста, свойства и для всякаго случая въ жизни. Никакая другая книга не нужна столько для всеобщаго свѣдѣнія.

„Многіе запрещають молодымъ людямъ брать въ руки романы: а я, напротивъ того, совѣтую читать ихъ не только благословеннымъ юношамъ, но даже и дѣвицамъ — однако не романы *рыцарскіе*, противъ которыхъ такъ много вооружались Сервантъ и Буало — не *ужасно-нелѣпыя*, пуга-

ющіе воображеніе наше разбойниками, мерзвцами и привидѣніями — не *сенсентиментальныя* и *сладострастныя* (*), приводящіе въ изнеможеніе душу, или возбуждающіе чувственность — не такъ называемые *философскіе*, вводящіе въ заблужденіе незрѣлый умъ и испорбляющіе основанія нравственности — но романы *характерныя* и *нравоучительныя*, изъ которыхъ также, какъ изъ лучшихъ драматическихъ сочиненій, можно узнавать людей, добродѣтели ихъ, пороки, страсти, нравы, слабости, странности, свѣтскія обыкновенія, и п. п. Таковы, на примѣръ, романы: *Донъ-Кихотъ*, *Жилблазъ*, *Вакефильдскій Священникъ*, и п. п.“

(*) Сколько молодыхъ людей застрѣмилось отъ *Новой Элоизы* и *Вертера*! Сколько изъ нихъ разстроило свое здоровье и погибло отъ *Фоблаза* и прочихъ соблазнительныхъ Французскихъ романовъ!

Чувствительность.

Чувствительность есть расположе-
ніе души, которое дѣлаетъ оную спо-
собною умиляться, прогаться. — Но
есть многіе, которые проливаютъ сле-
зы въ театрѣ о несчастномъ жребіи
семейства Агамемнонова, и осматрива-
ютъ безъ помощи нищаго, лежащаго
у воротъ ихъ дома.

Чувствительность, худо управля-
емая, есть преступная слабость и
источникъ несчастій.

Шутки.

Тѣ только шутки позволительны,
кои не нарушаютъ правилъ Правствен-
ности и — не вредятъ ближнему.

Щедрость.

Изъ всѣхъ приниженныхъ подражаній
самое труднѣйшее есть подражаніе
щедробію.

Щедрота.

Дидротъ былъ въ необходимости,
по случаю небогатаго своего состоянія,
объявить о продажѣ своей библіотеки.
О семъ предложено было всѣмъ ино-
страннымъ Дворахъ; но Россійская
Императрица, Екатерина Вторая по-
желала купить оную за назначенную
продавцемъ цѣну: и при покупкѣ по-
становила условіе, чшобъ *Дидротъ*
сохранялъ библіотеку у себя во всю
его жизнь и за сіе же сохраненіе онъ
получалъ ежегодный пенсіонъ, шы-
елачу ливровъ, кои были ему заплачены
за первый годъ впередъ, съ означенною
полною суммою за библіотеку!

Эгоизмъ (Себялюбіе).

Я самъ! — Я лучше всѣхъ! —
Я все сдѣлаю! — это голосъ и мы-
сли эгоиста. Человѣкъ, зараженный
симъ постыднымъ порокомъ, видитъ
въ мирѣ только себя одного. Для

удовлетворенія своихъ прихотей, для выполненія своенравныхъ желаній, онъ готовъ пожертвовать женою, дѣтьми, родственниками, друзьями и всею. Никогда несчастный не обратитъ на себя его благосклоннаго взора; пусть онъ испуститъ духъ у ногъ его — окаменѣвшее сердце эгоиста ни малюшкѣ не протѣнетъ!

Экономія, или бережливость.

Бережливость лучше прибытка.

Легкіе умы часто смѣшиваютъ скупость съ экономією, сие способностію или склонностію къ порядку, который нуженъ бываетъ по необходимости въ снѣщенномъ положеніи, и который соразмѣряетъ расходъ съ доходомъ. Сіе качество необходимо нужно для домашняго нашего благополучія, внутренняго спокойствія, для сохраненія независимости и здравія.

Трудъ, работа, воздержаніе, расно-ряженіе и приведеніе дѣлъ въ порядокъ, соединенныя съ презрѣніемъ предрасудковъ роскоши, пышности, нерадѣнія и лѣности, доставляютъ пособіе и средство тогда, когда другіе оныхъ болѣе не находятъ; они служатъ пособіемъ въ маломъ состояніи, средствомъ въ избыточномъ положеніи, подпорою уваженія, и часто къ зацѣпленію цѣломудрія и честности.

Безпорядокъ или разстройство нашего состоянія расслабляетъ душу посредствомъ безнокойства и заботъ; она ожесточается отъ отказами, и мы тогда приходимъ въ презрѣніе и униженіе мало по-малу, чрезъ разныя посрамленія самихъ себя, ухищренія наши, обольщенія, лукавства, коварства въ изворотахъ, къ коимъ доведены бывающіе люди въ разстройствѣ; и сверхъ несчастной старости, ими приуготовляемой, неосновательная, безумная или развратная жизнь можетъ иногда

Ученикъ Христовъ боишся всего противоположнаго смиренію и крохотности, и никогда не бываешь шакъ спокоенъ, какъ занимаешься обыкновенными своими дѣлами, ходи предъ лицемъ Бога, исполняя и самыя легкія должности съ сердцемъ довольнымъ и занимаешься ими шакъ, какъ Религія предписываетъ; тогда во всѣхъ дѣлахъ его обрѣтаешься благость и жизнь; и, не чуждаясь обыкновеннаго свѣтскаго поведенія другихъ людей, онъ отличался свойствомъ симъ предъ очами Божиими, — свойствомъ, превозносившимъ его непинною славою.

Въ числѣ многихъ средствъ, ведущихъ къ предположенной нами цѣли, одно изъ употребительнѣйшихъ и дѣйствительнѣйшихъ состоятъ въ непрестанномъ помышленіи о смерти и послѣдующей за нею вѣчности; ничто столь не важно, какъ сіе помышленіе; ибо знаемъ, что настоящая жизнь наша скоро кончится, что душа наша сопряжена съ нѣпнѣю шокмо для испыты-

танія, доколь здѣсь пребываемъ, и что насъ ждетъ день, въ который Богъ будетъ судить ее по дѣламъ ея. Въ сравненіи съ вѣчностію, все печеніе жизни нашей есть мгновеніе. Земныя блага, почести, богатства, забавы, здравіе и все, что воображеніе ни представляетъ намъ пріятнѣйшаго, есть меньше, нежели ничто, когда мы сіи пыльные блага сравнимъ со славою, насъ ожидающею. Благоразумный чловѣкъ въ самомъ себѣ не находитъ удовольствія, если устремляетъ все свое вниманіе и посвящаетъ свои труды на пріобрѣтенія благъ шоль пыльных. Желаніе большаго счастья въ насъ не умираетъ, мы же не въ состояніи избѣгнуть смерти: слѣдственно мы должны перемѣнить свои повланія и прилѣпиться къ шѣму счастью, котораго ни что опиятъ у насъ не можетъ. Мысль о смерти не шолько не мѣшаетъ истинному нашему счастью, но даже ведетъ насъ къ нему: памя-

въ юности довести челоуѣка до величайшихъ злодѣлій и преступленій. Одинъ наблюдатель, который испытывалъ напуру челоуѣческую въ славной шеницѣ Невгашской (въ Лондонѣ), и который разговаривалъ ошкровенно болѣе нежели съ 50 челоуѣками, осужденными на смерть, удивился, узнавъ, что главные и первыя причины ихъ безнуществъ происходили наиболѣе отъ заблужденій или шещеславія, хвастовства и отъ недостатка благоразумной бережливости. *Еслибъ я зналъ не много поболѣе Ариѣметику*, сказалъ ему одинъ, *то завтра не былъ бы я повѣщенъ!*

Экономія и бережливость въ женщинахъ есть истинная ихъ добродѣтель; ихъ любовь къ порядку имѣетъ не малое вліяніе на семейственное благополучіе.

Нынѣ образъ нашей жизни предсказываетъ непрестанный соблазнъ, отъ котораго надобно бѣгать какъ отъ

огня. Это, напримѣръ, карточная игра, которая самая гибельная, которую должно истреблять въ началѣ; которая испощаетъ все наши способности мысленныя, разрушаетъ понятія, нарушаетъ иногда честь, причиняетъ ссоры, ненависть и безпрестанныя опасенія. Нынѣ ни одного игрока, который бы былъ въ себѣ довольно увѣренъ, что можетъ ошѣвѣчать за себя, что не придетъ такая несчастная минута, въ которую, огорченный проигрышемъ, не проигралъ бы онъ во сто разъ болѣе, желая оштыгаться, и не разорился бы невозвратно.

Молодой челоуѣкъ долженъ поспѣшить себѣ за правило, чтобы никогда прежде времени не надѣяться на будущія богатства или ожидаемое наследство: надобно жить смотря на нынѣшнее свое имѣніе, а не на будущее. Одинъ молодой челоуѣкъ, плаща завсѣгда болѣе проценты, совершенно проматывалъ вѣрнѣйшее наследство,

ождаемое отъ одного больного и престарѣлаго своего родственника, который имѣлъ болѣе бо лѣтъ: нынѣ дядѣ исполнилось 90 лѣтъ, и — онъ похоронилъ уже своего племянника, который умеръ отъ болѣзни, причиненной огорченіемъ и расстройкою дѣлъ своихъ.

Средство предотвратитъ большіе долги, состоятъ въ томъ, чтобъ не дѣлать малыхъ. Долги, какъ дѣти, начинаютъ припнхивать, а рождаются уже съ болью. — Беспорядокъ или расстройку состоянія можно сравнивать съ комомъ снѣжнымъ, коего величина прибавляется по мѣрѣ его оборачиванія или каманія по снѣгу.

Благоразуміе велико думаетъ о будущемъ. Для сего расходъ долженъ быть потребляемъ изъ двухъ третей дохода, а не цѣлыхъ шрехъ: безъ этого же возможные непредвидимые случаи могутъ лишитъ насъ нужнѣйшаго. Также полезно всегда имѣть нѣкоторую сумму денегъ на несчастный случай: это до-

ставитъ намъ спокойствіе и безопасность.

Всякое состояніе можетъ быть подвержено неожиданному потрясенію своего богатства. Мало людей, умѣющихъ переносить сіи несчастія съ твердостью: многіе огорчаются болѣе по гордости, нежели отъ сущесва самой потерн: и когда бы у нихъ оспалось еще нѣсколько имущества, чтобъ дожнть оспашокъ дней своихъ въ умѣренномъ довольствѣ, то они и тогда пожертвовали бы онымъ для поддержанія еще на нѣсколько времени мнимаго достоинства, которое могли бы они оставить съ честью, по которое вмѣсто того оставляютъ со стыдомъ. Потому каждый долженъ предполагать непредвидимое разореніе, и расчлпывать впередъ свои взоросы, средсва и свой планъ жизни.

Хотя богатство бываетъ мѣрою уваженія людей въ свѣтѣ, и хотя бѣдность непріятна и несносна; одна-

кожь это попому только, что она приводитъ людей, непричастныхъ къ ней, въ посмѣланіе. Но разберитесь сію маслѣнивость, и увидите, что она происходитъ отъ щедрыхъ и суетныхъ предразсужденій, чтобъ скрыть истинную свою бѣдность и запущанность своихъ обстоятельствъ.

Если ваши доходы уменьшились и пришли въ упадокъ, то старайтесь своею умеренностію уменьшить расходы уже изъ того, что у васъ осталось; и обнаружьте то, чего не можете скрыть. Сохраняйте ту же благонадежность, упованіе и смѣлость; оказывайте ту же высокоость чувствъ, ту же рѣшительность въ правилахъ благоразумія и докажите, что счастье не можетъ лишиться оныхъ. Вамъ нечѣмъ поддерживать свою роскошь и пышность: постыдитесь пошлостей ихъ уменьшите. Прежде вы жили въ великолѣпномъ, домѣ: нынѣ живите

въ маленькомъ домикѣ, украшенномъ простотою. Ваши мѣбли были изъ Индійскаго дерева и богатыйшаго шпатофа: замѣните оныя мѣблями изъ сосноваго дерева, соломы и толстой шерстяной матеріи; вы будете имѣть такія же выгоды, и онѣ будутъ также полезны. Вы пресыщались на серебрѣ и фарфорѣ: нынѣ употребляйте фаянсовую или глиняную посуду; она хотя и не такъ блистательна, но за то и стоить дешево, и также чиста. Ваши шумные пиры изобиловали искромешными заморскими винами и кушаньями утонченнѣйшими: теперь пейте чистую воду съ малымъ количествомъ вина, въ пищу употребляйте зелень, овощи огородныя и меньше мяса; припадки вашей подагры и ваша бессонница сдѣлаются гораздо рѣже; умеренность въ пищѣ и питіи возбудитъ болѣе вашъ аппетитъ и сохранитъ лучше ваше здоровье, нежели все

искусство прежняго вашего повара и вашего Доктора.

Вы имѣли платье шелковое: предпочтите ему саржевое; но — старайтесь превзойти другихъ опрятностью, чистотою, хорошимъ вкусомъ, чтобы оно было къ лицу. Опривыкните и избавьте себя отъ всѣхъ безполезныхъ дорогихъ вещей, отъ всѣхъ украшеній излишнихъ: солнечные часы довольно вѣрно вамъ покажутъ, который часъ; дубовая палка послужитъ вамъ также хорошо, какъ и драгоценная шпатель, и вашъ шабакъ будетъ также свѣжъ въ оловѣ, какъ и въ шабакеркѣ съ бриллиантами. Вы имѣли множество людей для услуги: теперь откажитесь отъ нихъ, кои заставляли въ нихъ нуждаться: вы будете болѣе независимы, и меньше будете имѣть досаду! — Имѣли дарованія, — не красивѣе употребите ихъ для вашего содержанія: *черной хлѣбъ и честность* — должны быть девизомъ вашей бѣдности. Не

гнушайтесь никакимъ средствомъ, чтобы выйти изъ убожества, только бы это средство было честное. — Устройте все такъ, чтобы у васъ все, одно другому, соотвѣтствовало: не было бы ничего опличнаго, и ничто бы не развилось; чтобы вашъ домъ болѣе походилъ на домъ ремесленника въ благоустроенствѣ, нежели на домъ богача разореннаго; чтобы была въ немъ приспосабливаемая чистота и особенный родъ изобилія, хотя бы то состояло въ карточкѣ и хлѣбѣ.

Для убранства сберегите только нѣсколько *избранныхъ* книгъ; а для великодушія вашей — нѣжную жизнь, неперочность вашихъ правъ, обширныя ваши познанія и вѣжливость вашего обхожденія. Вы почувствуете въ короткое время, что одна честность, одна правота дѣлаютъ почти всѣ состоянія равными: вы найдете новыя пріятности и наслажденія, о коихъ въ большемъ свѣтѣ вы не имѣли

попятія, и будете имѣть болѣе выгоды въ пинхой, скромной жизни, болѣе можете быть въ свободѣ, нежели въ томъ, что вы потеряли въ прежнемъ блескѣ. Сначала будете казаться странны; но скоро будете удивляться вашей основательности. Вы прежде были только богаты, теперь васъ будутъ почитать мудрымъ. Найдете истинныхъ друзей вмѣсто ложныхъ; они возставятъ васъ, можете быть, въ прежнее состояніе: во привыкнетъ однажды къ проспымъ истиннымъ удовольствіямъ, вѣроятно уже мнимыя не будутъ имѣть для васъ болѣе прелесть, и — вы полюбите умеренность и простоту.

Тѣ, которыхъ многіе болтаютъ, не всегда бываютъ счастливы. Недостатокъ въ порядкѣ и умеренности дѣлаетъ то, что люди имѣющіе превосходныя чины и достоинства не больше изобилуютъ какъ и нуждающіеся богачи, кои живутъ въ безпокойствахъ, въ недостаткахъ, и коихъ пышный

нарядъ есть не что иное, какъ бѣдность прикрывая. — Распущенность и запыливая пышность многихъ ослѣпленныхъ людей сходствуютъ съ роскошью сихъ грубыхъ мѣщанокъ, кои чванятся по праздникамъ въ дедабилые шелковомъ, въ богатомъ головномъ уборѣ; по коихъ одно неосторожное движеніе открываетъ ихъ худые чулки и дурную рубашку.

Это нынѣ обыкновенно: дѣлать большіе расходы изъ щеславія, и дрожать отъ скупости по мелочамъ, дабы подержать первые. Иные заставляютъ своихъ лакеевъ имѣть недостатковъ въ нужномъ, торгуются до излишества съ бѣднымъ ремесленникомъ, у коего упротовааны двѣ копейки достоинства бы были для насыщенія щами жены его и дѣтей; заставляютъ дожидаться уплаты бѣдному купцу или бѣдному работнику, который только работою питается, и который отъ сей проволочки доходилъ до изворотовъ разо-

ришельныхъ; и наконецъ они дѣлаются презрительными, унизивъ себя, чрезмерно желая заставить себя почтаться. Людское невыгодное мнѣніе о скупомъ происходитъ болѣе отъ его скупости въ малыхъ вещахъ, нежели отъ сбереженія важнѣйшихъ. Надобно убавить расходъ на большіе предметы, и поступать бережливо въ малыхъ; платишь за услуги нашимъ подчиненнымъ исправно и щедро: это вѣрный способъ — выиграть ихъ почтеніе и уваженіе. Щедрость въ пособіяхъ есть первый знакъ величія душевнаго и доброты сердца; но это уже будетъ заблужденіе — думать, чтобы быть щедрымъ, надобно быть богатымъ: щедрость всегда можетъ быть соразмѣрна ео всякому состоянію, какое бы кто ни имѣлъ. Кто имѣетъ сто копеекъ и изъ нихъ даетъ двѣ, для смягченія горестнаго положенія бѣдняка, есть щедрѣе того, который, имѣя сто рублей, отдаетъ только одинъ. —

Какіе мы скряги! Въ нашихъ Журналахъ объявляютъ съ воспоргомъ, какъ о дѣйствіяхъ благотворительныхъ, всего или 20 рублѣхъ, пожертвованныхъ нами! — и когда богатѣйшій человекъ въ Европѣ жертвуетъ, въ жеспокую зиму, десяти-тысячную часть своихъ доходовъ, дабы обогрѣть множество бѣдныхъ, умирающихъ отъ холоду, то въ Газеты кажутся тогда преисполненными удивленіемъ! — Между тѣмъ Турки, коихъ мы называемъ варварами, обязаны по своему закону, отдавать бѣднымъ десятую часть своихъ доходовъ; и сію обязанность большая часть ихъ выполняетъ довольно точно, иногда и превышая оную.

Можно быть кунно весьма распочтеннымъ и очень скупымъ, весьма бережливымъ и очень щедрымъ. Одинъ издерживаетъ много, даетъ рѣдко и безъ разбору; другой тратитъ мало, даетъ часто и кешани употребляетъ свои благадѣнія. Надлежало бы гор-

дому быть меньше щеславнымъ, ску-
ному меньше дрожать надъ деньгами,
а сластолюбцу быть воздержнѣе.

Иной опъ ложнаго и безумнаго во-
ображенія жертвуетъ ежегодно боль-
шую сумму денегъ на щегольство и
наряды; онъ не прибавляетъ ничего
чрезъ это къ своимъ моральнымъ удо-
вольствіямъ; онъ чрезъ это внушаетъ
къ себѣ почтеніе только нѣкопрыхъ
глупцовъ; но дѣлается смѣшнымъ для
благоразумныхъ, и почитается часто
за срягу и негодяя большимъ числомъ
людей. — Еслибъ онъ употребилъ де-
сятую часть своихъ издержекъ на
подарки и малыя благоутворенія, то
ему бы равно одни удивлялись, а опъ
другихъ былъ бы уважаемъ, и тѣмъ бы
приобрѣлъ хвалы душъ благородныхъ
и щедрыхъ. Одно превосходство како-
го-нибудь излишняго украшенія, мебе-
ли, драгоценной вещи, (коей великолѣ-
піе конечно не болѣе для васъ полезно,
еслибъ она была и проситѣ), могло бы

быть достаточнымъ, чтобъ испор-
гнуть изъ нищеты цѣлое томлящееся
семейство, извлечь честнаго человѣка
изъ отчаянія, должника изъ тюрьмы,
невиннаго удалить отъ порока, боль-
ному прекратить страданія.

Несчастный спѣсивецъ, высокоувер-
енный человѣкъ! ты ищущій, печаль-
ный, опъ омерзѣнія къ простой пищѣ,
опъ скуки, опъ пресыщенія, ты ищешь
напрасно забавъ для заглушенныхъ тво-
ихъ чувствъ и прелестей твоей гор-
дости! твоей умъ изнуренъ, тѣло твоё
испощено; но душа твоя еще нова,
потому что она не была у тебя въ
употребленіи, и ты не думалъ о ея
чистѣйшихъ удовольствіяхъ: ты не
встрѣчалъ можешь быть никогда взгля-
да распротаннаго опъ уваженія къ те-
бѣ, не видалъ дружбы, улыбающейся
около тебя; твоё сердце не шрепе-
тало опъ наслажденія, вкушаемаго
опъ благополучія ближняго тво-
его, которое было его произведеніе;

оно не содрогалось отъ движений чувствъ челоѡколюбивыхъ, не потрясалоcь cъ очаровательнымъ умиленіемъ, вспомнивъ о благодѣяніи. Ты не видишь никогда благодарности, смиренно повергшейся у ногъ твоихъ; не видишь людей, сомнѣвающихся — Ангель ли ты, или челоѡкъ; не видишь возведенныхъ къ Небу слезящихся глазъ, просящихъ благословенія Господня на тебя. Поспѣшай дѣлать добро, быть совѣстнымъ, неправъ прошекшихъ безполезныя свои дѣянія; время летитъ, жизнь столь кратковременна, случая столь рѣдки, и способы находишь оныя столь мало извѣстны! И чтожь наконецъ останется у тебя отъ всѣхъ твоихъ богатствъ? Одно соболѣзнованіе — видишь ихъ перешедшими въ другія руки. Употребляй ихъ лучше на пособія умоляющимъ тебя, и для вѣчности; безъ этого ежегодный твой доходъ послѣдуешь за шобою въ гробъ твой. Униженіемъ

вья воспоминанія о благопвореніяхъ пребудешь вокругъ тебя въ послѣдній твой часъ, и глазъ тайный скажетъ тебѣ: *Не страшись ничего, я тебя сопровождаю: скоро ты превзойдешь; скоро твои дѣянія великодушныя возвысятъ тебя на превосходную степень, гдѣ они могутъ усугубляться въ болшемъ пространствѣ.*

Вотъ способъ сдѣлаться богатымъ.

На Бога надѣйся, но самъ не полагайся (будь благоразуменъ), т. е. уповавъ на Него, не должно предаваться безпечности и лѣности душевной; или — Богу молись, и будь дѣятеленъ. — Мы бы устрашилиcь, еслибъ сложили подъ одинъ ншогъ всѣ тѣ часы, кои проводимъ, ничего не дѣлая, или занимаясь бездѣлками, незначущими вещами: что и того еще хуже.....

Праздность есть причина всѣхъ пороковъ; она производитъ болѣзни, а отъ нихъ и жизнь наша сокращается.... Потерянное же время никогда не воз-

вращается... Лѣность находить всё труднымъ; дѣятельность же — все легкимъ и удобнымъ. На пути жизни, лѣность влечется шакъ медленно, что нищета или бѣдность всегда ее настигаютъ, какое бы ни было разстояніе сначала между ими.

Ложитесь спать рано — если одно изъ правилъ мудраго человека, чтобы быть здоровымъ и счастливымъ. — Безъ труда ничего нельзя имѣть; и шокъ, кто не имѣетъ родоваго имѣнія, весьма хорошо дѣлаетъ, упражняя свои десять пальцевъ, дабы имѣть хлѣбъ. — Иное ремесло доставляетъ дохода не менѣе оброку и поземельной подати.

Трудолюбіе и дѣятельность суть лучшее наше богатство и счастье, знаки покровительства Божія, что вообще надежны и вѣрны, нежели всѣ наслѣдственные имѣнія.

Настоящій день всегда имѣетъ больше цѣны, нежели два будущіе. Имѣ-

те ли какое намѣреніе, или предпріятіе для завтрашняго дня? исполните оное сего-дня.... Съ постоянною неутомимостью — получите исполненія чудесныя. — Известно, что въ продолженіе времени водяныя капли пробиваютъ жесткій камень, и что частые хопы и слабые удары шопоромъ могутъ повергнуть крѣпчайшій дубъ. — Хотите ли, чтобы какое-либо дѣло въ точности исполнилось? Подитесь сами, и присмотрите своимъ глазомъ. — Желаете ли, чтобы, оно неслѣзлось? Пошлите кого-нибудь вмѣсто себя.

Если не хотите присматривать за вашими работниками, то это все равно, что вы позволяете имъ вынимать деньги изъ вашего кошелька. Ничего нѣтъ разорительнѣе, какъ показывать излишнюю довѣренность къ другимъ въ томъ, что касается нашего собственнаго интереса. Въ дѣлахъ на семь свѣтъ часно совѣтъ противное

дѣлается, нежеланіе что должно; здѣсь осторожность, недоувѣренность, сомнѣніе бывають перѣдко спасительны... Хотите ли, чтобы я опререкомендовалъ вамъ вѣрнаго, знающаго, распорочнаго слугу, и котораго вы вѣрно полюбите? — Это *вы сами. Служите сами себѣ*. — Желаете ли вы, чтобы ничего не потеряли изъ плодовъ вашего трудолюбія? Присоедините къ вашимъ домашнимъ добродѣтелямъ — *воздержность, умѣренность, трезвость* (ибо они дѣлають шло здоровымъ и крѣпкимъ) и *бережливость*. Безъ сихъ удивительныхъ добродѣтелей, вы будете, такъ сказать, вѣрять жерновъ во всю вашу жизнь, и умрете, не оставя копеек.

Не довольно того, чтобы умѣть приобрѣтать и наживать имѣніе; но главное состояніе и въ томъ, чтобы умѣть сберегать.... То, что служило для пишанія одного порока или распуш-

ства, достаточно бы было для уплатъ за воспитаніе двухъ дѣтей.

Вы будете стараться дѣлать и извѣщать зло, обманывая самихъ себя; вы не можете вообразить, чтобы было большое худо иногда выпить ешаканъ пуншу, пить *не много* чаю, и поощивашъ онымъ *малый* кругъ пріятелей, имѣть за своимъ столомъ *не много* болѣе того, что нужно, одѣвашъ *не много* лучше простаго народа, позабавиться *не много*, и проч... Какъ же вы не почувствуете, что соединя вмѣстѣ всѣ сіи *не много*, вы уже попреблание много?

Начните покупать излившія вещи, и послѣ этого скоро будете продавать самыя нужнѣйшія. Для отвращенія сего, оберните копейку два раза прежде, нежели вышесте ее изъ рукъ.... Вещи, почитаемыя очень дешевыми, часто кажутся такими только по наружности. Сколько людей разорились, прельщаясь дешевыми

пуя только о кончинѣ нашей, мы начинаемъ презирать то, что не заслуживаетъ нашего вниманія; она открываетъ обманчивость благъ чувственныхъ, помогаетъ намъ воздавать цѣну существеннымъ и вѣчнымъ благамъ.

Къ несчастію, вниманіе людей, ограничиваясь временемъ, не простирается за предѣлы вѣковъ. Большая часть людей пруднилась, дабы только здѣсь быть счастливыми; вѣчность же считаютъ за ничто. Преданные порокамъ, предпочитаютъ блескъ преходящаго могущественна и преходящаго удовольствія радостямъ безконечнымъ.

Опять помышленія же о вѣчности рождаются страхъ Божій, который одинъ только можетъ направлять снѣси наши. Одинъ онъ можетъ доставить намъ истинныя блага: спокойствіе души въ семъ мірѣ и обладаніе Богомъ въ будущемъ. Одинъ только страхъ Господень можетъ воспринимать

существовать бытъ коварными. И добродѣтельные язычники, *Сократъ*, *Катонъ*, *Маркъ - Аврелій*, *Эпиктетъ* и другіе, являли въ себѣ страхъ Божій.

Но послѣку Богъ распределяетъ и земными благами: то ежели кому Онъ судилъ родиться въ изобиліи, тошъ долженъ чинить Его промыслъ и съ покорностію преодолевать самыя опасності, которыми чрезъ то онъ подвергается, намянуя, что мы не для себя собственно бываемъ богаты, что мы не что иное, какъ прислѣпники къ имѣнію Божію, и что мы для себя должны удерживать только необходимое для нашихъ потребностей, а весь излишекъ отдавать нуждающимся. Благимъ употребленіемъ богатства сооружаемъ мы лѣсвицу къ восхожденію на небеса.

Прервать, безъ особой причины, всякое сообщеніе съ людьми, не есть дѣло благочестивое, и можешь съ гла-

покупками, или дѣлая малыя частыя издержки! Вещей же необходимо нужныхъ весьма мало.

Еще есть безразсудность, распочать и проматывать свое имѣніе — чѣмъ послѣ доставить себѣ досады, сожалѣніе, раскаяніе... Благоразумный человѣкъ научася несчастными опытами другихъ, а глупый едва ли и своими собственными опытами можетъ успѣвать въ наученіи себя.

Шелковыя матеріи, атласы, бархаты, галантерейныя вещи, совсѣмъ не составляютъ истиннаго благополучія нашего. Земледѣлецъ, стоя на ногахъ, есть гораздо болѣе явнаго разнѣженнаго барина, отдыхающаго отъ бездѣйствія на богатомъ диванѣ.

Когда вы купили одну богатую вещь, тогда вамъ должно еще купить подобныхъ десятъ, дабы не было ничего несовершенствоваго въ вашемъ нарядѣ или костюмѣ. Но не гораздо ли легче упуштить первое пламенное же-

ланіе, нежели удовлетворять многимъ другимъ? Какъ жалки сіи обезьяны небогатые люди, кои хопятъ подражать богачамъ! Они также смѣшны, какъ лягушка, вздумавшая имѣть роствъ быка. Впрочемъ часно пицеславіе въ одинъ день завпракаетъ у изобилія, объдастъ у бѣдности, а ужинаетъ уже у безславія или подлости!

Какую же истинную пользу получаютъ отъ роскоши или пышности, для которой столь много подвергаются себѣ опасности и отъ коей послѣ спрдаются столь жестоко? Она не доставляетъ ни здоровья, ни доспоисства, ни утѣшенія въ безпокойствахъ душевныхъ, ни въ прудахъ плесенныхъ; но производитъ замешивковъ и ускоряетъ паденіе богатѣйшихъ фамилій.

Человѣкъ, который входитъ въ долги, дѣлаетъ для нихъ все то, что можетъ лишать его свободы, — и ежели, будио онъ самъ желаетъ ли-

шипиться своей независимости и готовиться себя тысячи оскорблений, унижений и посягательств. Если онъ не можетъ заплачивать долгу въ назначенный срокъ, тогда уже старается убѣгать присутствія своего займодавца, или по крайней мѣрѣ краснѣть, трепещать передъ нимъ и, наконецъ, унижать себя безстыдными обманами. — Сбросьте сіи постыдныя оковы, придерживайтесь вашей независимости, любите спрассно вашу вольность и ищите своего благоденствія въ трудахъ и бережливости; въ нихъ найдете свободу и независимость. Вы скажете, можете быть, что не отягощая себя, можете сдѣлать какую-нибудь шалость или невольность въ молодости, и при томъ все-таки наслаждаться вашимъ изобиліемъ. Но это худое разсужденіе! ибо быть дѣлательнымъ и щепетильнымъ должно дошолѣ, пока вы еще въ силахъ, чтобы вырабывать нѣкошорый запасъ на случай

нужды, бѣды и старости вашей. Наилучшія упренія времена весны очень не долго продолжаются! — Гораздо полезнѣе ложиться спать безъ ужина, нежели вставать утромъ съ долгами.

Употребите всѣ честныя средства для пріобрѣтенія денегъ, дабы разжиться, и не предавайтесь послѣ искушенія и суевѣрнымъ желаніямъ, чтобы издерживать ихъ бесполезно. Вотъ истинный философскій камень, вотъ истинная, столь превозносимая хвалами, чтобы дѣлать золото!....

Теперь, когда всѣ жалуются на недоспадокъ въ деньгахъ, надѣюсь, что сдѣлаю угодное шѣмъ, у коихъ нѣтъ ни полушки, если покажу способъ избавиться отъ этой несприятности. Я открою секретъ имѣть деньги, и какъ поступать тому, кто хочетъ, чтобы кошелекъ его никогда не былъ пустъ.

Во-первыхъ: будь всегда прямоудомъ и трудолюбивъ. Во-вторыхъ:

пострачивай всегда меньше, нежели сколько получаешь. Тогда кошелекъ твой наполнится, заимодавцы не спашутъ тебя безпокойствъ, бѣдность не будетъ угнетать тебя и всегда будешь довольно сытъ и изрядно одѣтъ; свѣтъ покажется тебѣ пріятнѣе, и удовольствіе расправитъ всѣ изгибы твоего сердца.

Слѣдуя симъ правиламъ, тебѣ предписаннымъ, будешь счастливъ; опогнишь себя печалью, и будешь независимъ, тогда подлинно будешь доволенъ собою: не станешь отворачиваться, увидя богача; не станешь стыдиться своей бѣдности, когда любимцы счастья пройдутъ мимо оконъ твоихъ; ибо независимость, въ бѣдномъ ли, или въ богатомъ состояніи, всегда есть счастье: она сравнитъ тебя съ обладателями золотыхъ горъ.

Будь благоразуменъ: широдушіе да не опустошаетъ тебя съ утра до вечера, до тѣхъ поръ, пока насна-

дутъ часы отдохновенія. Честность да будетъ закономъ души твоей. Не забывай выше - сказаннаго правила, чтобы доходъ твой всякой день превышалъ расходъ твой. Такимъ образомъ взойдешь на высочайшую степень благополучія, независимости будешь цѣномъ твоимъ, украшеніемъ; душа твоя возвысится, и никогда не будешь унижаться предъ гордымъ богачемъ, которому только тѣмъ останется гордиться предъ тобою, что его нарядъ драгоценнѣе.

Ю н о с т ь.

Юность любитъ болѣе забавы, нежели здравіе. Молодые люди, подобно безразсудному, который въ решеніи несетъ воду, не думаютъ о томъ, что дни ихъ исчезаютъ. А опытность всегда уже поздно открываетъ имъ истину.

Конецъ.

испращивай всегда меньше, нежели сколько получаешь. Тогда кошелекъ твой наполнится, заимодавцы не спашутъ тебя безпокойшь, бѣдность не будетъ угнетать тебя и всегда будешь довольно сытъ и изрядно одѣтъ; свѣтъ покажется тебѣ пріятнѣе, и удовольствіе расправишь всѣ изгибы твоего сердца.

Слѣдуя симъ правиламъ, тебѣ предписаннымъ, будешь счастливъ; опогнишь себя печаль, и будешь независимъ, тогда подлинно будешь доволенъ собою: не станешь отворачиваться, увидя богача; не станешь стыдиться своей бѣдности, когда любимцы счастья пройдутъ мимо оконъ твоихъ; ибо независимость, въ бѣдномъ ли, или въ богатомъ состояніи, всегда есть счастье: она сравниваетъ тебя съ обладателями золотыхъ горъ.

Будь благоразуменъ: прудомлюбіе да не опешупаетъ опъ тебя съ утра до вечера, до тѣхъ поръ, пока наспа-

нутъ часы отдохновенія. Честность да будетъ закономъ души твоей. Не забывай выше - сказаннаго правила, *чтобы доходъ твой всякой день превышалъ расходъ твой.* Такимъ образомъ вступишь на высочайшую степень благополучія, независимость будешь щипомъ твоимъ, украшеніемъ; душа твоя возвысится, и никогда не будешь унижаться предъ гордымъ богачемъ, которому только тѣмъ останется гордиться предъ тобою, что его нарядъ драгоценнѣе.

Юность.

Юность любитъ болѣе забавы, нежели здравіе. Молодые люди, подобно безразсудному, который въ решетъ несетъ воду, не думаютъ о томъ, что дни ихъ исчезають. А опытность всегда уже поздно открываетъ имъ истину.

Конецъ.

ПОГРЪШНОСТИ.

Стран.	Строки:	Напечатано:	Читай:
74	— 17	земледѣлецъ	— земледѣлецъ
85	— 6	имъ	— своимъ
361	— 10	бѣздѣлицъ	— бездѣлицъ
453	— 20	бѣдну	— бѣдную
478	— 16	славѣ къ	— славѣ и къ
564	— 21	пособія	— пособія
500	.	.	.
505	.	.	.
505	.	.	.
510	.	.	.
515	.	.	.
515	.	.	.
520	.	.	.
525	.	.	.
530	.	.	.
535	.	.	.
540	.	.	.
545	.	.	.
550	.	.	.
555	.	.	.
560	.	.	.
565	.	.	.
570	.	.	.
575	.	.	.
580	.	.	.
585	.	.	.
590	.	.	.
595	.	.	.
600	.	.	.
605	.	.	.
610	.	.	.
615	.	.	.
620	.	.	.
625	.	.	.
630	.	.	.
635	.	.	.
640	.	.	.
645	.	.	.
650	.	.	.
655	.	.	.
660	.	.	.
665	.	.	.
670	.	.	.
675	.	.	.
680	.	.	.
685	.	.	.
690	.	.	.
695	.	.	.
700	.	.	.
705	.	.	.
710	.	.	.
715	.	.	.
720	.	.	.
725	.	.	.
730	.	.	.
735	.	.	.
740	.	.	.
745	.	.	.
750	.	.	.
755	.	.	.
760	.	.	.
765	.	.	.
770	.	.	.
775	.	.	.
780	.	.	.
785	.	.	.
790	.	.	.
795	.	.	.
800	.	.	.
805	.	.	.
810	.	.	.
815	.	.	.
820	.	.	.
825	.	.	.
830	.	.	.
835	.	.	.
840	.	.	.
845	.	.	.
850	.	.	.
855	.	.	.
860	.	.	.
865	.	.	.
870	.	.	.
875	.	.	.
880	.	.	.
885	.	.	.
890	.	.	.
895	.	.	.
900	.	.	.
905	.	.	.
910	.	.	.
915	.	.	.
920	.	.	.
925	.	.	.
930	.	.	.
935	.	.	.
940	.	.	.
945	.	.	.
950	.	.	.
955	.	.	.
960	.	.	.
965	.	.	.
970	.	.	.
975	.	.	.
980	.	.	.
985	.	.	.
990	.	.	.
995	.	.	.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

Стран.

О ФИЗИЧЕСКОМЪ и ПРАВСТВЕН- НОМЪ ВОСПИТАНІИ	1
Воспитаніе физическое и нравст- венное	1
Воспитаніе изнѣженное	25
Религія, законъ Божій, Хрисіян- ство	26
Изображеніе истиннаго Христі- янина	64
Изображеніе мудраго, честнаго и добродѣтельнаго человѣка	89
О воздаваніи добрымъ за зло	126
Изображеніе невѣжды или худо- во-спитаннаго человѣка	129
Познаніе самаго себя	145
Безсмертіе души	153
Объ ошвращеніи разныхъ болѣзней и достиженіи глубокой старо- сти	159
Сила тѣлесная	160
Памяшь	176
Супружество	180
Богатство, пышность	189
Бѣдность, нужда	199

захъ людскихъ только исказить превосходное и починенное свойство Религін; сей поспунокъ подастъ поводъ невѣрно — порочить добродѣтели и оуждать правила людей набожныхъ. Умы неосновательные, которые не знаютъ Религін въ существѣ ея, судятъ о ней по свойству и нравственности исповѣдующихъ ее; приписываютъ даже проступки послѣдователей Евангелія ученію его. Когда они видятъ Христіанъ печальными и унылыми, то всегда приписываютъ Религін то, что бываетъ порокомъ частнаго характера; воображаютъ, что Христіанство непремѣнно разрываетъ связи общечеловѣчныя, дѣлаетъ людей безполезными: ониъ того провсходитъ, что желающіе обратиться къ добродѣтели, часто удерживаются ониъ того, дабы не показаться утрюмыми и необщечеловѣчными.

Добрые Христіане должны, напрошивъ того, казаться любезными и

пріятными въ обхожденіи. Величайшая слава Религін, хорошо понимаемой, если она является сходственною со смысломъ ея, внушающею взаимную любовь, крепкое миролюбіе, желаніе дѣлать добро, благопріятство, дружбу, чувствительность. Сколько случалось видѣть злонаправныхъ, грубыхъ и жестокосердыхъ людей, при одномъ глазѣ Религін претѣнившихся въ благочестивыхъ и крошкихъ!

Иисусъ Христосъ не повѣлываетъ принявшимъ Духа Его, удалиться отъ міра, быть негодимами; но, напрошивъ того, Онъ желаетъ, чтобы оные служили вмѣсто свѣдѣтелей среди непросвѣщенныхъ, дабы проповѣдовать и показать силу Его ученія; дабы видящіе ихъ преобразованныхъ Евангеліемъ въ людей добронравныхъ и полезныхъ, спсались и сами почерпнуть въ семъ числѣ источникъ истинное блаженство на землѣ.

Сообщество людей не менѣ есть дѣло Божіе, какъ и сотвореніе вселенныя; Евангеліе, бывъ самая вѣрная опора его, не можетъ быть противъ сообщества: и такъ наша святость должна также, какъ и наше бытіе, служить къ пользѣ брацій нашихъ. Чѣмъбы пронзало съ міромъ, ежели бы въ немъ остались одни люди не имѣющіе Религій, ни нравственности, ни закона, ни какихъ правилъ?

Отъ чего порочный еще не советъ злочестивъ, чѣмъбы выдти изъ предѣловъ? Отъ того, что встрѣчаются въ обществѣ и добродѣтельные, которые удерживаютъ его нечестіе; пріусушныя благомыслящихъ людей обуздываютъ страсти несповныхъ.

Умы, не вовсе паглые, наконецъ почувствовали, что поносятъ Вѣру и нравственность есть признакъ уже развращеннаго и неблагонамѣреннаго челоѣка, желающаго вредить благу общему.

Намѣреніе Иисуса Христа, при основаніи всей Религій, состояло въ томъ, чѣмъбы просвѣтити и преобразовати челоѣковъ.

Предпріятіе, столь много превышающее силы челоѣческой, произведено Иисусомъ Христомъ средствами столь слабыми, столь по видимому противоположными, что они скорѣе должны бы показаться препятствіями, нежели пособіями; послѣку Онъ, для достиженія Своей цѣли, избралъ только небольшое число людей бѣдныхъ, неученыхъ и незначущихъ, коимъ, вмѣсто поощреній ихъ надеждою какихъ-либо выгодъ временныхъ, предложилъ Онъ одни мученія, скорби и смерть. Таковы были иже, которые покорили Ему вселенную и заняли первыя мѣста въ Его новомъ царствіи!

Первые проповѣдники Евангелія вѣдали, что такое поведеніе ихъ воздвигнетъ на нихъ гоненія и оскорбленія; но ни что ихъ не удерживало, и они

предавались самой смерти безболезненно, свидѣтельствуя шѣмъ равнодушіе свое къ жизни.

Чѣмъ могло правоученіе, столь спротивное и столь противное естественнымъ склонностямъ, покорить себѣ столько людей развращенныхъ? Опишѣте на сіе самый простой: Вѣрою. — Религія была оправдана такимъ мужествомъ доказательствъ явленійшихъ, что сдѣлалось уже невозможнымъ болѣе сомнѣваться въ ея свѣдѣніяхъ истинныхъ.

Иисусъ Христосъ учредилъ и установилъ Религію духовную, противную склонностямъ человѣческимъ, посредствомъ двѣнадцати рыбаковъ, бѣдныхъ и непросвѣщенныхъ. Это были Апостолы, кои проповѣдовали безъ всякой видимой корысти, а часто, напропавъ того, съ пожертвованіемъ своей жизни, предавая себя мученіямъ для подтвержденія числѣннѣйшей истины.

Если чудеса Иисусовы истинны, то

какъ Религія, производящая оныя, будетъ не божественна? А если они не справедливы, то какъ могли двѣнадцать бѣдныхъ рыбаковъ сами собою учредить и распространить ученіе столь спротивное? Такое предположеніе было бы чудесѣе самой Вѣры.

Когда Евангеліе могущественно производитъ людей счастливейшими, крошечными, постоянными и неизмѣнными въ своихъ правилахъ, исполняющими лучше другихъ обязанности свои, сострадательными къ бѣднымъ: то честная душа не можетъ порицать ученія его; и это будетъ уже причина разврата — желать, дабы люди не были Христіанами; поелику первый предметъ благочестія — желать, чтобы всѣ люди были добры и счастливы.

Положимъ, что Евангеліе было бы только произведеніемъ ума человѣческаго: то и тогда бы изувѣры принуждены были сознаться, что книга

сія есть превосходѣйшая, которая не иначе писана, какъ со свѣрымъ намѣреніемъ; что ученіе ея чисто, правила святы, совѣты мудры, и одно наблюденіе оныхъ исправило бы всѣ злоупотребленія и развратность міра, конхъ страшився человекъ благомыслицій.

Мы, слабыя и брешныя созданія, воздыхающіе подъ бременемъ грѣховъ, болѣе или менѣе важныхъ, содѣлывающихъ насъ болѣе или менѣе виновными; мы непрестанно имѣемъ нужду въ молитвѣ и не должны никогда останавливать ее. И такъ да молимся непрестанно сему премилосердому Отцу! Да просимъ Его съ вѣрою и сокрушеннымъ сердцемъ, чтобы Онъ забылъ всѣ наши оскорбленія Ему, и съ твердымъ нашимъ намѣреніемъ не согрѣшавъ болѣе! Сія молитва не столько пребываетъ словъ, сколько чувствъ; она должна быть въ насъ изліяніемъ сердца; ибо Богъ чиняетъ во глубинѣ сердца; Ему пріятна чистота намѣре-

ній; воззваніе къ Нему, на примѣръ: *Боже мой, умилосердись надъ блднѣмъ созданіемъ Твоимъ и помоги мнѣ!* доспашично, чтобы изъяснить Ему скорбь нашу, и такая молитва должна быть обыкновеннымъ чувствомъ грѣшника.

Спаситель совѣнуетъ намъ молиться слѣдующимъ образомъ: (*) *Егда молишия, вижди въ клятѣ твою, и, затворивъ двери твои, помолися Отцу твоему, иже въ тайнѣ: и Отецъ твой, видѣи въ тайнѣ, воздастъ тебѣ явь.* — Онъ также научилъ насъ превосходѣйшей молитвѣ: *Отче нашъ*, увѣряя, что все то, чего мы ни попросимъ у Отца во имя Его, Онъ дастъ намъ.

Молитва не состоитъ во множествѣ словъ, ни въ выборѣ оныхъ: божественный Учитель нашъ Самъ открылъ намъ; и хотя Онъ не оуждаетъ продолжительныхъ молитвъ, но

(*) Евангеліе Матвея, VI, 6.

учишь насъ, чѣмъ бы не излишне полагаться на многословныя молитвы, (Еванг. Луки, V, 31 и 32) представляя также въ примѣръ молитву мышаря, которая лучше принята Богомъ, нежели Фарисея. Богъ желаетъ, чѣмъ бы Ему говорили болѣе сердцемъ, нежели ушами.

Хотя вѣрующій долженъ на всякомъ мѣстѣ славословить Бога, потому что Онъ вездѣсущъ и все исполняетъ: но обязанъ особливо исполнять то въ храмахъ, Ему посвященныхъ, гдѣ правотѣрные собираются приносить Ему жертву хвалы и поклоненія и воздавать должное служеніе. Тамъ наиболѣе должны мы возносить сердца наши, и, для признанія нашей оны Него зависимости, повергаться предъ безпредѣльнымъ Его величествомъ, благословляя и прося Его, да слышимъ имя Его по всей землѣ и да будетъ Божественная воля Его на всякомъ мѣстѣ.

Если Христіанство истинно, то

невѣрующій будетъ вѣчно несчастенъ; а если проповѣдуемой вѣрой жизни и не будетъ, то Христіанинъ совершенно ничего не потеряетъ; — первый подвергается бѣдѣшнымъ вѣчнымъ, а второй лишается только нѣкоторыхъ плѣнныхъ удовольствій, которыя ни на шагъ не проспираются за предѣлы жизни временной и скоротечной. Какой же человекъ, одаренный здравымъ разсудкомъ, будетъ столь глупъ, чѣмъ бы не принять стороны, меньше подверженной сомнѣнію?

Человекъ просвѣщенный вѣдаетъ, что Религія не состоитъ въ принужденныхъ порывахъ набожности, и не удивляется, что простой народъ, по заблужденію, прилѣпляется къ нѣкоторымъ суевѣріямъ, происшедшимъ оны невѣжества, коихъ Церковь никогда не одобряла. Часто они рождаются оны чрезмѣрнаго усердія, слѣдственно проносящаго не изъ худаго испочника; а въ такомъ случаѣ Цер-

ковъ не величить намъ осужданіе того, чинно происходившій отъ усердія, хотя и слишкомъ воспламеннаго. Есть набожныя учрежденія, которыя устанавлены благовѣрными въ честь Божию; можеть быть иныя и не такъ нужны, но онѣ не противны исповѣданію Религіи, и слѣдственно терпяща ея, потому что безвредны, и дабы не угасить усердія къ Вѣрѣ; но никогда не принимала она ихъ за основаніе богослуженія. Философамъ невѣрующимъ должно бы было о семъ помыслишь, а не осуждать Христіанскую Религію. Если они сего не знаютъ, то убѣждаютъ насъ въ ихъ невѣжествѣ; а если знаютъ, то это верховъ ихъ злобы, ибо, желая поражать Религію, судявъ объ ней по однимъ повѣршеннымъ видамъ, которыя не составляютъ главнаго ея основанія. Они осполчаются противъ того, чего вѣрно не защищаютъ; противъ того, чинно не имѣюща никакой значенія, и

въ чемъ Религія не имѣетъ никакой надобности; противъ уставовъ и обрядовъ, которые ихъ раздражаютъ и которые только введены однимъ простодушнымъ усердіемъ. Сіе - то имъ противно, и на сіе - то изощраютъ они свое красноречіе. Если бы они хотѣли быть прамодушными и изслѣдовали бы Религію въ ея сущности и основаніи, тогда неминуемо признались бы, сколь она превосходна и удовлетворительна для умовъ самыхъ просвѣщенныхъ и глубокомысленныхъ.

Религія, столь нужная для сердца въ мірѣ превращенней, не менѣе нужна и для благоденствія государствъ.

Христіанская Религія, смягчивъ нравы и усовершенствовавъ общежитіе, улучшила вмѣстѣ и состояніе людей. Благотворное ученіе сей Религіи предписало имъ обязанности, открыло имъ надежды и обѣщало награды,

какъ во временной, такъ и въ вѣчной жизни.

Мендельзонъ говоритъ: Истинное назначеніе человека на землѣ, общее мудрецу и неvědѣ — хотя въ различной мѣрѣ для того и другаго — есть совершенство душевныхъ качествъ, согласное съ Творческими видами: высокая, благородная цѣль, искони указанная ему Провидѣніемъ.

Христіанинъ, проникнутый духомъ и правилами Божественнаго Учителя своего, во всякомъ состояніи жизни есть то, чѣмъ бытъ долженъ: онъ есть добрый отецъ, добрый сынъ, вѣрный и вѣжливый супругъ, постоянный и великодушный другъ, снисходительный и человеколюбивый господинъ, исполненный любви и почтенія къ нѣмъ, кому подчиненъ, — чувствительный къ бѣдствіямъ ближняго, такъ какъ бы они были его собственныя, и всегда спешащій къ облегченію ихъ; благій и милосердый

къ лютымъ врагамъ своимъ, и за сдѣланныя имъ нѣмъ обиды ошмщающій дѣланіемъ добра; на человѣческія слабости взирающій не съ презрительнымъ сожалѣніемъ, но окомъ состраданія и снисхожденія, даже въ то самое время, когда, по званію своему, обязанъ оныя наказывать; во всѣхъ обязанностяхъ, налагаемыхъ на него порядкомъ натуральнымъ и общественнымъ, въ точности слѣдуетъ правиламъ правосудія и закону должности. — Но сей описанный мною портретъ не есть ли мечта воображенія? — Нѣтъ! здѣсь представлены черты истинныхъ мудрецовъ и учениковъ закона Евангельскаго.

Смиреніе и незлобіе суть первые признаки истиннаго Христіанина.

Не удивительно, что законъ Христіанскій есть крѣпчайшій, справедливѣйшій и лучшій изъ всѣхъ на свѣтѣ; ибо онъ предначертанъ вышнимъ Законодавцемъ, Иисусомъ Хри-

епомъ, — вмѣсто того, все прочіе, будучи дѣломъ ума человѣческаго, подвержены, какъ и они сами, перемѣнѣ, и не могли бытъ совершенны. Законъ *Прометеевъ* позволялъ Египтянамъ кражу; *Ликурговъ* не наказывалъ прелюбодѣланія; *Нумы Помпилия* давалъ волю присвоивъ себѣ все, чѣмъ было можно; *Андійскій* законъ возбранялъ давать приданое дѣвицамъ, выходящимъ замужъ, кромѣ пріобрѣтеннаго ихъ нескромною слабостию. Не льзя сказать, чѣмъ не было грубости въ сихъ законахъ; напрошивъ же того, Христіанскій не только наставлялъ насъ въ добродѣтели, но и запрещалъ всѣ пороки. Законъ Евреевъ былъ законъ страха; но Христіанскій есть законъ любви. Они служили Богу по неволѣ, а мы добровольно. Ихъ законъ былъ строгъ, а нашъ крошечъ и милосивъ: ибо онъ насъ не обязываетъ ни къ чему, чего бы прежде самъ Іисусъ Христосъ не исполнилъ. Онъ научаетъ

насъ первыю, и не самъ ли Онъ испытывалъ его Собою? Онъ повелеваетъ намъ молиться; не Самъ ли же Онъ собою подавалъ тому частые примѣры? Онъ хочетъ, чѣмъ мы прощали обиды; ибо и Самъ просилъ штемъ, кои лишили Его жизни. Онъ желаетъ, чѣмъ мы умирали съ швердымъ унованіемъ на волю Божію; не Самъ же ли Онъ предался на смерть за насъ, яко агнецъ, не испустивъ изъ устъ Своихъ ни малѣйшей жалобы? Онъ увѣщаваетъ насъ любить ближняго; но не Самъ ли Онъ ино же являлъ, пакъ, что и жизни Своей за насъ не пощадилъ? Однимъ словомъ: законъ Христіанскій приводитъ насъ не къ иному чему, какъ къ подражанію Іисусу Христу.

Монтескье сказалъ: Дивная вещь! Христіанская Религія, которая, кажутся, имѣетъ въ предметѣ только блаженство будущей жизни, составляетъ еще и въ здѣшней блаженство чловѣка.“

Изображеніе истиннаго Христiанина.

Ничего славить и полезить для человека, какъ быть Христiаниномъ. Онъ есть членъ Иисуса Христа, сонаследникъ съ Нимъ небснаго царствiя.

Жизнь Христiанина должна быть жизнь сваяная, чистая, безгрѣшная, исполненная добродѣтелей.

Христiанинъ соблюдаетъ наставленiя Иисуса Христа, выполняетъ Его правила. Евангеліе служитъ ему всегдашнимъ руководствомъ. Онъ любитъ Бога всѣмъ сердцемъ своимъ, всѣмъ духомъ своимъ, всѣми силами своими, всею душою своею, во всю свою жизнь.

Онъ любитъ ближняго, какъ самаго себя.

Онъ уклоняется отъ зла и творитъ всякому благо.

Онъ умерщвляетъ свои спрасны, свои похотѣнія мірскія.

Онъ не живетъ въ роскоши, въ мнѣ-

мыхъ удовольствiяхъ — по чувствамъ и по плоти.

Онъ взираетъ на себя, какъ на спраника и пупешесивенника.

Надѣется на Бога, на Него единого возлагая свое упованіе.

Живетъ благочестно и цѣлоудренно.

Онъ приготавливаетъ себя къ смерти честною жизнію, добрыми дѣлами; на Бога взираетъ, Ему приноситъ свои сираданiя, свои злключенiя.

Во всемъ покоряется волѣ Божіей; приноситъ покаянiя, сноситъ все и отъ всѣхъ иерпѣливо.

Онъ съ каждымъ поступаетъ пакъ, какъ самъ хочешь чинобы съ нямъ поступали; дѣлаетъ добро всѣмъ, и ни кому не причиняетъ ни досады, ни зла.

Сохраняетъ миръ, союзъ, любовь со всѣми.

Прощаетъ врагамъ своимъ, дѣлаетъ имъ добро, молится за нихъ и за всѣхъ

нѣхъ, которые причиняютъ ему досаду и оскорбленіе.

Онъ крошечъ сердцемъ и по наружности, миролюбивъ, милосливъ, терпѣливъ, простосердеченъ, искрененъ, умѣренъ, презвѣтъ; удерживаетъ въ себѣ порывы гордости, самолюбія, гнѣва, несповѣсива, ненависти, зависти, ревности; во многомъ себѣ опазываетъ; не произноситъ словъ нечестивыхъ, лжи, клеветы; избѣгаетъ излишества, споровъ, ссоръ, тяжбъ, роскоши.

Христіанинъ умамливаетъ во всѣхъ происшествіяхъ міра сего святую волю Провидѣнія, и смиренно покоряется оной, шествуя твердо по пути добродѣтели.

Онъ увѣренъ, что государства процвѣтають и благоденствуютъ добродѣтелями гражданъ, что нарушеніе Божіихъ и гражданскихъ законовъ влечетъ за собою гибель народовъ; вѣдаетъ, что не многочисленныя войска и сила оружія, но власнѣ Божія и

пламенная любовь къ отечеству воздвигли Марафонскіе, Саламинскіе и Моргаршенскіе профен, (*) а въ наши времена водрузили Россійскія знамена на высотахъ Париза.

Онъ спавовипись лучшимъ въ своемъ сердцѣ и примиряется съ своею судьбою, познавъ изъ Исторіи народовъ, что вездѣ и во всѣ времена бѣдствія и спраданія были удѣломъ рода человѣческаго. На пространнымъ театръ Исторіи человечества перѣдко злодѣянія играютъ блистательную роль, а испинная добродѣтель споненъ въ оковахъ; пороки часно являютъ въ славу и красоту, а добродѣтель въ рубищѣ; Калигула на престолахъ, а *Сократъ* въ темницѣ; Виселый пресыщается всѣми благами міра сего, а свѣщильники Вѣры и Церкви Христовой томлясь въ темницахъ опъ глада! — При таковыхъ зрѣлищахъ не смущается сердце его: Вѣра въ Бога, надежда

(*) О семъ чит.: Исторію Греціи и Швейцаріи.

СЛОВАРЬ ДОБРОДѢТЕЛЕЙ и ПО-	
РОКОВЪ	205
Алчность къ корысти	—
Безбожіе	206
Безкорыстіе	211
Безполезность ропшаній	221
Благодарность	222
Благодѣнія	224
Благоприсойность	231
Благоразуміе	232
Благочестіе. (См. Набожность).	
Божба	233
Болшливость. Мисгорѣіе. Злосло-	
віе	234
Боязнь, страхъ	237
Великодушіе	240
Воздержностъ	241
Вѣренностъ	246
Гнѣвъ. Досада	248
Гордостъ. (См.: Тщеславіе.)	
Дарованія ума	252
Добродѣшель	255
Доброта, благосклонностъ, ми-	
лосность	259

Дружба	260
Жестокосердіе, злоба, зло	264
Заботливостъ	266
Зависимостъ	267
Завистъ	269
Заслуга и достоинство	271
Застѣчивостъ	272
Измѣна	—
Испорченностъ	273
Истина. Справедливостъ	274
Клевета	279
Красота женщинъ	—
Кротостъ, смиреніе	282
Ласкательство, лестъ	286
Легковѣріе	288
Лицемеріе	—
Ложь. Хвастовство	289
Лѣностъ. Праздность	290
Любезностъ	294
Любовь	295
Любопытство	298
Миролюбіе	299
Мода	301
Мудростъ	302
Набожность	305

на Его Провидѣніе и непоколебимая увѣренность, что истинная награда добродѣтели предоснавлена въ другой, совершеннѣйшей жизни, подають ему успокоеніе и отраду.

Онъ увѣренъ въ той высокой истинѣ, что судьбы царствъ и народовъ содержатся въ рукахъ Божіей, и только по манію Провидѣнія раждаются царства, возрастають и исчезаютъ въ океанѣ времени.

Онъ увѣренъ, что высокій санъ не дѣлаетъ человека праведнымъ и святымъ; но шокмо добродѣтельная жизнь дѣлаетъ человека любезнымъ Богу; и что истинная мудрость состоитъ: въ презрѣніи суеты мірскихъ, стремленіи къ царствію небесному; что вся въ мірѣ суета суеты и всяческая суета, кромѣ любви къ Богу и служенія Ему.

Онъ часто воспоминаетъ правило, что „не насытятся око зрѣніемъ, не исполнится ухо слышаніемъ,“ — и что

шокмо шоктъ истинно великъ, кшо малъ въ самомъ себѣ и кшо ни во что вмѣняетъ свѣтскія почести; шоктъ истинно мудръ, кшо все земное считаетъ за умены, дабы Христа обрѣсти; шоктъ истинно наученъ, кшо шворнитъ волю Божію, и оснавляетъ свою.

Онъ знаетъ, что всякое неутиреное желаніе ввергаетъ человека въ безпокойство, и что гордый и корыстолюбивый никогда не имѣетъ покоя; бѣдный же и смиренный духомъ провождаетъ дни свои въ пріятной тишинѣ.

Онъ не надѣется на собственные свои знанія, ни на искусство другихъ; но уповаетъ на благодать Бога, помогающаго смиреннымъ и унижающаго гордыхъ. Не превозносился ни богашствомъ, если имѣетъ оное, — ни друзьями, если они сильны; но полагаетъ всю славу свою въ Бога, Который все даруетъ; не тщеславился ни доблестію шѣла своего, ни красотою; ибо

малѣйшій недугъ измѣняетъ ихъ и безобразитъ.

Онъ всегда употребляетъ время на пользу, убѣгаетъ праздности, прудится и проводитъ время въ упражненіяхъ душевныхъ или нѣлесныхъ.

Богатый Христіанинъ не прилѣпляется къ богатству, не дѣлается отъ него ни надменнымъ, ни честолюбивымъ; не одѣвается пышно; скромность и простота Христіанская видны въ его одеждѣ, въ его домѣ, мебели, въ его столѣ.

Онъ употребляетъ богатство на вспоможеніе бѣднымъ, на благошвореніе.

Все вниманіе истиннаго Христіанина усмирено на то, чтобы раздѣлять алчущимъ хлѣбъ, вводить нищихъ и безкровныхъ въ домъ свой, и давать серебро свое безъ лихвы.

Онъ часно осведомляется о нуждахъ бѣдныхъ, дабы помочь имъ, и всегда готовится дѣлать имъ добро.

Онъ не успѣетъ безъ того, чтобы не сдѣлать добра; здѣсь онъ наснавляетъ, тамъ утѣшаетъ, въ одномъ мѣстѣ врачуетъ болящаго, въ другомъ избавляетъ отъ немощи, въ прѣстьемъ насыщаетъ, и всюду дѣлаетъ добро для души и тѣла.

Онъ опасается завладѣть чужимъ добромъ.

Онъ исправно и скоро платитъ свои долги, ни на минуточку не удерживая мзды у наемниковъ и работниковъ.

Бѣдный Христіанинъ не иначе взираетъ на свое состояніе, какъ на назначенное ему Богомъ и опредѣленное ему по вышнему милосердію; онъ никогда на него не ропщетъ; ибо это состояніе избралъ и самъ Іисусъ Христосъ, освятивъ бѣдность собственнымъ примѣромъ. Онъ не желаетъ благу сего свѣта, но покоряется волѣ и опредѣленію Божию, и не завидуетъ чужому имуществу.

Онъ ни кому не дѣлаетъ обиды, ни

кого не обманываетъ, не бранить и не злословить, не произносить словъ безчестныхъ.

Бѣдный, но честный Христіанинъ говоритъ своей женѣ и дѣтямъ: „Мы ведемъ жизнь бѣдную, многотрудную, прискорбную; но будемъ имѣть великія блага, если будемъ имѣть страхъ Божій, убѣгая всякаго грѣха и дѣлая добрыя дѣла.“

Добрый господинъ - Христіанинъ видя въ себѣ недоспадки, слабости, снисходитъ во всемъ и подчиненнымъ своимъ, и шѣмъ паче, что знаетъ ихъ неблагоговѣнительность, недоспадокъ въ хорошихъ примѣрахъ и часто встрѣчающіеся имъ случаи къ соблазнамъ.

Вѣрный слуга - Христіанинъ исполняетъ волю своего господина съ радостію, съ удовольствіемъ, съ любовію; онъ повинуется ему съ почтеніемъ, съ смиреніемъ, съ прощосердечіемъ, съ любовію, усердіемъ, поспѣшно и

вѣрно. Онъ избѣгаетъ ссоръ, брани, злобы, сквернословія, лжи, хитрости, приворства, насмѣшекъ, обидъ, излишняго любопытства, ложныхъ доносовъ, невѣрности, пьянства и кражи.

Ремесленникъ - Христіанинъ — бываетъ доволенъ своимъ состояніемъ, въ которомъ промыселъ Божій назначилъ быть ему; онъ не желаетъ гордиться или возвышаться предъ другими нижшими его состояніями, не желаетъ собирать богатства лупями неправедными, не завидуетъ своимъ собратіямъ; но почитаетъ себя счастливымъ, что можетъ проводить жизнь свою въ пошѣ лица своего и въ трудахъ рукъ своихъ.

Онъ не ропщетъ на безвременье, ни на свою трудную работу, ни на кого не сердится, никому не дѣлаетъ упрековъ и укоризнъ, и каждого недоспадки и ошибки сноситъ терпѣливо.

Все у него въ порядкѣ, все дѣлается

въ свое время; онъ не ходишь въ питейные дома, въ мѣста азартныхъ игръ, разврата, сладострастія, распущенства и пьянства, ни куда, гдѣ можешь соблазниться и впасть въ грѣхъ.

Онъ поощряетъ бѣдныхъ, больныхъ и заключенныхъ въ тюрьмы, и, по мѣрѣ силъ и состоянія, помогаетъ имъ.

Онъ поощряетъ свою жену и дѣтей къ терпѣнію всѣхъ горестей и прискорбій настоящей жизни, въ надеждѣ будущей вѣчно-блаженной.

Онъ также увѣренъ, что не должно дѣлать другимъ того, чего не хотимъ, чтобы намъ самимъ дѣлали.

Добрый земледелецъ-Христіанинъ живетъ мирно и согласно съ своею женой, со своими домашними и сосѣдами; онъ ни съ кѣмъ не ссорился, не бранился, ни на кого не сердился; не ропщетъ ни на неурожай, ни на продолжительное ненастье, ни на долговременное вѣдро, ни на ранніе

морозы и частые не погоды, словомъ: ни на какія воздушныя перемѣны; но онъ всегда равнодушенъ, всегда покосенъ; онъ весь преданъ Промыслу: — не его дѣло судить о томъ; но его дѣло — во всемъ покоряться волѣ Божіей. Онъ ни кого не обижаетъ, ничего чужаго себѣ не присвоиваетъ; трудами рукъ своихъ питаетъ себя и семейство; — *въ потъ лица съидя хлѣбъ свой*, и среди трудовъ, укрѣпляющихъ его плѣхо, хвалишь и благодарить Бога за свое состояніе. — Терпѣливо сноситъ великаго рода шруды, заботы, невыгоды, прискорбія, непріятные случаи; все относя къ Богу и зная, что на все это Его воля. — Онъ убѣгаетъ суевѣрій, волшебства, предразсудковъ, и всѣ дни почитаетъ счастливыми и къ началу или продолженію дѣла способными.

Честный купецъ-Христіанинъ — избѣгаетъ въ торговлѣ божбы, кляпъ, обмана, вѣроломства въ данномъ словѣ,

просрочки. Онъ не общаетъ того, чего исполнишь не можешь. Главное его правило — ни кому не дѣлать обиды. Онъ совершенно покоренъ волѣ Божіей при неудачахъ, при банкротствѣ, когда вѣкъ продажи; за то не ропщетъ на Бога; доволенъ, покоенъ, и, при всѣхъ происшествіяхъ жизни одинаковъ.

Воинъ-Христіанинъ — увѣренъ, что въ призваніи его на службу отечеству была воля Божія. Онъ вѣренъ клянувшись, данной предъ Крестомъ и Евангеліемъ, — служить безропотно и благодушно, и, еслибъ случилось умереть съ честью на полѣ брани, то это есть его цѣль и конецъ. Онъ послушенъ начальникамъ не только благимъ и крошкымъ, но и сирочиннымъ. На полѣ битвы онъ храбръ и отваженъ, въ своемъ отечествѣ тихъ и крошечокъ. Мечъ его караетъ упорнаго врага, безоружнаго и прослащаго пощады щадить и защищаетъ. Въ непріятельской землѣ, доставшейся по праву

войны, не дѣлаетъ онъ насплія, грабежей и убійствъ, пожаровъ и разореній. Война и безъ сихъ ужасовъ и бѣдъ ствѣетъ ужасна. Онъ доволенъ своимъ состояніемъ, и, сколь ни мало его содержание, не ропщетъ на него. Онъ увѣренъ, что свѣтъ управляется не своеправіемъ людей, но премудрымъ промысломъ Божиимъ. Всячески удалется пьянства, ссоръ, обидъ, сквернословія.

Больной Христіанинъ въ немощи своей безпрестанно прибѣгаетъ къ Богу, и говоритъ Ему: *Да будетъ воля твоя!* Онъ не ропщетъ на свою болѣзнь, не беспокоится и не огорчается излишне. Онъ покоряется предписаніямъ врачей, и охотно принимаетъ лекарства.

Неспивный Христіанинъ ежедневно исправляетъ что-либо порочное или худое въ себѣ, а особливо худой нравъ, страсти, обуздывая иначе господствующую страсть. Безъ сего способа не льзя достигнуть совершенства въ добродѣ-

шли. Онъ любитъ по званію, въ кошоромъ находишься, и не полагается на свои собиственныя силы. Убѣгаетъ сообществу злыхъ. Подражаетъ живію Іисуса Христа, повинувшись своимъ начальникамъ, и увѣренъ, что безъ власти Божіей власть съ головы его не пропадетъ. Онъ не имѣетъ привязанности къ міру; вѣренъ во всѣхъ своихъ должностяхъ и обязанностяхъ; спарается всѣми силами о своемъ совершенствѣ; твердо увѣренъ, что если Господь не создастъ дома, то напрасно шрудятся спроуочіе его; если Господь не спережетъ града, напрасно не спитъ спражъ. Онъ также увѣренъ, что надѣющіеся на Господа, какъ гора Сіонъ не колеблется, пребывающіе вѣчно.

Онъ не ругаетъ никогда своего ближняго и ни кого другаго, ибо Іисусъ Христосъ сказалъ: Всякой, гнѣвающійся на брата своего напрасно, подлѣжитъ суду.

Совершенный Христіанинъ выполняетъ въ полной мѣрѣ десять Заповѣдей Божіихъ, изъ коихъ:

I.

1. Заповѣдь пребуетъ, чтобъ вѣровавъ въ Бога, поклонялся Ему, любитъ Его и уповать на Него. Грѣхи противъ сей Заповѣди сунъ: сомнѣніе о Богѣ, о безмерній души, презрѣніе святыни, насмѣшки надъ Вѣрою, роупаніе на промыслъ Божій, непокорность волѣ Его въ противныхъ случаяхъ, болѣзняхъ или ущербахъ, чародѣйство, вѣрованіе снамъ, суевѣріе.

II.

2. Заповѣдь пребуетъ истиннаго поклоненія Богу духомъ и истинною. Грѣхи противъ оной сунъ: поклоненіе не Богу, а кумирамъ, надѣяность на князей міра сего — паче надѣяности на Бога, поклоненіе Богу лицѣмерное, расколы или отпаденія отъ Церкви, чтеніе книгъ ерешическихъ.

III.

3. Заповѣдь требуетъ, чтобы имя Божіе употребляемо было въ приспойномъ и нужномъ случаѣ. Грѣхи противъ оной: клятва ложная, безъ нужды, произношеніе имени Божія безъ благоговѣнія, въ случаѣ неприспойномъ, шуточномъ, коими паче беззаконномъ, клятвенпреступленіе, злословіе, хула на Бога, на Церковь, на Вѣру.

IV.

4. Заповѣдь требуетъ священія дней воскресныхъ и праздничныхъ. Грѣхи противъ оной: провозженіе сихъ дней въ работѣ или въ принужденіи къ оной другихъ, неслушаніе въ сѣднѣ литургіи, развлеченія мыслей при столѣнн въ храмѣ, столѣніе въ немъ неблагочиное, въ разговорахъ проводимое.

V.

5. Заповѣдь требуетъ повиновенія законной Властн, родителямъ, учите-

ламъ и старшимъ. Грѣхи противъ оной: неповиновеніе Монарху, неуваженіе его величій, несоблюденіе данной ему присяги, непокорность власнн духовной и гражданской. Сія заповѣдь требуетъ, чтобы дѣти своимъ родителямъ и нижніе вышнимъ оказывали повиновеніе, любовь, почтеніе, вѣрность, помощь и защиту въ случаѣ нужды. Они не должны ихъ презирать, хулить, злословить, ненавидѣть, ропсать и жаловаться на нихъ. Родители и вышніе должны дѣтямъ подавать примѣръ, промышлять имъ пищу и питье, и вообще все содержаніе до извѣстнаго времени, давая имъ физическое и нравственное воспитаніе, стараться объ ихъ здоровьи, не имѣть ни къ кому ненависти, или большей къ кому-либо изъ дѣтей любви предъ прочими, исправлять ихъ недостатки, обходиться ни слишкомъ благосклонно, ни слишкомъ строго, и — ничего не щадить, чтобы сдѣ-

ласть ихъ умными и добрыми. Мужья должны женамъ своимъ оказывать любовь, вѣрность, ласковость и кротость. Жены своимъ мужьямъ обязаны почитаніемъ, любовью, вѣрностію и раздѣленіемъ съ ними трудовъ и попеченій о домѣ или семействѣ. Следствиемъ невыполненіе упомянутыми лицами взаимныхъ другъ ко другу обязанностей — есть грѣхъ.

VI.

6. Заповѣдь пребуесть — ни какъ не вредишь ближнему, ничѣмъ его не обижать. Грѣхи противъ оной суть: желаніе ближнему несчастія или смерти, доведение его до смерти медленно или скоро, оправа, побой, драки, ненависть, вражда, злоба, мщеніе, поединки, ревность, подозрѣніе, презрѣніе, вѣрованіе ложнымъ слухамъ — обиднымъ для чести другаго, насмѣшки, клеветы, лести, ссоры, брань, соблазны, худой примѣръ, ошкряпаніе чужихъ па-

нитъ, пьянство и самоубійство, кулачные бои, измѣны, бунты, войны несправедливыя, опягощеніе работами, жестокія наказанія, наипозлобіе, наглость, свирѣпость нравовъ и безчеловѣчіе.

VII.

7. Заповѣдь пребуесть храненія вѣрности въ супружествѣ и целомудрія въ безженствѣ и во вдовствѣ. Грѣхи противъ оной суть: нескромность въ нарядахъ, слова безчестныя, неблагопрістойныя, излишняя роскошь, жизнь праздная и изпѣвнная.

VIII.

8. Заповѣдь пребуесть соблюденія выгоды ближняго, безъ всякаго ущерба или вреда. Согрешенія противъ оной суть: хищеніе, присвоеніе чужой вещи хитрымъ образомъ, лихоимство, азартныя игры, неоплата долгу или заклада, неправедная пляска, обманъ, приписаніе, обманъ, ущербъ, непо-

мѣрная цѣна въ продажѣ товаровъ, фальшивые вѣсъ и мѣра, неправосудіе въ судѣ, непомѣрное оспягощеніе работою, принужденіе, насиліе, коварство и хитрыя уловки ко вреду ближняго, дѣланіе фальшивой монеты, словомъ: все то, чѣмъ сколько-нибудь умаляешь имуществво или вредишь чести и доброй славѣ ближняго.

IX.

9. Заповѣдь требуетъ, чтобы мы говорили правду, только ей вѣрили, а не клише и злословію. Грѣхи прошивъ оной суть: ложь, поносительная двусмысленность, скрытность или нечестносердечіе въ разговорахъ, ложные доносы и свидѣтельствва, злонамеренное защищеніе неправаго дѣла, вниманіе клеветѣ и всякимъ слухамъ безъ изслѣдованія, сужденіе по приспастію, а не по законамъ, — по доносамъ, а не по починымъ изслѣдованіямъ дѣла; обезчещеніе и осужденіе ближняго, ругатель-

ство заочное, насмѣшки надъ недослушниками своего ближняго, нанесеніе безпокоѣштва и заведеніе ссоры между другими.

X.

10. Заповѣдь требуетъ довольства
имъ состоящимъ и чинобъ не имѣиъ
желаній, клонящихся ко вреду ближня-
го. Грѣхи противъ ея: зависть, не-
доброжелательство, похоть, нища-
емалъ въ мысляхъ и сердцѣ къ предме-
тамъ чуждымъ, аличноствъ къ богаш-
ству, рѣшимость на все предпріятія—
для достиженія конца своихъ желаній
— къ ущербу ближняго. Сія заповѣдь
учить: не шокмо худаго не дѣлать,
но о худомъ и не думать, и въ сердцѣ
своемъ худаго ни кому не желать; ибо
онъ дурныхъ мыслей можетъ весьма
удобно послѣдовать и худое дѣло.

Истинный Христіанинъ убѣгаетъ
семи смертныхъ грѣховъ, кои сунуть:

- 1) *Гордость*: суетность, тщесла-

віе, любочестіе, самолюбіе, хвастовство, пышность въ одеждѣ, величавость, бесполезныя издержки, предпочтеніе себя всѣмъ, презрѣніе къ другимъ, надѣянность на свой умъ, силы, богатство, чины и достоинства, неуваженіе къ освященнымъ вещамъ.

2) *Сребролюбіе*: любовь къ деньгамъ, алчность къ собиранію оныхъ всѣми способами, не подаваніе милосыни, не платиши долговъ насникамъ, презрѣніе къ бѣднымъ, нечувствительность къ ихъ состоянію, скупость.

3) *Блудъ*: волокишество.

4) *Зависть*: желаніе чужаго имущества, досада о благополучіи другаго, и радость о злополучіи ближняго.

5) *Чревоугодіе или обжорство*: изнѣшество въ пищѣ и винѣ, пьянство, лакомство.

6) *Гипвъ*: нетерпѣливость, ропотъ, выпыльчивость, обиды, досады, желаніе другому зла и самой смерти.

7) *Лѣность*: незнаніе Вѣры, обязан-

ностей и должностей къ ней, упущеніе случаевъ къ добрымъ дѣламъ, жизнь праздная, изнѣженная, потеря времени на излишній сонъ, на игру; пустыя и бесполезныя посѣщенія и разговоры, нерадѣніе о дѣлахъ своего званія, невыполненіе обязанностей Вѣры.

Христіанинъ также долженъ убѣгать грѣховъ, вопіющихъ на небо, кои суть:

1) Удержаніе мзды насмичей.

2) Обида вдовъ и сиротъ.

3) Грѣхъ Содомскій, то есть: мужеложество, скоположество.

4) Насиліе.

5) Человѣкоубійство.

Вотъ четыре средства къ спокойствію нашему:

1) Старайся болѣе исполнять волю другихъ, нежели свою.

2) Избирай всегда лучше имѣть мало, нежели много.

3) Ищи всегда послѣдняго мѣста и будь покорнымъ всѣмъ.

4) Желай всегда и моли, да испол-

	Стран.
Наглость	310
Надежда	311
Насмѣшливость	312
Неблагодарность	317
Неблагодарность, неоспорность	320
Невѣжество	321
Недовѣрчивость	324
Независимость	325
Непостоянство	326
Несчастье	327
Неумѣренность желаній	331
Нечестивость	332
Низость	333
Объединеніе	334
Оспроумленіе	335
Опьяненность	336
Опечаленіе	337
Охота спорить, противоречить	338
Патріотизмъ	341
Повиновеніе, послушаніе, покор- ность	347
Поединки, дуэли	348
Правдолюбие. Честность	350
Правосудіе	352
Праздность. (См.: Лѣность).	

	Стран.
Предусмотрительность. Осторо- жность	360
Пришворство	363
Пьянство	—
Распачительность, роскошь, нѣга	366
Ревность	383
Робость. Трусовость	386
Самолюбіе	390
Сварливость, брань, руганье	391
Свобода	—
Своевольство	392
Скромность	393
Скука	395
Скупость	400
Слабости, недосадки, погрѣшно- сти	403
Слава истинная и величіе	404
Смѣлость	408
Совѣсть	409
Спокойствіе душевное	410
Спращаніе	412
Спращаніе къ вину, запой	414
Спращаніе къ завоеваніямъ и побѣ- дамъ	418
Спращаніе къ играмъ азартнымъ	419

нился въ тебѣ совершенно воля Божія.

Только одними сими средствами можно приобрести истинную свободу. Это краткое наставленіе заключаетъ въ себѣ сугубое совершенство. Въ немъ мало словъ, но много разума и пользы.

Если бы въ цѣлый годъ успѣли мы испробовать хотя одинъ порокъ, то мы скоро бы достигли совершенства.

Богъ устроилъ такъ, чтобы мы участвовали взаимныя выгоды носить: ибо нѣтъ никого безъ недостатка, никого безъ своего бремена, никого безъ нужды въ другихъ, никого довольно для себя мудраго; посему мы должны взаимно другъ другу сносить, другъ другу помогать, другъ друга утѣшать, наставлятъ и увѣщавать.

Изображеніе мудраго, честнаго и добродѣтельнаго челоуѣка.

Обращая взоры на землю, можемъ ли мы на ней найти что-нибудь величественнѣе, прекраснѣе, удивительнѣе, какъ совершенно-честнаго челоуѣка, истинно мудраго и такаго, какаго только можно намъ себѣ представить!

Убѣжденный блистательнымъ свидѣтельствомъ вселенныя о существованіи Всевышняго Творца, Котораго славу все возвыщаетъ, изображаетъ вездѣ могущество и величіе, онъ глубоко проникнутъ страхомъ ко Господу, Который есть основаніе истинной мудрости; онъ спрашиваетъ Его жестокихъ наказаній, предоставленныхъ нарушителямъ закона; и болѣе всѣхъ спраданій, какія только существуютъ на свѣтѣ, ужасается бытъ Ему негоднымъ.

Говоритъ ли онъ о Богѣ, о Религій

или одѣлахъ священниковъ: всегда говоришь съ благоговѣніемъ, — опровергаешь презрѣніемъ злословныя сужденія нечестивыхъ, или презирая ихъ.

Никакой интересъ не можетъ соблазнить честнаго человека, друга справедливости, нарушивъ оную; онъ всегда носитъ напечатлѣвшіяся въ его сердце сіи изысканныя изреченія, кои одинъ Государь повѣрялъ часто своему сыну: *Лучше умереть, нежели солгать.* — Онъ оставляетъ душамъ низкимъ въ хитросети и лукавствахъ справедливостію управленія всеми его поступками, а истина его рѣчами. Онъ столько же вѣренъ своему слову, какъ разуменъ въ обѣщаніяхъ; и никогда не имѣетъ причины — онъ ни въ удаляхъ чрезъ поспѣшныя пронырства, недостойныя его чистой совѣсти. Всегда готовый услужить, когда только можетъ, онъ пренебрегаетъ благоуваженіемъ; ласковъ къ нижнимъ; снисходителенъ безъ подлости; и тѣмъ

выигрываетъ у всѣхъ сердца. Увѣренный, что вѣжливость придаетъ блескъ достоинству и содѣлываетъ оныя болѣе пріятными, — онъ учивъ безъ принужденія и принорства. Не увидите никогда въ немъ никакихъ разнообразій во нравѣ, которыя бы дѣлали его ненавистнымъ и несноснымъ. Для благополучія общественнаго и своего собственнаго, онъ старается владѣть собою, преодолевать своенравіе и даже предупреждать занатливость права. — Имѣетъ всегда ненахмуренное чело, видъ пріятный и довольственный, любезную веселость, соупущницу невинности и душевнаго спокойствія.

Болѣе сострадателенъ, нежели корыстолюбивъ, онъ не притѣсняетъ бѣднаго, ему задолжавшаго, и согласенъ скорѣе самъ перенести большія несчастія, нежели содѣлать кого несчастнымъ. — Никогда не заставитъ художника долго ожидать платы за

труды свои; и находить, что гораздо великодушнѣе и благороднѣе — платить долги, нежели ихъ на себя имѣть.

Наученный исполнять всѣ свои обязанности съ раченіемъ и аккуратностію, честный человѣкъ хранить вѣрно родительскія, супружескія и господскія обязанности, безъ ненавистной жестокости и презрительной слабости; ибо человѣкъ тогда нѣсколько достигаятъ нѣкоторой степени совершенства, когда источникъ радостей находить въ исполненіи своихъ обязанностей. — Его подданные считаютъ себя счастливыми, служа ему; ибо они ему болѣе дѣти, нежели рабы. Ему извѣстно правило: Если хочешь повѣловать другимъ, удостовѣрься, что умѣешь владычествовать надъ самимъ собою. — Къ тѣмъ, которые дали ему жизнь, дѣлаешь величайшее почтеніе, — и возвращаешь съ обратеніемъ на безупречныхъ дѣтей, которыхъ, достигши до нѣкоторыхъ чиновъ, высшихъ перваго

ихъ состоянія, или сдѣлаются богатыми, краснѣютъ за своихъ родителей и даже отрицаются отъ нихъ.

Онъ гораздо чувствительнѣе къ добру, получаемому имъ, нежели ко злу, которое ему дѣлаютъ; старается во всѣхъ случаяхъ явно оказывать знаки благодарности; и отдаетъ — когда можеть — болѣе, нежели сколько получилъ.

Будучи великодушнѣе, человѣколюбивѣе, благодушнѣе, онъ любитъ дѣлать все то, чѣмъ можеть заслужить благодарность отъ другихъ, не имѣя въ виду и не желая оной. Счастливый его характеръ, руководящій его дѣланіемъ всякому добро столько, сколько онъ въ силахъ, представляетъ его какъ бы высокій образъ Божества на землѣ.

Его величайшее удовольствіе — давать прежде, нежели у него попросятъ. Онъ весьма опечаленъ отъ тѣхъ безразсудныхъ благодушелей, кои пе-

ряютъ все достоинство своихъ милосней, дѣлаемыхъ съ видомъ грубымъ и суровымъ; но благоразумный человекъ даетъ большую цѣну своимъ благодѣніямъ черезъ видъ привѣтливый и ласковое обхожденіе свое, коими оныя сопровождаются.

Онъ дѣлаетъ добро ни по тщеславію, ни по интересу, по посему несправедливость и неблагодарность не испорчаютъ изъ него ни малѣйшаго упрека. Его великодушіе, кажется ему, никогда не бываетъ такъ чисто, какъ тогда, когда онъ сдѣлаетъ добро неблагодарному.

Онъ благодушенъ, не желая шаквымъ казаться; хвастовство не имѣетъ участія въ его благодѣніяхъ. Любитъ дѣлать услугу, одолая съ осторожностью, каковую предписываетъ благоразуміе; но забываетъ тогда сію добродѣтель, когда необходимость не терпитъ медленія, и находитъ должнымъ дѣлать по другимъ въ ихъ нуждѣ, че-

го бы онъ желалъ конечно, дабы самому ему по же дѣлали.

Зависитъ, спроситъ подлая и постыдная, бѣжннѣ далеко отъ него. Благородство души его, возвышенность чувствъ и справедливость ума заставляютъ его смѣрять съ удовольствіемъ на таланты, успѣхи или довольство другихъ. Онъ даже говоритъ хорошо о своихъ соперникахъ, и, будучи далеко отъ исканій, чинитъ помрачаш славу и знаменитость ихъ, онъ первый еще опдастъ имъ справедливость. Онъ не позволяетъ себѣ много чувствива, кромѣ желанія — дѣлать еще лучше шѣхъ, которые дѣлаютъ хорошо.

Безразсудный не можетъ хранить тайны; мудрый же, по благоразумію своему и скромности, ни мало не затруднился сохранять тайны, ему вѣряемыя.

Будучи остороженъ, скромнъ въ разговорахъ, не ментъ того благоразумнъ въ поступкахъ и обхожденіи, онъ

ни принужденъ, ни слишкомъ воленъ и развѣзанъ; но онъ желать бы лучше быть болѣе застѣчивымъ, нежели очень смѣлымъ: ибо увѣренъ, что болѣе тѣмъ понравится.

Онъ нерышительнъ и не дерзокъ, потому что последнее есть жребій безразсуднаго. Какія бы ни были втрояпности, онъ не рѣшитъ приговора, а особливо когда онъ коснется до чести ближняго, не разсмотрѣвъ первыхъ съ величайшимъ вниманіемъ: онъ знаетъ сколь часто рѣшенія послѣднія не правосудны. Онъ не осуждаетъ никого, не выслушавъ обвиняемаго.

Честный человѣкъ упражняется въ знаніи Религіи; ибо это перва и необходимо - нужная изъ его обязанностей, пріятнѣйшее и важнѣйшее изъ всѣхъ его познаній. Не вѣривъ, что истинная Философія состоитъ въ вольнодумствѣ объ Религіи: онъ веритъ, что, чего разумъ понять не можетъ; но подчиняетъ слабая познанія своего разума

непремѣнной власти Того, Который не можетъ насъ обмануть.

Наиболѣе утверждаетъ его въ сей Божественной Вѣрѣ то, что никакая иная не имѣетъ морали чище, не внушаетъ праводущія и цѣломудрія совершеннѣе и не представляетъ убѣдительнѣе причинъ — быть истинно честнымъ человѣкомъ.

Образованный въ школѣ человѣколюбія, онъ ищетъ сдѣлать себѣ счастье, способствуя счастью другихъ. Если знанность или богатство имѣютъ иѣчто, могущее соблазнить сердце споль благородное, какъ его, это то есть — одна возможность дѣлать другихъ счастливыми; ибо какое употребленіе пріятнѣе, какую должностъ преимущественнѣе и блистательнѣе могъ бы онъ сдѣлать изъ своей власти или изъ своихъ сокровищъ, какъ оными пріобрѣтать сердца другихъ? Онъ почитаетъ во всѣхъ несчастныхъ спраждающее человѣчество, и спремился

помогаешь имъ, смотря по своей возможности и ихъ нуждѣ. Давая руку помощи, онъ имъ не показываетъ, какъ многіе гордецы, лица грубаго и суроваго, которое только унижаетъ и оскорбляетъ. Даже его отказы благотворительнѣе, нежели милость у некоторыхъ, кажущаяся презрительною. Онъ видитъ какъ настоящую прибыль свою все то, что можетъ произвестись изъ своего избытка, и находитъ себя счастливымъ, приобретая. Небо цѣною пыльнаго богатства.

Онъ ревнивецъ къ своей честности и чувствительнѣе къ похвѣламъ другихъ людей, когда слава Божія и польза ближняго пребываютъ оныхъ, или когда они нужны ему для самаго себя. Тогда онъ любящъ беречь свою репутацию, чтобы она была чиста и совершенна; потому что знаетъ, что о ней не радѣешь, соблазняетъ людей и дѣлается достойнымъ всякаго презрѣнія. Но просвѣщенный при-

родою и правилами истинной чести, онъ не вмѣшаетъ за славу, чтобы мстить съ жестокостью за легкую обиду, обагряться кровью своего пріятеля и быть свирѣлымъ и безчеловѣчнымъ.

Есть высшее достоинство, которое благоразумный человекъ болѣе всего почитаетъ, хотя оно само по себѣ не даетъ никакого блеску: это есть качество *честнаго* человека. Будучи прямодушенъ, искрененъ, справедливъ, онъ не ищетъ ни обманывать, ни уловлять кого-либо.

Онъ жертвуетъ добродѣтели тайно и явно. Его праводушіе и честность не измѣняющія ни въ какомъ случаѣ, потому что они основываются на Законѣ и имѣютъ такого Судію и Свидѣтеля, отъ Коего ничто не можешь скрыться. Починаешь закономъ — совѣсть, которая всегда бываетъ справедлива, когда призываютъ

ее съ благимъ намѣреніемъ, не покоря
ее произволу корысти.

Онъ не предается злопамлстству, недостойному доброй души; ибо полагаешь свою славу въ преодолеваніи сильныхъ движеній къ мщенію, и побужденіи самаго себя. — Прощаетъ не такъ, какъ Философъ, (который мыслитъ, что презрѣніемъ опмщеванъ лучше), но какъ Христіанинъ, знающій всю цѣну и все достоинство, сопряженныя съ прощеніемъ оскорбленій. — Показываетъ видъ, будто не замѣчаетъ понозновеній къ оскорбленію его и будто не чувствуетъ униженій, коими ищутъ его узавивъ. — Позволяетъ говорить другимъ всякія глупости; но самъ не произноситъ ихъ, будучи увѣренъ, что наглосни и обиды обращаются на изобрѣшатели и только безчестяшъ его самаго.

Онъ принуждаетъ своихъ непріате-

лей, когда случится имѣть ихъ, любить его, опмщая имъ одними только одолженіями и благодареніями: это есть единственная мещъ, которая ему правится; потому что она сколь пріятна, сполько и славна. Добро, коимъ онъ платитъ за зло, есть добро, дѣлаемое имъ для себя; чрезъ сіе онъ выигрываетъ ихъ дружбу, или по крайней мѣрѣ уваженіе отъ людей и награду отъ Неба.

Благоразумный человекъ не говоритъ много; потому что большимъ говорунамъ удивляются только одни глупцы. Онъ умѣетъ говорить и слушать въ очередь, и слушаетъ даже болѣе, нежели говоритъ. Любитъ, чтобы ему упрекали больше за молчаніе, нежели за болтливостъ. Убѣгаетъ споровъ, которые не нужны, — ибо въ нихъ любовь къ ближнему шеряетъ чаще, нежели правда выигрываетъ. — Наученный собственнымъ опыномъ и опытами другихъ, что говоря, можно

иногда проговориться, онъ думаетъ много о томъ, что говорить и оспаривается сказать то, чѣмъ бы могъ оскорбить Бога или людей, вредить себѣ или другимъ.

Онъ имѣетъ счастливыя таланты, бытъ любезнымъ чрезъ свои разговоры, и дѣлаетъ такъ хорошо, что въ его рѣчахъ находятъ удовольствіе — бытъ имъ довольнымъ, и не бытъ недовольными самими собою. — Онъ умѣетъ приноровиться ко всѣмъ умамъ и ко всѣмъ характерамъ, сколько благоприспособленность и скромность ему позволяютъ. Не желая удовлетворять своему самолюбію на счетъ другихъ, онъ даетъ цѣну тому, что они говорятъ, внимательно слушая, — и нерѣдко сужаетъ ихъ своимъ умомъ, чтобъ допустить ихъ къ обществу своимъ. Имѣетъ видъ всегда смиренный, пріятный и ласковый; на языкъ его одни только привѣтственные и вѣжливыя слова; ибо онъ не знаетъ иной

шайны, чтобъ заславить всѣхъ любивъ себя: — что не менѣе способствуетъ дѣланію его сообществу любезнымъ и уважанію его; это значитъ, что одаренный умомъ, судитъ благосклонно о другихъ, извиняетъ слабости ихъ и не совращаетъ ихъ съ пути добродѣтели. Онъ не всегда находить ихъ порочными; пошому что онъ самъ не совершенъ.

Онъ ни къ кому не имѣетъ безразсудной довѣренности. Рачительно скрывая въ самомъ себѣ то, что находятъ нужнымъ утаить, говоритъ онъ только о такихъ вещахъ, о коихъ желаетъ чтобъ другіе знали, — и не менѣе вѣренъ своей шайнѣ, какъ и шайнѣ ближняго; ибо знаетъ въ опасности нескромности. Онъ не ищетъ мѣшаться въ дѣла другихъ; не дѣлаетъ также и сихъ учасниками своихъ дѣлъ. Скрываетъ онъ ихъ шайну своихъ интересовъ, не имѣя вида скрышнаго, который оскорбляетъ

людей или обнаруживаетъ то, что хощають унавишь. — Его лице открыто, но уста и сердце закрыты.

Сколь ни благоденствъ, сколь ни богачъ благоразумный человекъ, онъ не усугубляется чрезъ то ни щеславiя, ни гордости: поелику щеславiе есть знакъ неименiя того, чѣмъ хощають выказаться, и достоинство совѣтъ не сходивуется съ гордостью. Знаешь, когда нужно ему поддерживать права своего чина и сберечь свое достоинство, и поддерживаешь ихъ безъ высокомерiя и надменности. Никогда не услышишь, чтобы онъ хвалился своею знатностью или избытками: онъ показываетъ себя превыше сихъ выгодъ, забывая оныя. Не хвалится даже ни талантами своими, ни качествами, и никогда не приходитъ ему на умъ, что онъ имѣетъ какое-либо достоинство: только одинъ онъ ничего о томъ не знаетъ и не говоритъ. Блещущая репутация и счастливые успѣхи не

заслѣвляють его терять своей скромности: какъ будио объ нихъ онъ и не вѣдаетъ. — Какъ бы ни высока была степень его знатности, на которую онъ восходитъ, щеславiе къ нему не присоединяется. — Онъ сохраняетъ, при благопрiятнѣйшѣй фортуны, простоту нравовъ, кротость и снисхожденiе, кои обыкновенно она уничтожаетъ въ другихъ.

Случится ли съ нимъ какое несчастiе внезапное, горестъ, или потеря невозвратная: онъ находитъ въ своей добродѣтели и въ своей Религiи врачеванiя прискорбiямъ и горестямъ, и силы противъ несчастiй самыхъ жестокихъ. Въ немъ видишь того мудреца, о коемъ говорилъ *Сенека*, который при борьбѣ его съ фортуной, превосходя ее своимъ мужествомъ, представлялъ зрѣлище достойнѣйшее удивленiя людей. Это не потому, чтобы онъ имѣлъ достойную поемъ-ляи нечувствительность ложнаго му-

прибъжище въ его благопвореніяхъ и подпору въ его довѣренности: онъ старается дѣлать добра болѣе, нежели можетъ, черезъ себя, или черезъ другихъ; и только — сколько ему возможно — не дѣлаетъ никому никакого зла. — Знашныя и богатые люди! онъ не употребитъ, какъ вы, свое могущество и свои богатства, дабы ограбить вдову и сираго, приниженъ слабыхъ и погубитъ несчастныхъ; онъ желалъ бы, напротивъ, быть довольно богатымъ и могущимъ, дабы имъ покровительствовать и всѣмъ вспомоществовать.

Внимательный къ своимъ собственнымъ погрѣшностямъ и чтобъ не впасть еще въ большія, старается болѣе исправлять себя, нежели ближняго; и если принужденъ бываетъ укорять, или наказывать его, то дѣлаетъ оное съ кротостью. Погрѣшности людскія, на кои онъ смотритъ — какъ на печальный удытъ челоуѣчества,

выпускаютъ ему болѣе состраданія и жалости, нежели досады и жестокости. — Его упреки, касающіеся до тѣхъ, которыхъ онъ долженъ укорять, ни грубы, ни огорчительны; онъ имъ никогда не дѣлаетъ выговоровъ грубыхъ и колкихъ, кои служатъ къ раздраженію виновныхъ и къ ненависти. — Употребляетъ твердость, когда въ ней имѣетъ нужду, но никогда гнѣва и вспыльчивости; поному что знаетъ, кто приходитъ въ ожесточеніе, наказываетъ самъ себя за погрѣшности другихъ, а ихъ не исправляетъ.

Благоразумный челоуѣкъ хвалитъ охотно; но похвалъ своихъ не расшочаетъ, дабы похвалитъ лучше. Онъ хвалитъ одни только достоинства и добродѣтели. Его хвала столь же чиста, какъ и сердце его. — Онъ бы красился самъ, дѣлая и получая похвалы не по заслугамъ.

Преимущества, которыхъ имѣетъ онъ

	Стран.
Суевѣріе. Предразсудки	420
Суеиность жизни человѣческой	422
Счастье	424
Твердость характера. Непоколеби- мость духа	442
Терпѣніе	489
Тоска. Склонность къ самоубій- ству	490
Трудолюбіе	493
Тщеславіе. Гордость	495
Тяжбы	500
Уединеніе	503
Умѣренность	506
Ученіе	510
Учивость. Вѣжливость	511
Философія	519
Хозяйство, домоводство	523
Храбрость	527
Цѣломудріе	530
Человѣкъ	534
Чеспотіе	536
Честь	537
Чшеніе	539
Чувствительность	546
Шутки	—
Щедрость	—
Щедраша	547
Эгоизмъ. (Себялюбіе)	—
Экономія, бережливость	548
Юность	573

П О Г Р Ы Ш Н О С Т И.

Стран.	Строки:	Напечатано:	Читай:
74	— 17 —	земледѣлецъ	— земледѣлецъ
85	— 6 —	имъ	— своимъ
361	— 10 —	бѣздѣлицъ	— бездѣлицъ
453	— 20 —	бѣдну	— бѣдную
478	— 16 —	славѣ къ	— славѣ и къ
564	— 21 —	пособія	— пособіа

предъ другими людьми, какъ то: знатности и богатствомъ, или умъ и познания, не приводящъ его въ гордость. Какъ онъ оиъ сего не болѣе самъ себя уважаетъ, пошому что болѣе надѣленъ природою или фортуною; то и не взираетъ презрительно на тѣхъ, которые менѣе его одарены. Онъ негодуетъ на одинъ только порокъ, старааясь заставлятъ себя любить и почитать наиболѣе почтенныхъ людей, оказывая знаки уваженія всѣмъ тѣмъ, кои достойны ихъ. Избѣгаетъ еще съ большимъ раченіемъ быть ненавидимъ, не оказывая презрѣнія никому, кшо бы онъ ни былъ; ибо злоба, которую всегда рождаетъ презрѣше, есть самая непримиримая, и часно непріятель болѣе вредящъ, нежели пріятель дѣлающъ услугу.

Нѣкоторые насмѣшки не оскорбляютъ его; онъ столь благоразуменъ, что принимаетъ почти все въ хорошую сторону; и не дѣлаетъ напраснаго

себѣ неудовольствія, давая несправедливый шокъ рѣчамъ, которыя бы могли до него касаться, но, можетъ быть, къ нему не относяся. Даже онъ скрываетъ прискорбныя насмѣшки, или отвергаетъ ихъ оспроумно.

Мудрый убѣгаетъ связей опасныхъ, кои могутъ развратить его сердце или испортить умъ его. Чѣмъ болѣе кажется забавною компанія нѣкоторыхъ людей безразсудныхъ и развращенныхъ, тѣмъ болѣе онъ ея убѣгаетъ. Онъ очень знаетъ, что можно привыкнуть любить и занявъ склонности тѣхъ людей, коихъ любимъ; и что удовольствіе, съ ними бывъ, составляетъ мало по-малу приучишься и полюбить то, что въ нихъ есть презрѣннаго. Онъ болѣе опасается онъ ихъ испорчиться, нежели надѣется обратитъ ихъ къ добродѣтели своимъ знакомствомъ съ ними: точно такъ, какъ гнилые плоды скорѣе портятъ здоровье, нежели сіи исправля-

юпъ испорченные. По той же причинѣ, или, лучше сказать, опасаясь скуки и нестерпимѣ, онъ убѣгаетъ также бесѣды повѣсь, заносчивыхъ, глупцовъ, врагѣй, педантовъ или ученыхъ дураковъ; ибо глупость и педантизмъ кажутся ему очень смѣшными въ дружгихъ людяхъ, и дабы не занявъ сихъ пороковъ, пропившихъ его просному и скромному нраву.

Будучи благоразуменъ въ выборѣ друзей, онъ ищетъ имѣть ихъ менѣе, но имѣть избранныйшихъ; и признавая дружество чувствомъ весьма почтеннымъ и драгоценнымъ, боится расточать его; ибо полагаетъ, что имѣя много друзей, нельзя имѣть истинной дружбы. Онъ не хочетъ имѣть такихъ друзей, кои бы не совершенно были достойны любви, и возвращаетъ имъ свое дружество и довѣренность тогда, когда досадночно ихъ изслѣдуетъ; послѣду хочеть имѣть друга надолго; — онъ съ трудомъ избѣ-

раетъ друзей, но еще труднѣе оставляетъ ихъ. — Одинъ лишь порочный находитъ его неумолимымъ; ибо дружество со злыми людьми сколько вредитъ, сколько и безчеститъ. Только хороши общесива, только хороши примѣры и наставительные разговоры могутъ образовать сердце и разумъ.

Увѣренный, что — дабы быть уважаемымъ — надобно обращаться съ людьми почтениыми, онъ изыскиваетъ сообщество самыхъ честныхъ людей, но почти всегда предпочитая компанію равныхъ ему, тѣмъ людямъ, которые или менѣе его, или болѣе: первая безчеститъ и опорочиваетъ, въ другой бываетъ рабомъ или презрѣннымъ. Всемъ извѣстна старинная пословица: „Скажи мнѣ, съ кѣмъ ты обходишься; а я скажу тебѣ, кто ты таковъ?“

Честный человекъ никогда ничего не говоритъ въ поношеніе чьей либо чести (репутаціи), ибо можетъ ли онъ не знать, что злословіе и клеветы,

иногда позволяемый некоторыми себе столько легкомыслию, не предвидя следствий, дѣлають нередко на сердца раны глубочайшія? и не знаютъ ли онъ также, что чрезъ злобу и болтливостъ свою пріобрѣтаетъ себѣ величайшихъ непріятелей? — Онъ говоритъ съ удовольствіемъ все хорошее, что только знаетъ о другихъ; но умалчиваетъ о дурномъ, если не имѣетъ справедливыхъ причинъ дать знать о томъ. — Любитъ даже рассказывать хорошее о своихъ врагахъ. — Не говоря никогда худого ни о комъ, даже не позволяетъ, чтобы оное дѣлали при немъ; а посему и самъ заслуживаетъ, чтобы объ немъ ничего дурного не говорили.

Весьма благородный въ своихъ чувствахъ, чуждый подлости и низости словесныхъ кого-либо въ его отсутствіи, онъ дозволяетъ себѣ еще менѣе издѣваться надъ присутствующими. Шутитъ иногда, дабы веселѣе былъ разговоръ, но не вредитъ никому.

Съ нимъ смѣются, а не зѣваютъ. — Онъ не похожъ на тѣ умы злорѣчивые и влюбленные въ свои мнѣнія, которые согласяся лучше поперять друга, нежели упустишь острое словечко (бон-мо); и находятъ, что шутъ гораздо благоразумнѣе, который умѣетъ иногда осанавливать быстроту ума своего.

Онъ много отличается отъ безразсуднаго, не хопящаго ни требовать совѣтовъ, ни шерить, чтобы оные ему давали; ибо очень убѣжденъ, что во многихъ случаяхъ слабостъ челоѣчества ходитъ оцупью между свѣтомъ и тѣмою; посему ничего не предпринимаетъ важнаго, не переговора о семъ съ людьми вѣрными и умными. Беретъ совѣтъ отъ пріятелей, чтобы не быть обманушу своимъ собственнымъ умомъ. Спарася различать льстеца съ другомъ; разсматриваетъ и судитъ совѣты, которые ему даютъ; увѣренный, что

всегда бываемъ благоразумнѣе, слушая совѣны другихъ, хотя не всегда полезно бываетъ имъ слѣдовать. — Онъ охотнѣе пребудетъ совѣта, нежели самъ совѣтуетъ; ибо всегда лучше принимать совѣты, нежели давать ихъ: послѣку все подвержено неизвѣстности, и — онъ боится ошибки. Особенно вразсужденіи шажебъ, онъ находить необходимымъ отбирать мнѣнія отъ свѣдущихъ людей. Не легко въ нихъ впускается, потому что удобнѣе начать ихъ, нежели кончить; и, не показывая къ нимъ болѣзни, дѣлаетъ все то, что только отъ него зависить, дабы оныхъ совѣтъ избавиться.

Онъ спрашиваетъ чрезъ пересуды безразсудныя нарушать спокойствіе семействъ и ссорить друзей. Но его величайшее удовольствіе — доставлять людямъ самое драгоценнѣйшее добро: миръ и согласіе.

Не будучи недоувѣрчивъ, ни подозри-

шелея, онъ не почитаетъ нужнымъ вѣрить себя всякому, а особливо такимъ, которыхъ мало знаетъ. Всегда имѣетъ благоразумную осторожность, даже съ своими пріятелями, до тѣхъ поръ, пока уже совершенно увѣрился, чрезъ долговременный опытъ, что они достойны его довѣренности. Сохраняетъ, сколько можно, пріязнь со всеми людьми, но не вѣряется почти никому; послѣку мало такихъ, которые бы желали и были въ силахъ помогать намъ, но — болѣе такихъ, кои могутъ намъ вредить и дѣлать зло. Онъ не надѣется еще болѣе на самого себя и на собственное свое сердце, которое всегда готово измѣнять ему и допустить себя преодолѣть случаямъ соблазнительнымъ.

Онъ боится нескромныхъ приманокъ любви, хитрыхъ обольщеній сладострастія, и избѣгаетъ ихъ, дабы вѣрнѣе восторжескивать. Послѣ прискорбной учасши самого мудраго изъ Государей

и другихъ многихъ, которые видѣли всю свою мудрость погасшею онъ не скромной любви, можешь ли онъ не спрашиваться опасныхъ любовныхъ сврътъ за самаго себя?

Спираснь къ вину кажется ему столь же опасною; поному что почини всегда распотчивельность съ ней неразлучна; и приномъ она чаще во гробъ переселяешь безразсуднаго, шатающагося на ногахъ, который ей слѣдуетъ. Онъ употребляетъ вино, чѣмъ иногда нѣсколько развеселишь себя, но никогда столь много, чѣмъ потерять разсудокъ, — и покрасѣлся бы онъ такого положенія, въ коемъ разнися бы онъ екоша только чрезмѣрнымъ бѣшенствомъ и свирѣпостію, или онъ ребенка большими дурачествами.

Если играешь онъ иногда (ибо добродѣтель не есть врагъ невиннымъ удовольствіямъ), то играешь безъ ешрасни и съ равнодушіемъ: не смо-

пря на переменны счастья въ игрѣ, его лице не измѣняется; выигрыши и проигрыши находяшь его всегда одинаковымъ. Онъ избѣгаетъ въ игрѣ упорства, не оспаривая другихъ въ ихъ правахъ; и любинъ лучше уступинъ своему сопернику, нежели, бывъ неправымъ, желать оправдываться. Играешь иногда болѣе для угожденія, нежели поспрасни, — и не шакъ безразсуденъ, чѣмъ жершвованъ карточной игрѣ своимъ временемъ, имущесивомъ, добродѣтелью. Запрещаетъ себя строго всѣ азартныя игры; ибо въ нихъ нельзя играть безъ пресшуненія или огорченія.

Умѣренный въ прудѣ, снѣ и пицѣ, пріемлетъ онъ новыя силы и крѣпкое здоровье, которыя, онъ излишества первыхъ, изнуряются и шеряются; — иначе же избѣгаетъ роскоши емола; ибо употребленіе излишнее обращаетъ даже самыя здоровыя тѣсвы въ ядъ.

Въ юности, онъ ненавидишь распочительности и мотовства, которыхъ лишили бы его имѣнїа, нужнаго для спокойствїа и прїятности въ долговременной жизни; при старости же онъ не ищетъ богатствъ, находя, что нужда не столь опасна, когда уже остается немного жить; даже во всякое время, въ своей жизни, онъ спарается всегда уклоняться отъ глупой роскоши и отъ глусной скупости, пошому что добродѣтель намъ окончивается, гдѣ чрезмѣрность начинается. Скупою же, не наслаждающійся своимъ благомъ, есть бѣдный спражь сокровищъ богатаго наследника.

Онъ очень знаетъ цѣну времени, скупится имъ, дорожитъ и не употребляетъ его иначе какъ на пользу; не спрашиваетъ его безъ выгоды и неосновательно. Всегда найдешь его упражняющагося; ибо самое несносное бремя есть шогда, когда мы ничего не дѣлаемъ; и шюмъ доспоны жалости,

кто не умѣетъ заняться ничѣмъ полезнымъ. — За то скука, не менѣе шомлящая, какъ и печаль, не смѣнетъ прїблизиться къ благоразумному человеку, исполненному полезныхъ и добродѣтельныхъ упражненїй въ теченїи своей жизни, и состоящихъ изъ оныхъ цѣль истинныхъ удовольствїй.

Его благоразуміе ни мрачно, ни дико, но любезно и прїятно. Это не то шумное удовольствїе, которое болѣе походить на дурачество, нежели на радость, — но удовольствїе тихое и спокойное, дающее уму свободу — чувствовашъ свое счастье. Его удовольствїя заключаютъ и ну выгоду, что они суть невнѣшнія, чиспѣйшія: они не влекутъ за собою ни печалей, ни раскаянїя, ни отвращенїя. Онъ наслаждается ими, какъ будио опцюновенїемъ, или лекаршвомъ, даннымъ Природою для нашей слабости, и не прежде позволяетъ себѣ оныя, какъ по исполненїи обязанности своего звѣ-

нѣл. Привязанный постоянно къ своимъ трудамъ, никогда онъ не бываетъ споль доволенъ, какъ по окончаніи оныхъ. Онъ обязанъ спокойствіемъ души своей — чистой совѣсти, и вкушаетъ совершеннѣйшее изъ удовольствій, не имѣя ни чѣмъ себя укорять. Когда съ нимъ случился иногда (ибо онъ человекъ) нѣкоторое забвеніе или перадыніе о томъ, чего должность отъ него требовать, то онъ не прощаетъ себя того, хотя многіе другіе такъ часто себя извиняють; и старается, если ему возможно, оное тогда жъ загладить! Будучи всегда доволенъ Судьбою и Природою, въ какомъ бы ни быть состояніи, онъ умеренъ въ своихъ желаніяхъ; а это составляетъ жребій добродѣтельнаго человека и чистѣйшій источникъ счастья, каковое только можемъ вкушать на землѣ. — Онъ починаетъ за величайшее благо — ничею съ жадностію не желать, и знаетъ умерять себя. Сія благора-

зумная воздержность избавляетъ его отъ множества нуждъ, коимъ прихотливыхъ многихъ безразсудныхъ порабащаютъ. Свидѣтель всѣмъ прихотямъ, коимъ большая часть людей подвержены, восклицаетъ съ мудрымъ: *Много вещей, которыя для меня совѣсть не нужны!* Счастливый нѣмъ, что имѣетъ, онъ не перемѣнитъ драгоценное свое умеренное состояніе на пышность, исполненную всякимъ обиліемъ.

Блескъ знатности и богатства не ослѣпляетъ благоразумнаго, знающаго цѣну вещамъ земнымъ и ихъ суету. Неподверженный гордости и довольный своею неизвѣстностію, онъ не стремится выдѣли изъ нея, пресмыкаясь у порога вельможъ и находя презрѣніе, коего самъ ни кому не хочетъ оказывать. Онъ не ищетъ самъ собою знатности и не стремится достигать ее болѣе, нежели сколько определено ему талантами его или власною правительствомъ. Охотнѣе убѣ-

гаешь почестей, нежели ихъ домогаешься, — спрашася болѣе опасностей, кои въ нихъ нѣкоторыя люди находятъ, нежели пѣлился въ годами, ихъ сопровождающими. Не хочешь также приобретать излишнихъ богатствъ; потому что не рѣдко отъ нихъ происходятъ множество огорчений: они озабочивающъ въ ихъ исканіи, не удовлетворяющъ собою и опечалываютъ поперею ихъ. Да и для чего ему желать ихъ? Не имѣешь ли онъ самъ того, что они общающъ, но не доставляютъ? Сіе есть не то, что онъ презиралъ богатства, которыхъ суть иногда добро и могутъ часто быть онымъ, и не находить, что онъ истинно благоразумно было отвергать ихъ и еще менѣе объ этомъ говорить; но боится, что онъ не сдѣлалъ зависимымъ отъ нихъ своего счастья. Они кажутся ему важны и драгоценны по одному ихъ употребленію.

Такимъ-то образомъ благоразумный

человѣкъ судить здраво о всѣхъ земныхъ вещахъ, дабы на нихъ не основывать свое счастье; чувствуетъ, что Богъ сотворилъ его душу весьма величественною и неизчерпаемою въ желаніяхъ, дабы никакое другое существо, кромѣ Безконечнаго, не могло ее наполнить; и сія чрезмерность, объемлющая его желанія, есть вѣрная порука ему, что имущество суетныя и кратковременныя не суть предѣлы судьбы его. Просируя такъ свои мысли и чувства даже до Престола Божія, онъ молитъ Создателя, послать себѣ лучъ шой верховной Мудрости, которая управляетъ вселенною, чтобы онъ могъ веснн себя съ благоразуміемъ среди опасностей и мрака сей жизни, и достигъ счастливомирнаго присаишиа. Стараешься, чрезъ совокупленіе всѣхъ добродѣтелей, и наслаждаясь добрыми дѣлами, учиниться достойнымъ безконечнаго

блаженства, которое его ожидаетъ. Выдастъ, что награды міра сего не прочны. Одна награда опять Небесъ должна быть предметомъ желаній и цѣлю дѣлій нашихъ.

Таковъ-то совершенно-честный человекъ и истинный мудрецъ. Счастливы тѣ, кои приѣмлютъ его въ образецъ, или, не надѣясь сходствовать съ нимъ спочю, по крайней мѣрѣ старающагося, по возможности, ему подобиться. И это уже значить быть благоразумнымъ, когда стараешься шаковымъ содѣлаться.

О воздаваніи добромъ за зло.

Если врагъ твой хочетъ повредить тебѣ, старайся предупредить его, сдѣлавъ ему добро.

Одинъ богатый отецъ семейства, при старости своей, хотѣлъ напередъ раздѣлить прѣмъ сынамъ своимъ имѣніе, бывшее плодомъ трудовъ его и

промышленности. Раздѣлитъ его на три равныя части и назначивъ каждому свою долю: — у меня оспается, сказалъ онъ, драгоценный перстень; назначаю его тому изъ васъ, кто лучше заслужитъ его какимъ-нибудь благороднымъ и великодушнымъ поступкомъ, и на это даю вамъ времени три мѣсяца. Тотчасъ три сына разходясь въ разныя стороны, и въ назначенное время опять приходили, являлись къ суди — онцу, и вѣсть что старшій рассказывалъ:

„Любезный родитель, въ продолженіи моего отсутствія, одинъ иноземецъ находился въ такихъ обстоятельствахъ, что принужденъ былъ вѣрить мнѣ свое имѣніе; онъ не взялъ отъ меня никакой письменной довѣренности, и не могъ бы на то представить никакого доказательства и даже никакого признака на вѣренныя мнѣ вещи; но я вѣрно ихъ возвратилъ ему: шаковая вѣрность не заслужи-

вашъ ли какой-нибудь похвалы? — „Ты сдѣлалъ, сынъ мой, то, что должно было сдѣлать, отвѣчалъ старикъ: поступивъ иначе, можно умереть со стыда; ибо честность есть долгъ; и такъ поступокъ твой основывается на справедливости, а не на благородствѣ души.“

Потомъ второй сынъ говорилъ о себѣ такъ: во время моего путешествія находился я однажды на берегу озера; мальчикъ, по неосторожности, упалъ въ оное; онъ начиналъ тонуть; но я выпалъ изъ воды и спасъ жизнь его — въ глазахъ жителей того селенія, при которомъ находился сіе озеро; они утверждали истину сего поступка. — „Хорошо,“ прервалъ отецъ, — „но въ семь поступкѣ ты еще благородства, а только одно челолюбіе.“

Наконецъ, третій, меньшій братъ началъ говорить такимъ образомъ: — любезный родитель, я нашелъ смер-

тельного врага моего, который, заблудясь ночью, успуль на краю пропасти, не зная того; при малѣйшемъ движеніи онъ непременно бы палъ; жизнь его была въ моихъ рукахъ: но я поспѣхалъ разбудить его, съ приличными обстоятельствомъ предосторожностями, и отвелъ его отъ того гибельнаго мѣста. — „Ахъ, любезный сынъ!“ — вскричалъ въ восхищеніи добрый отецъ, тыжно цѣлуя его, — „тебѣ, безспорно тебѣ принадлежитъ драгоценный перстень.“ —

Изображеніе невѣжды или худо-воспитаннаго человека.

Невѣжда разговариваетъ въ компаніи очень громко; показываетъ себя дерзкимъ; и любя шумѣть, конечно починаетъ шумъ за веселость.

Онъ нерѣдко свистѣтъ въ обществѣ и пѣваетъ пѣсни.

Чихаетъ изъ всей мочи, громко.

О
ФИЗИЧЕСКОМЪ и НРАВСТВЕННОМЪ
ВОСПИТАНІИ.

*Воспитаніе физическое и нрав-
ственное.*

Вскаго благоразумнаго человека обя-
занность состоятъ въ томъ, чтобы
доставить дѣтямъ своимъ тѣлесное
здравіе, основательный разумъ, твер-
дую душу, хорошій нравъ, доброе
сердце.

Что касается до тѣла: — если оно
здороваго сложенія, то Природа пред-
писываетъ почти одно правило, ко-
торое состоятъ въ томъ, чтобы дать
ей свободно дѣйствовать, дабы она
непринужденно производила свои впе-
чатлѣнія и законы, и заблаговремен-

Ходя по комнатамъ, стучающъ ногами. Смѣшенъ изъ всей силы.

Въ комнатахъ перешептывается съ пѣкошерыми на счетъ другого и насмѣхается.

Разговариваетъ и кричитъ, когда музыка играется, и шѣмъ пренебрежительно другимъ слушать оную.

Онъ не спарается о чистотѣ и опрятности, и никогда не чиститъ свой ротъ, онъ чего и волеетъ изъ него, какъ изъ.....

Зѣваетъ, не закрывая рукою рта. — Зѣвать въ чужой комнатѣ есть также невѣжливость.

Онъ грызетъ, обрѣзываетъ и вычищаетъ свои ногти, въ комнатахъ.

Смѣкаетъ въ платокъ и потомъ смотритъ на свои ногти, или въ себя вглядывается онъ.

Онъ часто ковыряетъ пальцами у себя въ носу; и иногда не умываетъ рукъ своихъ.

Онъ часто имѣетъ запачканныя ру-

башки и бѣлье; и платье его въ пятнахъ или въ пыли.

Онъ плюетъ и харкаетъ на полъ и на ковры, или на улицу черезъ окно.

Облокачивался на лучшія мебели, мараетъ оныя и даже поришетъ.

Онъ, за чужимъ обѣдомъ, кладетъ локти на столъ.

Разрѣзываетъ хлѣбъ на скатерти; обтираетъ ножъ и вилку салфеткой или скатертью.

Онъ чиститъ въ зубахъ ножомъ и вилкою.

Обнюхиваетъ всякое кушанье, даже и то, что другіе должны ѣсть или пить.

Онъ съ жадностію ѣстъ, запыхавшись, и громко чавкаетъ.

Ворочаетъ на столъ ножъ, вилку и ложку — съ большимъ шумомъ.

Онъ облизываетъ свои пальцы, носъ свой, ложку, вилку.

Обтираетъ свои зубы салфеткою или скатертью, иногда даже и носъ свой.

Онъ кладетъ въ блюдо кушанья, которое должно подаваться другимъ, ложку, бывшую у него во рту.

За столомъ часто пьютъ и сморкаютъ носъ.

Напоминаетъ за столомъ объ омерзительныхъ вещахъ.

Дѣлаетъ за столомъ шарики изъ хлѣба и бросаетъ въ другихъ.

Бѣситъ за столомъ долѣе другихъ, и они принуждены бывають его дожидаться, чѣмъбы выйти изъ-за стола.

Дѣлаетъ непристойныя гримасы (кривлянья) всякаго рода.

Онъ въ чужомъ домѣ качается, сидитъ на стулѣ и со стуломъ вѣситъ.

Сидитъ тогда, когда другіе, лучшіе его, спяють.

Онъ подходитъ очень близко къ тому мѣсту, гдѣ счищаютъ деньги.

Не смолчитъ иногда на шѣхъ, которые съ нимъ говорятъ, уснрмляя взоры на другіе предмеши.

Онъ присволяетъ себѣ качества или поступки, совсѣмъ ему несвойственныя.

Онъ не внимателенъ въ слушаніи разговора въ компаніи, и часто переспрашиваетъ.

Онъ заставляетъ долго себя дожидаться тамъ, гдѣ ожидаютъ его пріѣзда.

Скоро дружителъ, и ошкровенно говоритъ съ новымъ другомъ, хотя и мнимымъ.

Онъ играетъ въ большія игры не по своему состоянію.

Всегда боится проходить черезъ темныя комнаты.

Часто говоритъ сквозь зубы и не ясно, бормочетъ, не довольно открываетъ ротъ; и иногда говоритъ такъ тихо, что никто не слышитъ.

Онъ повторяетъ свои слова и записывается.

Говоритъ о банкротствѣ съ шѣмъ, кто самъ имѣетъ это несчастье, о сыскѣ съ шѣмъ, у кого ошецъ или

родственниковъ быть сосланъ, а шре-
снолюдинахъ съ нѣмъ, кто недавно
получилъ дворянство или выдаетъ се-
бя за дворянина — по своему богатству.

Онъ даетъ совѣсныя нѣтъ, кои онъ
него не требуютъ ихъ; ибо не знаетъ
того, что давати совѣсны другимъ,
значитъ — себя выказывать благо-
разуміе и искусство другихъ.

Хвалимъ голосъ ошеушествующаго
тому, кто передъ нимъ поспѣтъ.

Онъ спрашиваетъ о чемъ-либо одного, и, не дождавшись отвѣта его, начинаетъ говорить съ другимъ.

Онъ спѣшилъ отвѣчать за другаго.

Говорить въ компаніи безъ разборчивости состоянія и характера шѣхъ, кои се составляютъ. Онъ говоритъ о театрѣ съ духовною особою, или о врачебной Наукѣ съ военнымъ человекомъ.

Онъ говоритъ о какой-либо добродѣтели такому человеку, который совсѣмъ чуждъ ей.

Переносить вещи изъ одного дома
въ другой.

Онъ начинаешъ разсказывать о чемъ-либо и не стараешся вспомнить именъ лицъ или мѣсцъ.

Напоминаєть прежія огорченія и
непріязности шѣмъ, съ коими онѣ
говорить.

Онъ говоритъ о веселостяхъ и балахъ тому, кто огорченъ; о забавахъ и удовольствiяхъ тѣмъ, кои не имѣютъ средствъ, доставить себѣ оныхъ.

Говорить о красотѣ, о здоровьи и проч. шѣмъ людямъ, кои безобразны, изуродованы, или хворы и немощны.

Разговариваешь о своемъ богатствѣ и изобиліи, о своихъ доходахъ, роскоши, съ такимъ человѣкомъ, кошпорой не имѣешь ни порядочнаго жилища, ни дохода.

Онъ щеславился своимъ счастьемъ
предъ злосчастнымъ и бѣдственнымъ.

Спорить противъ Закона и разговариваетъ въ церкви.

Повторяешь часто тѣ же анекдоты и исторіи, кои онъ много разъ уже пересказывалъ.

Онъ осуждаетъ какой-нибудь порокъ людямъ, кои оному подвержены.

Перебиваешь чей-либо разговоръ, любишь спорить и продолжаешь очень долго матерію объ одномъ предметѣ. Говоришь долго, ничего дѣльнаго не сказавъ: не зная, что умные люди, напрошивъ, имѣютъ даръ много сказать въ короткихъ словахъ.

Онъ ругаетъ своихъ подчиненныхъ при компаніи своей.

Часто говоришь о такихъ вещахъ, кои всѣмъ уже извѣстны.

Онъ часто рассказываетъ пустяки и вздоръ.

Очень часто говоришь о предметахъ и вещахъ, касающихся и интересныхъ только для него: *(я не имѣю аппетита. — Я не доволенъ сдѣлалъ тѣлодвиженія. — Я очень дурно спалъ.*

— Я просыпался много разъ во время ночи.)

Охотно говоришь о разбойникахъ, о привидѣніяхъ, о страшлищахъ, о мерзвечахъ, коиные являются по мнѣнію простаго народа. — Долго пересказываешь о бѣдѣзняхъ, несчастныхъ, и приключеніяхъ злополучныхъ.

Онъ часто божился, дабы подкрѣпить сказанное имъ, хотя бы и вышло съ нимъ не спорить о томъ.

Кричишь и приходишь въ отчаяніе, когда собака у него пропадетъ или чашка фарфоровая разобьется.

Онъ говоришь словами и тѣлодвиженіями. (Благоразумно тѣ сдѣлаешь, кои близко къ нему не подойдутъ.)

Чтобъ забавляшь компанію, онъ дѣлаешь непринужденныя гримасы, косишь глаза, поддѣлываешься нянымъ, и играешь роль шуна, не зная, что никто не долженъ унижать себя, чтобъ засмѣивать другихъ смѣяться.

Онъ имѣешь излишнее - вольное и гру-

бое обхожденіе въ своихъ разговорахъ и поспушкахъ: ибо не знаетъ, что слишкомъ свободное обхожденіе раздражаетъ презрѣніе.

Часто ходитъ въ распущную компанію, гдѣ пріобрѣтаетъ пороки и дурныя привычки.

Онъ вчера осыпалъ васъ учтивостями и комплименнами, а сегодня уже не узнаетъ васъ.

Чрезмѣрно льститъ пѣтмъ, онъ коихъ надѣется что-нибудь получить.

Въ игрѣ онъ кажется очень жаднымъ къ выигрышу, или весьма чувствительнымъ къ проигрышу. — Для заплата проигрыша, онъ занимается деньгами, и забываетъ опдашь ихъ.

Онъ робѣетъ, приходитъ въ смятеніе и столбенѣетъ при малѣйшемъ несчастіи или промѣнѣ.

Онъ часто бываетъ противнаго мнѣнія съ другими.

Всегда сердится, когда ему пропихиваютъ. (Можно бы ему сказать,

что онъ опасается повстрѣчаться съ истинною.)

Онъ часто и не ксати себя выхваляетъ.

Непрестанно поправляетъ свои досы на головѣ, и часто въ зеркало сморится.

Онъ кладетъ накрестъ ноги, поестъ: одну на другую, въ присутствіи знаменитыхъ вельможъ.

Часто говоритъ о богатствѣ своемъ, о знатности своихъ предковъ, и проч. Не упуститъ, чтобы не сказать, что онъ имѣетъ замокъ или великолѣпный домъ, славныя мебли, карету, наконецъ: что онъ удивительно богатъ. (Такими разговорами онъ можетъ унижать или посрамлять тѣхъ, кои не имѣютъ таковыхъ выгодъ.)

Онъ чрезвычайно щесливъ своими удовольствіями, роскошью, увеселеніями, наслажденіями. (Больше спарася утѣришь всѣхъ о своемъ сча-

спитъ, нежели содѣлаться подлинно счастливымъ.)

Желаетъ казаться ученымъ болѣе, нежели каковъ въ самомъ дѣлѣ.

Когда получишь онъ какой-нибудь успѣхъ, то безпрестанно объ ономъ говоритъ.

Онъ беретъ на себя видъ господственный, барскій, внушающій къ себѣ уваженіе отъ его подчиненныхъ.

Столь взыскателенъ, что оскорбляется, если не сдѣлаютъ ему визита.

Онъ часто принимаетъ шутку за обиду и за неуваженіе къ его особѣ.

Безпрестанно говоритъ о себѣ; его любимыя слова: — *я*, — *мой*, — *моя*, — *мой*.

Онъ ни о чемъ болѣе съ вами не будетъ говорить, какъ только о томъ, что онъ дѣлаетъ, что онъ сдѣлалъ, или что хочетъ дѣлать.

Онъ показываетъ себя нечувствительнымъ къ скорбямъ и спразданіямъ другихъ.

Онъ въ чужомъ домѣ ищетъ для себя самое удобнѣйшее и пріятнѣйшее, какъ то: лучшую постель, лучшую комнату, мѣсто оплывнѣйшее за столомъ: все это должно соопвѣтствовать его прихотямъ.

Онъ часто не обращаетъ вниманія къ тѣмъ, кои съ нимъ говорятъ, и даетъ имъ мало чувствовать, что они ему наскучили своими разсказами. Въ это время онъ смотритъ въ окно или на потолокъ, играетъ съ своею собачкою или иррессью и проч.

Онъ часто думаетъ, что другіе насмѣхаются надъ нимъ или его презираютъ.

Позволяетъ себѣ рвать плоды и цѣпцы въ едаю такого человека, съ коимъ онъ мало знакомъ.

Онъ, кланяясь со знавшими особами, спрашиваетъ о состояніи ихъ здоровья.

Любитъ насмѣхаться, и имѣетъ холодность и равнодушіе почти ко всякому.

Показываетъ себя нечувствительнымъ къ потерѣ своихъ родныхъ и пріятелей, оставляя другимъ попеченіе оплакивать ихъ.

Дѣлаетъ жестокіе выговоры: другимъ даже за бездѣлицы, и не довольно снисходителенъ къ ихъ недосланикамъ или проступкамъ.

Никогда не извиняетъ другихъ и даже увеличиваетъ ихъ ошибки.

Онъ старается приводить въ робость или въ замѣшательство ихъ, кои говорятъ съ нимъ.

Если кто рассказываетъ какое обстоятельство, то онъ непременно скажетъ барски, съ презрительнымъ видомъ: я давно ужъ это знаю.

Онъ не прощаетъ безобразію лица; оно починается почти порокомъ въ его глазахъ. Также насмѣхается надъ горбатыми, хромыми и проч.

Говоритъ колкія слова почти всякому, не щадя даже и друзей своихъ.

Онъ шутитъ всегда колко и обидно,

не зная, что любитъ овцу, которая не кусается, и боится собаки, которая можетъ растерзать.

Любитъ давать прозвища и ругательныя имена своимъ пріятелямъ. (Ему не извѣстно, что прозваніе остается на всю жизнь, и ругательное и смѣшное имя переходитъ въ роды родовъ, и симъ можно чувствительно оскорбить того, кому оно дается.)

Онъ всегда хочетъ занимать почтеннѣйшее мѣсто, во всякомъ случаѣ.

Упрекаетъ благодаріемъ, которое онъ кому-либо сдѣлалъ.

Не укрощаетъ своего гнѣва, и ни за что горячится и сердится.

Онъ часто вынимаетъ гребень изъ кармана и чешетъ свои волосы, въ компаніи.

Уверно поддерживаетъ свое мнѣніе: ибо не знаетъ, что ему надобно уступить иногда уступать, когда даже увѣренъ въ своей справедливости.

Охотно вмѣшиваешься въ чужія ссоры.

Часто спорить о томъ, что не заслуживаетъ ни малѣйшаго вниманія.

Въ бесѣдахъ онъ показываетъ себя сварливымъ и спорливымъ. Если судить о нравственности или политикѣ, то онъ хочетъ говорить о несправедливости или о веселостяхъ; ежели разговариваешь о модахъ, тогда онъ начнетъ разсуждать объ Аспиринѣ.

Если кто начнетъ шушукать съ нимъ, то онъ оштрафуетъ грубостью.

Онъ нерѣдко опровергаетъ все то, о чемъ другіе говорятъ.

Онъ дремлетъ въ обществѣ, и имъ показываютъ, что скучаетъ имъ.

Любитъ передразнивать ихъ, кои имѣютъ природные пороки или недостатки.

Позволяетъ себѣ говорить двусмысленныя слова (эквики) и обидки — даже и съ дамами.

Если онъ увидитъ пьянаго, лишившагося разсудка онъ излишняго уношр-

бленія вина, тогда онъ забавляется имъ уничижительнымъ позорищемъ (вмѣсто того, чтобы сожалѣть объ одномъ изъ подобныхъ ему, который унижить себя до степени бессмысленнаго скопа.)

Онъ никого не хвалитъ, а ругаетъ почти всѣхъ на свѣтѣ.

Онъ куритъ трубку въ компаніи при дамахъ и дѣвицахъ.

Однакожь, молодой человекъ худо воспитанный, прочитавши сіе изображеніе невѣжды, узнаетъ въ немъ въкопорохъ изъ своихъ знакомыхъ; но — къ себѣ самому ни одного изъ сказанныхъ отношеній не присвоитъ.

Познаніе самаго себя.

Познавай самаго себя (Nosce tē ipsum): — это было первымъ правиломъ одного изъ семи Греческихъ мудрецовъ. Но какъ до сего достигнуть? — Это не легко. Человекъ никогда столько много не бывалъ ослѣпленъ въ своихъ

мѣняхъ, какъ тогда, когда онъ разсматриваетъ свои качества, склонности, привычки. Снисхожденіе другихъ обманываетъ его, а собственное пристрастіе ослабляетъ. Почти всякой о себѣ говоритъ: „Я имѣю правила самыя разумѣйшія.“ Мудрый же никогда не доверяетъ своему сужденію о себѣ; и симъ-то сомнѣніемъ надобно начинать, чтобъ содѣлаться мудрымъ.

Совѣтъ нашихъ друзей, ихъ укоризны, или даже ругательство, клевета и злоречіе нашихъ враговъ, могутъ васъ научать и исправлять; ибо они всегда насъ проглаголютъ съ слабѣйшей стороны.

Возьмѣмъ нѣкоторыя правила, чтобъ познать самаго себя:

Когда вы, имѣя природныя душевныя склонности вредныя для общества, равнодушно употребляете средства для удовольствованія оныхъ; когда золото есть первый вашъ предметъ, лукавство и пронырство — ваши

обыкновенныя поступки, притворство — отличительное ваше качество; когда счастье, богатство и чины другихъ людей огорчаютъ васъ; когда ихъ достоинства и таланты раздражаютъ въ васъ зависть, а добродѣтели ихъ производятъ въ васъ скрытную ненависть; если сердце ваше чуждо состраданія, или утѣшенія — причиняя другому вредъ, — тогда вы чуждины, котораго должно бы задумывать; и если вы еще не сдѣлались гнуснымъ злодѣемъ, то это отъ того, что не доспавало къ тому силъ и случаевъ.

Когда вы уподляете себя или слишкомъ унижаете себя и ползаете предъ вашими начальниками или командирами; горды предъ нѣмъ, кои вамъ подвластны; когда предпочиняете болѣе обхожденіе съ глупыми людьми, между коими вы отличаете, нежели обращеніе съ благоразумными, кои могутъ васъ наставлятъ; если подлая угожде-

нія и низкая лестъ дѣлають вамъ болѣе удовольствія, нежели качества, сопровождаемая благородною откровенностію; если вы жестоки и безжалостны къ живымъ, нечувствительны къ несчастіямъ вашихъ ближнихъ, подобныхъ вамъ, и когда ваше уваженіе къ нимъ и поступки съ ними возвышаются и унижаются по мѣръ ихъ счастья; если вы, дѣлая добро, или слыша о великодушныхъ дѣланіяхъ, никогда не чувствуете содроганія, пробѣгающаго по всѣмъ жиламъ, сего пріятнаго ощущенія, которое за тѣмъ слѣдуетъ, и сладостныхъ слезъ, тогда вы имѣете подлую, черную душу.

Когда вы удерживаете вредныя свои наклонности единственно изъ страха наказаній или ожидая награды временной, или будущей, тогда въ васъ еще нѣтъ доброты: но можно назвать васъ благоразумнымъ корыстолюбцемъ; ибо тогда вы производите промышленность вашими дѣланіями.

Когда ваши вкоренившіяся страсти ведутъ васъ къ предметамъ роскоши и пышности, къ нипересамъ, удовольствіямъ расщеченія; когда предпочитаете ничтожныя блескательныя качества основательнымъ; когда вы стремитесь болѣе украсить вашъ разумъ, нежели возвысить сердце ваше; если желаніе нравиться — есть ваше сильное побужденіе; если хула или порицаніе дѣлаетъ васъ унылымъ, похвала восхищаетъ; если предпочитаете скупость щедрости; если желаете возвышенія не для того, чтобы быть полезнымъ, но только дабы гремѣть, властвовать или обогащаться; наконецъ, если ваша вѣтреность и легкомысліе соединяють все только въ настоящее время, теряя изъ виду будущее, или когда вы безнечны въ важныхъ предметахъ должностей, Наукъ, закона и нравственности: тогда, будьте увѣрены, ваша душа

но бы приспособлена была ко всему. Природа же гораздо надежнѣе и знающѣе въ своихъ дѣйствіяхъ, нежели всякое искусство, которыми мы, желая исправить ее, только спѣшаемъ ее и дѣлаемъ принужденною. Чѣмъ болѣе сближаемся съ Природою, тѣмъ болѣе сердце наше отверзается гласу ея.

Къ чему служатъ дѣшамъ сіи свивальники, шиурованія изъ киповыхъ косей и спальныхъ полосокъ, которыми, подъ мнимымъ предлогомъ исправленія спана, спѣшаютъ ихъ дыханіе, препятсвующъ обращенію крови въ жилахъ? Къ чему служатъ все это? Развѣ только къ одиѣмъ слезамъ, къ жалобамъ и роптанію ихъ? Невинныя еще жершвы не только мучатся и дѣлаются нездоровыми отъ сихъ жестокихъ изобрѣшеній нашихъ; но, подобно нѣжнымъ деревцамъ, у коихъ отъ перелазыванія остановлено теченіе сока, слабѣютъ и весьма худо распускаются; члены ихъ не приобрѣтаютъ шакого

проворства, силы и крѣпости, кои видны въ Природѣ, искусствомъ неугнепаемой.

Надобно одѣвать дѣтей въ легкое и просторное платье; отъ сего они будутъ здоровы и полезны себѣ и другимъ.

По мнѣнію *Локка*, сложеніе дѣтей по большей части поришся отъ излишней нѣги и чрезмѣрнаго баловства. Часно случается, что дѣши цѣлой день бываютъ въ состояніи плаканья, когда примѣчаютъ, что другіе не хотятъ, дабы они плакали; а что еще хуже: упрямство, укоренившееся въ нихъ отъ сей привычки, усиливается еще болѣе съ лѣтами. Та же самая причина, которая заставляетъ ихъ быть крикливыми въ прехлѣпнемъ возрастѣ, дѣлаетъ ихъ упрямыми въ 12 лѣтъ, сварливыми въ 20, своевольными въ 30 и несносными во всю жизнь.

Продолжительный плачь младенца, который ни связанъ, ни боленъ и ни въ чемъ нужды не имѣетъ, есть плачь

есть низкая и вы принадлежите къ классу простонародному.

Если вы, будучи способствуемы обильнощельствами или состояніемъ, разумомъ, счастьемъ, богатствомъ, чинами, провождаете дни въ лѣноспи и нерадѣніи, безъ добродѣтели, занимаясь только нарядами, пышностью, щеславіемъ, утопая въ сладостраспій и чувственныхъ удовольствіяхъ, въ спараніи казаться любезнымъ, . . . тогда вашъ качественный порицатель есть *нужь*. . . Счастливы будете, когда не попребуеши отъ васъ когда-либо опечета въ упоиребленіи вашихъ дарованій, кои имѣете, и если васъ не обвиняютъ за то, что вы упускали случай дѣлать добро и пользу.

Но когда ваши намѣренія были неприхворныя, поступки справедливые; когда толпа, осуждающая менте существенность, нежелан наружность, не познавая вашихъ истинныхъ побудительныхъ причинъ, охуждаетъ васъ,

или насмѣхается надъ вами; если вы иногда, имѣя покойную совесть, будете нечувствительны къ ложнымъ сужденіямъ, или даже будете имѣть великій духъ надъ оными смѣяться; когда презрѣніе и хулы отъ другихъ дѣлаютъ васъ величавыми, а почтеніе скромными и смиренными; ежели просьбы прогаютъ васъ, угрозы вооружаютъ; если несчастіе близкаго огорчаетъ васъ, собственнымъ вашимъ несчастіямъ противившись, опасность васъ возвышаетъ, а счастье дѣлаетъ васъ крошкимъ и умѣреннымъ . . . о! тогда вы подлинно великодушны: ибо любяще добро для самаго добра, или добродѣтель для самой добродѣтели, а не для славы или интереса.

Поснавьте себя хотя на одинъ часъ въ положеніе героя, известныхъ въ древности, коимъ мы всегда удивляемся, и кошорые, жертвуя своего

жизнию для чести, своею славой для славы своего опечесства, покоряли свои сильнѣйшія спраси блугу общему; сравните ваши правила съ правилами *Фабриція* или *Сюлли* — въ безкорыстїи, простосердечїи; съ правилами *Θεμισтокла*, предпочинившаго смерть начальствованію шюю армією, которая желала отмстить за него неблагодарному опечесству; съ правилами *Регула*, который даетъ полезнѣйшїи совѣтъ, но исполненіе коего влечетъ его на казнѣ и мученія: — и послѣ спросите сами у себя, достанетъ ли у васъ силъ подражать имъ въ равныхъ отношенїяхъ? и если вы твердо рѣшитесь подражать онымъ, тогда смѣло можете сказать: *я имѣю великую и благородную душу.*

Безсмертіе души.

Увѣренность въ безсмертїи души есть единственное средство, могущее содѣлать сію жизнь драгоценною и всеѣ тягоси ея легкими и сносными.

Смертнїи, если хочешь научишься вѣрнѣ безсмертно души, вступи со мною во храмъ вселенныя; наблюдай Природу, тебя окружающую: да услышишь гласъ мудрости предвѣщныя: ты, насладившись оною, признаешь себя безсмертнымъ.

Природа, будучи всегда измѣняющимъ произведеніемъ существа неподвижнаго, не что иное, какъ вмѣшавшїе перемѣнѣ, въ которомъ все превращается безпрестанно, и ни что не гибнетъ. — Ночь слѣдуетъ за погасшимъ днемъ, день возрождается изъ мраковъ ночи; — звѣзды восходятъ и заходятъ для того, чтобы взойти опять; — земля слѣдуетъ небесамъ и повинуется шому же закону. — Воззри

на блестящее лѣто: лучезарное чело его блистаетъ; оно шествуетъ по свѣжей зелени нашихъ долинъ, и горячею своею снопою разбрасываетъ тѣ цвѣты, прелестныя, свѣжіе, коихъ благоуханіемъ наполняется воздухъ. — Мало по-малу румянецъ ланинъ его блекнетъ и увядаетъ, и чело его представляетъ уже только видъ блѣднѣющей осени. — И осень наконецъ спарѣется и дастъ мѣсто дряхлой зимѣ со волосами убѣдѣнными ошъ морозовъ: она грядетъ, возсѣвъ на бури и увѣчавшись льдами, изгнать издыхающую осень, и лишитъ нечувствительнымъ образомъ землю злѣтѣхъ плодовъ ея. — Напослѣдокъ, суровая смягчается; пріимая весна возникаетъ, ей предшествуютъ зефиръ, веселая улыбка ея оживаетъ всю Природу. Но, заключивъ кругъ года, весна вызываетъ опять лѣто изъ звоиныхъ чертоговъ Полудня. — Все увядаетъ, чтобы разцвѣсти опять: всѣ

пючки машины обращаются непрерывно. Каждый видъ вещества перелетѣлъ и входитъ въ новый видъ. Повсюду жизнь, возникающая изъ смерти, обращается въ великомъ цѣломъ, и всегда равною мѣрою наполняетъ массу вселенныя. — Нѣтъ ни одного атома, который бы погибъ; нѣтъ ни одного существа, въ созданіи котораго раскаялся бы Вседержитель и истребленіемъ коего подвергся бы укоризнѣ въ неспостоянности.

Вотъ блестящій признакъ безсмертія челоуѣка: онъ переходитъ, но не гибнетъ. — Между природой и душою есть одно то различіе, что природа обращается въ кругу безконечныхъ перемѣнъ, а душа восходитъ непрерывно, подобно пламени, безконечною чертою. Да и кто можетъ думать, что бы существо было безсмертно, а душа могла погибнуть? — Благороднѣйшая изъ всехъ тварей можетъ ли быть унижена болѣе всехъ?

— Не уже ли человекъ, для котораго все возраждается, одинъ только умереть, дабы не воскреснуть никогда? — Не уже ли онъ злополучнѣе зерна, коимъ онъ питается, и не уже ли жестокая судьба осудила одного его къ испребленію, его, который одинъ только знаешь и чувствуешь блаженство существованія и ужасъ ничтожности?

Если все должно кончиться съ нами, когда человекъ не долженъ ожидать ничего послѣ сей жизни, и когдабы здѣсь была наша опчизна, наша порода или происхожденіе, и единое блаженствіе, которое мы можемъ себѣ обещать, то для чегожъ мы здѣсь не счастливы? Если мы родимся только для чувственныхъ удовольствій, то для чегожъ они не могутъ насъ удовлетворить, и всегда оспаваютъ въ глубинѣ нашего сердца скуку и прискорбіе? Когда человекъ ничего не имѣетъ превосходнаго передъ скопомъ,

то для чегожъ онъ не провождаетъ свои дни какъ животное или звѣрь, безъ заботъ и хлопотъ, безъ безпокойствъ, безъ досадъ, безъ смущенія, безъ печали, въ блаженствахъ чувственныхъ и шѣлесныхъ? Если человекъ не имѣетъ другаго счастья ожидать или надѣяться, кромѣ временнаго, то почему жъ онъ его ни гдѣ на землѣ не находитъ? Опъ чего происходитъ, что богатства его безпокоятъ; что почести и чины его утруждаютъ; что увеселенія и роскошь его утомляютъ и наскучиваютъ ему; что Науки приволятъ его въ шуникъ или въ недоумѣніе, и шокмо возбуждаютъ его любопытство, вмѣсто того, чтообъ его удовлетворять; что почтеніе, хвала, слава его няготятъ и безпокоятъ; что все сіе вмѣстѣ не можетъ наполнить неизмѣримости его сердца, и осмалетъ ему еще чего-нибудь желать? Всѣ другія существа, будучи довольны своею судьбой, кажутся счастливы-

ми въ шомъ состояніи, въ которомъ Творецъ Природы помѣстилъ ихъ: звѣзды, свѣтила небесныя, спокойныя въ тверди небесной, не оставляютъ своего пребыванія, чтобъ иппи освѣщать другую землю; земля, усроенная въ своихъ движеніяхъ, не стреминелъ вверхъ, чтобъ взять ихъ мѣсто; звѣри пресмыкающа на опкрытомъ пространствѣ земли, не завидуя судьбѣ челоѣка, который живетъ въ великолѣпныхъ зданіяхъ; птицы веселяща въ воздухѣ, не думая, еснъ ли пва-ри счастливые ихъ на землѣ? все счастливо; все, такъ сказать, на своемъ мѣстѣ въ натурѣ: одинъ челоѣкъ безпокоент и недоволенъ; одинъ онъ порабощенъ своимъ желаніямъ, допускаетъ себя терзаться онъ спраха, находитъ безпокойство и скуку въ своемъ упованіи, дѣлается печальнымъ и несчастнымъ среди своихъ увеселеній и роскоши: одинъ челоѣкъ не находитъ здѣсь, на землѣ, ничего

такого, чтобъ могло утвердить или укрѣпить его сердце.

Онъ чегожъ это происходитъ? о челоѣкъ! Не онъ того ли, что ты здѣсь на землѣ не у мѣста или не кшатри; что ты созданъ для Неба; что швое сердце гораздо болѣе всего міра; что земля не еснъ швоя опичизна; и что все шю, что не еснъ Богъ, еснъ ничто для тебѣ? Ошвѣчай, если можешь, или лучше, спроси швое сердце, и ты будешь правовѣренъ.

Объ отвращеніи разныхъ болѣзней и достиженіи глубокой старости.

Должно бытъ умѣреннымъ во всѣхъ удовольствіяхъ и наслажденіяхъ; не пресыщаться пицею и, кромѣ воды или кваса, ничего не пить; не проспуживаться, всякой день ходинъ пѣшкомъ, или ѣдинъ верхомъ, или дѣлать какой-нибудь моціонъ на боль-

номъ воздухѣ, какова бы погода ни была, по крайней мѣрѣ два часа; ежедневно купаться въ холодной водѣ или обливаться льдомъ; черезъ двѣ недѣли мыться въ теплой банѣ; бѣлье на себѣ ежедневно перемѣнять; никому не дѣлать зла и не оскорблять никого; не сердиться, не имѣть пляжей, быть довольнымъ своимъ состояніемъ, имѣть спокойную совѣсть, не огорчаться и во всемъ имѣть упованіе на Бога. — Тайна бытъ здоровымъ и веселымъ заключаеся въ томъ, чтобъ тѣло было въ движеніи, а духъ въ покоѣ.

Сила тѣлесная.

Лакедемонцы первые назвали Гимнастикою искусство упражнять тѣло, для укрѣпленія его. Дѣйствительно, они не боялись заснавливать борющься не только мужчинъ, но и женщинъ полунагихъ; и сей родъ борьбы, при охраненіи чистоты нравовъ и невин-

ности, производился подъ покровительствомъ законовъ.

Римъ владычествовалъ почти надъ всюю вселенною не оиъ одного только вниманія на приуготовленіе своихъ гражданъ дѣйствовать оружіемъ и ратовать на войнѣ; но оиъ обязанъ былъ своимъ могуществомъ наиболѣе добродѣтелямъ своихъ гражданъ, добродѣтелямъ упонченнымъ до высочайшей степенн силы, посредствомъ уваженія, поддерживаемаго законами, къ проворству, ловкости, силѣ народа, укрѣпленаго тѣло свое приученіемъ къ суровой жизни, точно шакъ, какъ искуснѣйшіе мастера закалываютъ сталь. Хлѣбопашество, бѣганіе, борьба, плаваніе, искусство бросать далеко тяжелыя вещи, носить большія тяжестн, конать рвы, и проч., были забавою для юношей, кои приучались, сверхъ того, сносить голодъ, жажду и усталость. Такимъ-по образомъ Римъ не рѣдко рождаетъ арміи

победоносный. Цинциннатъ, провозглашенный Диктаторомъ, (самовластителемъ древняго Рима), дабы исторгнуть изъ опасности легіоны Консула Минуція, окруженные Эквами, собралъ вдругъ армию изъ своихъ согражданъ. Кромѣ поклажи, которую сіи *железные* (закаленные) люди носили на себѣ, великой воинъ долженъ былъ снабдить себя двѣнадцатью кольями и съѣснымъ запасомъ на 5 дней; ибо Диктаторъ предполагалъ окружить армию победоносную и опирающую на ней все способы къ бѣгству.

Нужно весьма часто представлять себѣ сіи великія картины опыта прошедшихъ временъ, свидѣтельствующія превосходство народовъ, приученныхъ къ суровой жизни, широтѣ и воздержности, предъ народами сладострастными, роскошными и изнеженными.

Римляне, посредствомъ снорогаго

физическаго воспитанія, все покорившіе, были въ свою очередь покорены швами сѣверными народами, которые, (по сказанію Тацита,) всегда были вооружены и готовы какъ для битвъ, такъ и зѣриной охоты, боролись непрестанно, и ныряли, какъ рыбы, въ водахъ Дуная и Рейна, кои они всегда переплывали.

Послѣ многихъ изысканій въ древнихъ Писаніяхъ, все согласны съ мнѣніемъ, что мудрый Миносъ былъ первый, сдѣлавшій изъ Гимнастики особенное искусство. Спусти 400 лѣтъ, Ликургъ ввелъ оную въ Спартѣ, а Солонъ въ Афинахъ — чрезъ 300 лѣтъ.

Вліяніе упражненія тѣлеснаго на нравъ, свойства и жизнь великихъ людей. — Безъ сомнѣнія, упражненія тѣлесныя раскрываютъ всю силу душевную; и когда тѣ, кои, подобно блестящимъ солнцамъ, доспавили великую славу своему отечеству, обременены были успѣхами спараніямъ,

употребленнымъ для укрѣпленія ихъ тѣла; когда воспитаніе мужесквенное, суровое и неустрашимое произвело людей удивившихъ вселенную, — то родители непременно должны спарашься упражнять дѣтей своихъ въ гимнастическихъ искусствахъ. Вотъ примѣры:

Киръ, Царь Персидскій, съ младенчества быть приученъ къ воздержной жизни и къ большимъ трудамъ. Едва достигнувъ до юношества, онъ уже съ негодованіемъ смотрѣлъ на пышный столъ Аспіага, своего дяди; и на вопросъ: почему онъ оказывалъ презрѣніе? имѣлъ смѣлостъ и присущеніе духа, отвѣчалъ: „Персіане не принимаютъ столь много труда и средствъ, дабы утолять свой голодъ; они умѣютъ довольствоваться водою, хлѣбомъ и кресъ-салатомъ.“

Римъ, столица всего свѣта, не рѣдко производилъ великихъ людей. Причиною того была большею частію —

Гимнастика; она была основаніемъ воспитанія у сего славнаго народа. Монпешекъ говоритъ: „чтобъ Римляне могли носить оружіе тяжель, нежели какъ у другихъ народовъ, надлежало имъ превзойти обыкновенный народъ;“ они въ томъ и успѣли посредствомъ непрестанныхъ трудовъ, кои умножали ихъ силу, и тѣлодвиженій, которыя содѣлывали ихъ проворными.

О воспитаніи солдатъ Римскихъ писали слѣдующее: ихъ приучали къ большимъ военнымъ переходамъ, по есть: переходили въ 5-ть часовъ 20 (Франц.) миль, а иногда и 24; во время сихъ маршей, заспавляли ихъ неспити въ 60 фунтовъ. Приучали ихъ ежедневно бѣгать и прыгать во всемъ вооруженіи. Они употребляли на учении, шпаги, копыя, шпрѣлы, вдвое тяжель обыкновенныхъ, и сіи экзерциціи были безирестанныя. Не въ однихъ только лагеряхъ были школы военные: было также и въ городѣ мѣсто, куда гра-

ждане приходили учиться (это было Марсово поле). После трудовъ, они бросались въ рѣку Тибръ, чинобъ не опешать опть привычки плавать и очищаться опть пыли и шума.

Но обратимся къ примѣрамъ чистыхъ людей. Всѣмъ извѣстно, въ какомъ мѣсѣ нашли *Цинцинната* и *Курія*, когда ихъ спали призывавъ для принятія начальства надъ арміею. Великій *Фабій*, который первый подаетъ примѣръ благоразумнаго медленія, приготавлилъ свое шѣло къ боямъ и къ трудамъ военнымъ — посредствомъ шѣлодвиженія въ мирное время. *Маркеллъ*, убившій своею рукою *Виридомара*, Царя Галловъ, былъ, (по свидѣтельству *Плузарха*,) силенъ, проворенъ и смѣлъ. Цензоръ *Катонъ*, посредствомъ безпрестаннаго труда, воздержной и благоразумной жизни, наслаждался полнымъ здоровьемъ и былъ одаренъ великою силою и мужествомъ. Побѣдители *Цимбровъ* и *Тевтоновъ* бы-

валъ всякой день на Марсовомъ полѣ, подъ конецъ своей жизни. *Серторій*, котораго *Плузархъ* сравниваетъ со всѣми знаменитыми Римлянами, коихъ великія качества онъ соединялъ въ себѣ, въ одномъ сраженіи, въ которомъ Римляне были разбиты и лошадь подъ нимъ убила, — будучи самъ тяжело раненъ, переплылъ рѣку Рону, въ своихъ лапахъ и со щипкомъ въ рукѣ. Онъ плылъ долго противъ теченія сей широкой и быстрой рѣки, и наконецъ переплылъ: вошъ какое крѣпкое и сильное онъ имѣлъ шѣло, приученное опть суровой жизни ко всѣмъ трудностямъ, посредствомъ шѣлодвиженія и трудовъ! Великій *Помпей* началъ дѣлать приготовленія къ завоеванію Африки и Азіи, по одержаніи уже побѣдъ въ военныхъ походахъ и увѣнчавшись пальмовыми вѣнцами за самыя трудныя. *Саллустій* хвалилъ его, что онъ бѣгалъ, прыгалъ, и носилъ плясески, также не уступаая

въ ономъ никому въ свое время. *Цезарь* принималъ споль много безмѣрныхъ трудовъ въ короткое время, что можно бы безъ сомнѣнія думать, что онъ былъ крѣпкаго стѣпосложенія, дабы оныя вынесши; но тогда бы мы ошиблись: *Цезарь* былъ также суховаръ, какъ и слабъ; а падушая болѣзнь умножала еще его слабость. Но сей герой исполненъ былъ духа, господствовавшего надъ всѣми стѣпесными немощами, и сдѣлался власпелиномъ стѣла. Онъ искалъ въ войнѣ лекарственнаго оупъ своихъ хворостей или болѣзней: преодолевалъ слабость своихъ органовъ частыми и продолжительными маршами; укрѣплялъ свои фибры споль же строгого дѣшпоу, сколько трудами всякаго рода, и сдѣлавъ привычку опдыхаться на вольномъ воздухѣ, или, ѣхавши дорогою, на шельгѣ. — *Цицеронъ* былъ щедушенъ и сухоощавъ, но былъ изъ первѣйшихъ Ораншоровъ. Онъ имѣлъ шакую слабость желудка, что

едва могъ переваривать пищу; стѣло-движеніе же ему доставило крѣпкое стѣлосложеніе; голосъ его, прежде бывши грубый и непріятный, приобрѣлъ послѣ чистоту, пріятность и нѣжность.

Физическое воспитаніе *Аннибала* невозможно отличить оупъ воспитанія славѣйшихъ Римлянъ. Плутархъ говорить объ немъ: не было трудовъ и подвиговъ свыше его силъ и его неуспрашимости и смѣлости; онъ равно переносилъ какъ холодъ, такъ и жаръ; въ пищу и питье довольствовался шелько одною необходимою потребностью Природы, и чуждъ былъ роскоши; — не искалъ для опдыха ни хорошей постели, ни тишины: часно видали его спавшаго на землѣ, покрывшаго однимъ плащемъ сверхъ лашъ.

Законы *Ликурговъ* показываютъ, * какое было воспитаніе *Спаршанцевъ*. — Вся жизнь ихъ была чудомъ

упрямства и дурной привычки. Лучший и единственный способ къ исцеленію и предупрежденію сей привычки есть невниманіе къ оной. Никто не любитъ щещныхъ мученій, даже и самые младенцы.

Магистры не такъ должны поступать съ дѣтьми своими, какъ располагаетъ ихъ къ нимъ сѣное приспращіе; но такъ, какъ заставляють благоразумная любовь. „Приучайте ихъ, говоритъ *Монтань*, къ жару, къ спужу, къ вѣтру, къ солнечному зною и ко всемъ перемѣнамъ, которыя имъ должно переносить; напропивъ, не приучайте ихъ къ нѣгу, мягкимъ одеждамъ и постелямъ, къ напешкамъ и сладкимъ кушаньямъ. Приучайте ихъ ко всему, и старайтесь, чтобъ они не были же неподобные красавцы, но были цвѣшущіе и крѣпкіе юноши.

Должно мыть ихъ холодною и щелою водою не вдругъ, но съ нѣкоторою перемѣною; пусть они привыка-

ютъ, для безопасности, заблаговременно мыть ноги холодною водою, какъ обыкновенно мы моемъ руки безъ всякаго вреда.

Надобно, чтобъ они ходили много, но безъ усталости; чтобъ бѣгали, прыгали, плавали въ водѣ, плясали, танцевали: тѣлодвиженіе сдѣлаетъ ихъ не только сновидными и пріятными, но сильными и проворными.

Ненадобно давать имъ пить ни вина, ни пива, ни водки, ни чаю, ни кофе, ни шоколаду.

Мать, изнѣживая дѣтей своихъ, дѣлаетъ ихъ слабыми, крайне чувствительными къ малѣйшимъ впечатлѣніямъ и неспособными сносить никакого шруда, болѣзни и несчастія.

Весьма нужно дѣтямъ много спать. Только не должно имъ спать вмѣстѣ съ спарымъ человекомъ, ибо это для нихъ очень вредно.

Нужно, чтобъ они имѣли ежедневное испражненіе на низъ. Это замѣчаніе для

силы, мужесківа, презвощи, опечужденія мірскихъ забавъ и корыстей, и опроверженія самого себя; въ нихъ по духу управлялъ самовластно плѣломъ. Если бѣ надлежало разсказать приключенія, доспойныя замѣчанія, тогдабы должно упомянуть о всѣхъ гражданахъ Спаршанскихъ; заключимъ только однимъ примѣромъ: — *Агезилай*, Царь Спаршанскій, будучи 80 лѣтъ, опасаясь спокойствія, доснавленнаго ему миромъ въ Пелопоннесѣ, пошелъ искать новыхъ опасностей въ Египтѣ, гдѣ онъ лишилъ прона Царя Тахоса, (презираваго его суровую одежду и грубую нищу,) дабы возвесити на пронъ его соперника Пектамеба. Хотя Агезилай былъ роспомъ малъ, и хромъ, но онъ закалилъ свое плѣло въ трудахъ, кои приготавлили къ безпокойствамъ военнымъ, и — былъ охотникъ бороться. — Нарави въ Исторіи Спаршанской представляюща два великіе чловѣка, кои

занимствуя свою силу и важность опъ своего воспитанія, просіали какъ два воздушныхъ метеора и доснавили славу городу Оивамъ, своему отечеству, славу, которая была, однакожъ, недолговременна. *Пелопидъ* превосходилъ всѣхъ въ трудахъ плѣсныхъ; онъ употреблялъ свободное время всегда на звѣриную охоту и на игры, пребывующія сильнаго плѣдвиженія. О *Эпалмондѣ* же Монтескѣ говоритъ, что въ послѣднихъ годахъ его жизни онъ говаривалъ, пересказывалъ, видѣлъ и дѣлалъ плѣ же вещи, кои и въ плѣ лѣша, когда началъ онъ учиться. —

Въ Аѳинахъ всегда воспитаніе Физическое преподавалось вмѣстѣ съ моральнымъ; опъ того — по и нигдѣ не было столько великихъ людей, какъ въ семъ городѣ. Философы — храбрые и мужественные; Поэты и правоучители отличались шамъ въ искусствахъ плѣдвиженія: самъ *Сократъ* превосходилъ другихъ въ плѣсныхъ упражне-

нійхъ, кои раскрыли въ немъ силу душевную, соединенную всегда съ тѣлесною. Онъ не спыдился и не краснѣлъ играть съ дѣшми; въ лагеряхъ не спрашивалъ холода, голода и всѣхъ перемѣнъ годового времени. Когда *Ксенофонъ* былъ раненъ во время сраженія, *Сократъ* поднялъ его на свои плеча и опнесъ за нѣсколько стадій, дабы испоргнуть его изъ опасности. Такимъ образомъ сіе дѣйствіе пріизни и мужества сохранило пріятнаго иравоучителя, прелестнаго Писателя и вѣрнаго Испорика. „Хочешь ли ты, сказалъ Ксенофонъ, чѣмъ твое тѣло было здорово и крѣпко? Приучи его повиноваться твоимъ мыслямъ и упражняй его частыми трудами.“ Прежде, нежели оставимъ Грецію, скажемъ о *Пифагорѣ*, родившемся въ Самосѣ: его физическая сила равнялась съ моральною, кошорыя въ немъ открылись, вѣроятно, онъ борьбы, — ибо она была

его ремесломъ прежде преподаванія морали и начертанія законовъ.

Карлъ XII, Король Шведскій, будучи 7-ми лѣтъ, умѣлъ хорошо ѣздить верхомъ, и грубыя упражненія, коими онъ любилъ заниматься, скоро ему досаждали крѣпкое тѣлосложеніе.

Нашъ Императоръ, *Петръ I* и нашъ же герой, Князь Италійскій — *Суворовъ* также превосходили весьма многихъ трудолюбіемъ и неутомимостью. Вѣсьмъ извѣстно, что Суворовъ издавна приучилъ тѣло свое къ перенесенію всѣхъ воздушныхъ перемѣнъ; онъ могъ спать не токмо на соломѣ или сѣнѣ (какъ то обыкновенно бывало), но и на голой землѣ, подложка подъ голову сѣдло; въ жестокіе морозы оказывался водою со льдомъ, и зимою, кромѣ только въ дорогѣ, шубы не надевалъ.

Можно собрать множество примѣровъ изъ Испорій, доказывающихъ, что почти нѣтъ такихъ великихъ

людей, коих бы труды ревностные или снороватая жизнь, умеренная и многопрудная, не поставили бы ихъ, такъ сказать, на пунъ славы или на верхъ величія. Можно найти храбрыхъ воиновъ, великихъ знаменитовъ въ государственныхъ дѣлахъ и полководцевъ, исполненныхъ тонкихъ ухищреній; но изъ сихъ людей, имѣющихъ великое достоинство и благородство въ характеръ, послѣдствіе чувствъ ихъ сила, ни одинъ не имѣлъ громкой славы на землѣ, если онъ не укрѣпилъ свое моральное воспитаніе хорошимъ физическимъ воспитаніемъ.

Греки праздновали свои священныя игры, съ шлодвиженіемъ сопряга, пошому что онъ были обороною ихъ независимости политической отъ варваровъ, и вмѣстѣ училищемъ великихъ людей и неисчерпаемымъ источникомъ благихъ нравовъ. Восторгъ ихъ, при сихъ празднествахъ, былъ къ высочайшей степени; побѣдителей

изъ сихъ играхъ, содержали во всю ихъ жизнь на счетъ города; весь народъ шелъ на встрѣчу къ нимъ, когда они имѣли торжественный вѣздъ; воспѣвали имъ хвалы, праздновали ихъ побѣды; дороги были усыпаны цвѣтами и листьями; вели ихъ на торжественной колесницѣ, запряженной чепырью бѣлыми лошадьми. Сколько нищи для славы! сколько поощреній, дабы преимуществовать надъ неспособными! какія сильныя средства къ похвальному соревнованію! Можно ли не удивляться, когда два или три города въ Греціи сочиняли почти столько же великихъ людей, сколько гражданъ? Ахъ! если мы не имѣемъ такихъ же побуждений, той же любви къ славѣ, да познаемъ по крайней мѣрѣ побужденія — для собственнаго нашего сохраненія; да удалимъ отъ себя печальныя ведуги, держа наше шло здоровымъ, и да будемъ увѣрены, что Гимнастика

доставляетъ сильныя средства для получения сего рода благополучія.

Древніе народы сохраняли силы и твердость плѣла тремя средствами: 1) пищею мясною изобильною; 2) ежедневнымъ плѣодвиженіемъ всехъ членовъ своихъ; и наконецъ 3) воздержностію или оппужденіемъ забавъ разслабляющихъ, особенно любострастныхъ или чувственныхъ.

Ни что такъ не уменьшаетъ силу плѣсныхъ, какъ онанизмъ и пьянство. — Цѣломудріе есть источникъ силы.

П а м я т ь.

Память есть хранилище всего, что мы видели, читали и узнали отъ учителей или сами приобрѣли, посредствомъ собственннхъ своихъ размышлений. Она есть домашняя и естественная сокровищница, въ коей сохраняемъ мы безчисленныя и драгоцѣнныя богатства. Безъ нее долговре-

менное ученіе дѣлается безполезнымъ, не оставляетъ по себѣ никакихъ слѣдовъ, и безпрестанно, такъ сказать, высекается изъ ума.

Сія естль удивительная и необходимая способность естль даръ Природы и вмѣстѣ плодъ труда. Она заимствуетъ плѣчно отъ того и другаго. Происхожденіемъ своимъ она обязана Природѣ, а усовершенствованіемъ искусству, которое не доставляетъ намъ никакихъ новыхъ качествъ, а токмо умножаетъ и укрѣпляетъ, посредствомъ образованія, плѣ способности, конхъ счастливыя начала получили мы отъ Природы.

И такъ весьма нужно заблаговременно изощрять память дѣшей, у коихъ она обыкновенно бываетъ хороша и кои припомъ, въ сихъ дѣшахъ, не способны ни къ какому другому труду. Если нѣкоторыя изъ нихъ лѣнныя и шуны, то не должно скоро опсавать отъ сего и уступать

первому сопротивленію, которое часто преодолевается бываетъ шероховатѣе и непослушнѣе. Сперва давай-те такому ребенку учить наизусть нѣсколько строчекъ; только бы онъ выучилъ ихъ хорошо. Соединяй-те трудъ сей съ удовольствіемъ, и заставляй-те его учить что-либо пріятное, напримѣръ: Басни и занимательныя исторіи.

Весьма часто умные и любящіе чтеніе люди жалуются, что они не могутъ запомнить того, что читали. Конечно, многіе имѣютъ память слабую и, такъ сказать, со всѣхъ сторонъ раскрытую, изъ коей вытекаешь все, что ей ни ввернуть; но часто сей недостатокъ происходитъ отъ небреженія: стараются болѣе читать много, нежели мало, и съ пользою; пробѣгаютъ все поспѣшно, и хотѣвъ всегда видѣть новые предметы. Послѣ сего не удивительно, что сіи предметы, умножившіеся до безконечности,

и на кон едва имѣемъ время взглянуть, производятъ слабое впечатлѣніе, которое тотчасъ изглаживается изъ памяти. Самое лучшее средство поминуть — читать гораздо медленнѣе, повторять одно и то же нѣсколько разъ, и давать въ томъ опеченъ самому себѣ.

Замѣчено также, что весьма полезно читать и повторять нѣсколько разъ ввечеру, ложась спать, что хочешь выучить наизусть, хотя и незвѣстна тому причина: развѣ та, что тогда понятія не развлекаются и не прерываются многообразными предметами, какъ днемъ; а пошому, при тишинѣ и спокойствіи ночи, сильнѣе и глубже впечатлѣваются въ память.

Злоупотребленіе любострастныхъ забавъ, опанизмъ, излишнее бдѣніе, холодъ, сырость, бессонница изеунають мозгъ и уменьшаютъ умъ и память. — Излишнее употребленіе ящи и пивья, также частые пріемы оиія и пьянство

угнетаютъ умъ и память. — Сидячая жизнь безъ тѣлодвиженія и упражненія въ Наукахъ по ночамъ ослабляютъ память; — также и преждевременные браки, то есть, ранѣе 20 лѣтъ.

С у п р у ж е с т в о.

Алиберъ говоритъ: „Одна добродѣтель можешь поимать и цѣнить крошкѣ, нѣжныя удовольствія супружества, когда союзъ его утверждёнъ сходствомъ нравовъ, чувствительности и характера.“

Плутархъ говоритъ: „Не пошъ счастливъ, кто женился на прекрасной и богатой, а пошъ, чья жена любезна и добродѣтельна.“

Итъ ничего обманчивѣе наружности молодой дѣвицы.

Женишься по расчету — не то же ли самое, что купишь книгу въ богатомъ переплетѣ, содержаніе которой намъ неизвѣстно?

Для счастія супружеской жизни необходимо, чтобы жена по крайней мѣрѣ уважала своего мужа, если не можешь любить его.

Весьма рѣдки совершенно счастливыя супружества.

Отъ чего жъ супружества согласны очень рѣдки? — Отъ того, что сіе важное дѣло совершается почти всегда по неволѣ и власно родителей, по расчетамъ, а не по любви, или по спрашн и по легкомыслию молодыхъ людей, кои не стараются предохранить себя отъ несчастія и раскаянія. Должно хорошо размыслить прежде, и хорошо поступать послѣ, дабы ни въ чемъ себя не упрекать.

Вступая въ супружество, которое должно быть ненарушимо, надобно объ ономъ совершенно обдумать и не смотрѣть ни на любовь, которая всегда слѣпа, ни на богатство, которое умерщвляетъ любовь подъ злыми цѣлями своими.

Вкорененное отвращеніе или несходство нравовъ провсходитъ отъ неравенства лишь мужа съ женою, по причинѣ богатства, и отъ невольныхъ вступленій въ бракъ.

Бракъ молодого человѣка съ старою женщиной вреденъ для порядка обществѣ. Сія браки совершаются только изъ гнуснѣйшей денежной корысти, и ведутъ непременно человѣка къ омерзѣнію и разврату, а жену къ чрезвычайной ревности.

Счастливыя супружества содѣлались рѣдки съ тѣхъ поръ, какъ начали предпочитать болѣе деньги, нежели достоинство. Одинъ человѣкъ спросилъ *Телестокла*: за кого онъ охотнѣе отдастъ дочь свою за-мужъ, за честнаго и достойнаго человѣка — но бѣднаго, или за богатаго безъ всякихъ достоинствъ? — *Я лучше люблю, отвѣчалъ онъ, человека безъ денегъ, нежели деньги безъ человека.*

Ни за какія въ свѣтѣ сокровища не

должно жениться на такой, къ которой имѣешь человѣкъ отвращеніе. — Красота скоро проходитъ; выбирая себѣ жену, должно болѣе уважать умъ, нравъ, добродѣтель, нежели красоту.

Дружесство супружеское гораздо тверже и постояннѣе бываетъ, когда оно основано на такихъ качествахъ, коихъ ни болѣзнь, ни старость не могутъ испортить. — Сходство нравовъ необходимо для счастливаго супружества.

Г-жа *Ментенонъ* говоритъ Герцогинѣ Бургонской въ наставленіи своемъ: Присяжь Бога, чпюбъ не быть ревнивой; не надѣйся обратитъ къ себѣ мужа жалобами, огорченіями и упреками; одно есть средство, которое содѣлаетъ въ шерстѣ, крошечки и нѣжности; непрерывнѣе приводитъ въ злобу, нѣжность же привлекаетъ сердце.

Благоразумная и благочестивая жена есть даръ Неба; все драгоценныя сокровища земныя предъ нимъ суть ничто.

Кокетство жены есть дѣло ужасное, оно производитъ великіе раздоры и несчастія въ семействахъ.

Самовласіе въ супружествѣ есть гнусно и омерзительно, и никогда оно не дѣлается хорошо, что дѣлается по принужденію: жена есть ваша подруга, а не невольница, которую вы себѣ избрали.

По большей части у мужа съ женою бывающъ несогласія за то, что жена хочеть управлять своимъ мужемъ и избавившись отъ его зависимости, установленной Приурою.

Апостолъ Павелъ предписываетъ женамъ почитать мужей своихъ за начальниковъ своихъ, и быть имъ подвластными или покорными во всемъ.

Есть средство для жены, чтобы раздѣлить власть мужа своего, или и во все его лишить оной: оно состоитъ въ покорности, снисходительности и дѣжности. Жена, которая старается

чтобъ ей правилось все то, что мужъ ея желаетъ и приказываетъ, доводитъ его до такого положенія, что онъ не осмѣлится и не потребуетъ ничего такого, чтобы не правилось ей.

Одна женщина просила другую, благоразумную и добродѣтельную женщину, открыть ей тайну: отъ чего она живетъ всегда согласно со своимъ мужемъ? — „Отъ того, отвѣчала она первой, что я *дѣлаю все то, что ему нравится, и сношу терпѣливо все, что онъ дѣлаетъ, хотя бы оно мнѣ и не правилось.*“

Жена занимающаяся хозяйствомъ и бережливостію, есть неоцѣненное сокровище для мужа; сіе достоинство сподобитъ богатѣйшаго приданого; съ таковою женою приданое ея умножается ежедневно. Напротивъ того, съ глупою женою, которая презираетъ хозяйство и ни въ чемъ себѣ не отказываетъ, даже и будущія наследства недостаточны будучь, сверхъ родова-

го имѣнія. — Но жена скупая обыкновенно бываетъ зла и бранчива.

Снисхожденіе добродѣтельной жены поддерживаеиъ радость въ сердцѣ и на лицѣ мужа своего. Ея хорошее поведеніе и неусынное попеченіе о домашнемъ хозяйствѣ избавляютъ его отъ безпокойствъ и трудовъ.

Хотите ли вкушать и сохранить счастье въ супружествѣ? Имѣйте всегда одинъ къ другому уваженіе, вниманіе и почтеніе, кои вы оказывали прежде свадьбы; удвойте даже ихъ, если это возможно; гораздо труднѣе поддерживать любовь, нежели произвестъ оную.

Почтительнѣйшія супружницы, желающія быть увѣренными въ преданности и любви вашихъ супруговъ, не дѣлайте также, какъ многіе другіе, кои, послѣ свадьбы, гораздо менѣе стараются нравиться своимъ мужьямъ, нежели какъ онѣ старались прежде казаться имъ любезными. Приложите такое жъ попеченіе, дабы сохра-

нить его любовь, какое вы употребляли, чѣмъбъ ему понравиться. Вы старались ему нравиться опрятностью и чистотою, нарядами по его вкусу, и кои льстили его глазамъ; продолжайте это всегда также. Одевайтесь по вашему состоянію, но болѣе для вашего мужа, нежели для другихъ. Если жъ жена стараеиъ болѣе о своихъ нарядахъ тогда только, когда хочетъ казаться въ публикѣ, за-просто ежедневно показывался мужу своему неопрятно одѣтою, не имѣя желанія ему нравиться, — тогда мужъ будетъ увѣренъ, что его жена стараеиъ болѣе обратитиъ вниманіе и взоры другихъ людей, нежели его; наконецъ онъ ее презритъ, и возлюбитъ другихъ женщинъ, кои ему болѣе понравятся, потому что онѣ стараются ему казаться любезными. Даже одна неопрятность можетъ обратитиъ мужа отъ любви къ женѣ своей, не смотря на все ея отличныя достоинства.

Когда вступаюшь въ бракъ, имѣя пороки или недостатки (ибо кто ихъ не имѣеть?), то должно стараться всегда имѣть другъ къ другу великое вниманіе, чѣмъ никогда оными не упрекать, и другъ другу не говорить пропивнаго. Благоразумный человѣкъ говоритъ рѣдко о своей женѣ, никогда надъ нею не насмѣхается, и не презираетъ. Если хотимъ, чѣмъ уважали нашихъ женъ, то начнемъ мы первые уважать ихъ. Сверхъ сего, презрѣніе способно только произвести равнодушіе или хладнокровіе, и вскорѣ пошомъ ненавидѣть.

Приучайте себя мыслить, что всякой имѣетъ свои недостатки; и знайте, что требовать, дабы жена была совершенна во всемъ, есть глупость. Хорошія качества жены должны заставить извинять и переносить другіе недостатки ея.

Богатство, лишность, деньги.

Богатство не рѣдко ведетъ насъ къ развращенію и невоздержности. Самъ *Сенека*, который былъ чрезвычайно богатъ, признается, что „чѣмъ болѣе имѣешь богатства, тѣмъ болѣе находишь безпокойствъ и несчастій.“

Дрозъ говоритъ: „Я смѣло утверждаю, что богачи болѣе другихъ обременены жизнью.“

Опъ великаго богатства рождаетъ пресыщеніе, опъ пресыщенія скука: душевныя и чувствительныя вожделѣнія наши утасаютъ при всегдашней возможности удовлетворять онымъ.

Скифы были счастливы опъ непорочности своихъ нравовъ, опъ всеобщаго пренебреженія золота и серебра и опъ простой жизни.

Платонъ сказалъ, что „невозможно быть въ одно время очень богатымъ и весьма честнымъ человѣкомъ, а какъ итъ истиннаго счастья безъ добро-